

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის

მაცნე

675-9/2
1381

39

ფილოსოფიისა და
ფსიქოლოგიის
სერია

1. 1981

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის „მაცნე“,
ფილოსოფიისა და ფსიქოლოგიის სერია, 1981, № 1

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის მაცნე

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ფილოსოფიისა და
ფსიქოლოგიის
სერია

СЕРИЯ
ФИЛОСОФИИ И
ПСИХОЛОГИИ

ჟურნალი დაარსებულია 1980 წელს
Журнал основан в 1980 году
გამოდის 3 თვეში ერთხელ
Выходит раз в 3 месяца

1. 1981

გამომცემლობა „მეცნიერება“
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»

● თბილისი
ТБИЛИСИ

ს ა რ ე ლ ა ქ ც ი ო კ ო ლ ე გ ი ა :

- ა. ბოჭორიშვილი, თ. ბუაჩიძე, ვ. გრიგოლავა (რედაქტორის მოადგილე), ვ. თევზაძე,
- ვ. კეშელავა, ზ. მიქელაძე, რ. ნათაძე, შ. ნადირაშვილი, ა. ფრანგიშვილი,
- ნ. ჭავჭავაძე (რედაქტორი), ო. ჯიოევი (რედაქტორის მოადგილე).

პასუხისმგებელი მდივანი ც. შალამბერიძე

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Бочоришвили А. Т., Буачидзе Т. А., Григолава В. В. (зам. редактора), Джиоев О. И. (зам. редактора), Кешелова В. В., Микеладзе З. Н., Натадзе Р. Г., Надирашвили Ш. А., Прангишвили А. С., Тевзадзе Г. Б., Чавчавадзе Н. З. (редактор).

Ответственный секретарь Ц. А. Шаламберидзе

© „საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის შტენე“, ფილოსოფიისა და ფსიქოლოგიის სერია, 1980.

რედაქციის მისამართი: თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
 Адрес редакции: Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
 ტელეფონი 37-95-46 телефон

გადაეცა წარმოებას 18.2.81; ხელმოწერილია დასაბეჭდად 12.6.81; შტეკ. № 603; ანაწყობის ზომა 7×111/2; ქაღალდის ზომა 7×1081/16; მაღალი ბეჭდვა; ნაბეჭდი თაბახი 9,8; სააღრიცხვო-საგამომცემლო თაბახი. 6,3; უე 13872; ტირაჟი 600; ფაბი 70 კაპ.

*

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
 Издательство «Мешниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

*

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
 Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

შინაარსი

სკკპ XXVI ყრილობა და ფილოსოფიურ და ფსიქოლოგიურ მეცნიერებათა ამოცანები 5

ფილოსოფია

- ბ. ბანძელაძე, ინტერნაციონალიზმი როგორც ზნეობრივი პროგრესის ფაქტორი 15
- ბ. ფაცაცია, თეორიულსა და ემპირიულს ურთიერთობის პრობლემის დამუშავების ისტორიიდან 24
- მ. მახარაძე, აპოფატეკური მეთოდი არეოპაგატიკაში 37

ფსიქოლოგია

- ი. იმედაძე, მოქმედების სტრუქტურა და განწყობის თეორია 51
- შ. ნოზარაძე, პიროვნების ღირებულებითი ორიენტაციები 67
- დ. ჩარკვიანი, ალტერნატივების მიზიდველობა და სასურველი შედეგების მიღწევის დონე, როგორც უპირატესობის მინიჭების სკალის დეტერმინანტები არჩევანის სიტუაციაში 75
- ბ. გოროშნიძე, განწყობისეული მოდიფიკაცია ადამიანის შეგუებით აქტივობაში 87

ჩვენი მემკვიდრეობა

- ა. მიზრაღიძე, მთარული ცრურწმენებისა და „წინარელოგიკური“ აზროვნების წესის შესახებ 97

СОДЕРЖАНИЕ

XXVI съезд КПСС и задачи философской и психологической наук	5
ФИЛОСОФИЯ	
Г. Д. БАНДЗЕЛАДЗЕ, Интернационализм как фактор нравственного прогресса	15
Г. Г. ПАЦАЦИЯ, Из истории разработки проблемы взаимоотношения теоретического и эмпирического	24
М. К. МАХАРАДЗЕ, Апофатический метод в ареопагитике	50
ПСИХОЛОГИЯ	
И. В. ИМЕДАДЗЕ, Структура деятельности и теория установки	51
Ж. И. НЕПАРИДЗЕ, Ценностные ориентации личности	67
Д. А. ЧАРКВИАНИ, Притягательность альтернатив и уровень достижения желаемых результатов, как детерминанты шкалы предпочтений в ситуации выбора	75
Г. А. ГОРОШИДЗЕ, Установочная модификация в приспособительной активности человека	87
НАШЕ НАСЛЕДИЕ	
К. Р. МЕГРЕЛИДЗЕ, О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления	97

45061

სკკპ XXVI ყრილობა და ფილოსოფიურ და ფსიქოლოგიურ მაცნირებათა ამოცანები

მეცნიერების მზარდი როლი საზოგადოებრივ ცხოვრებაში თანამედროვე ეპოქის დამახასიათებელი ნიშანია. ეს მარტო იმასთან კი არ არის დაკავშირებული, რომ მეცნიერება უშუალო საწარმოო ძალად იქცევა და მასზე სულ უფრო მეტად არის დამოკიდებული საზოგადოებრივი წარმოების ეფექტიანობა, არამედ იმასთანაც, რომ უფრო რთული და მრავალმხრივი გახდა თვით საზოგადოებრივი ცხოვრება და მისი მართვა სულ უფრო ძნელდება მეცნიერებაზე დამყარების გარეშე. მეცნიერებას უნდა დაემყაროს დღეს ადამიანისა და ბუნების ურთიერთობის მოწესრიგება, საზოგადოების სოციალურ-კულტურული განვითარების პროგნოზირება და წარმართვა, ადამიანთა შრომისა და ყოფის პირობებზე ზრუნვა, საზოგადოებრივი აზრის შესწავლა და იდეურ-აღმზრდელი მუშაობითი მუშაობა. ამიტომ ცხოვრება დღეს მეტად დიდ და საპასუხისმგებლო ამოცანებს აკისრებს საზოგადოებრივ მეცნიერებებს. ეს ამოცანები ჩამოყალიბებულია სკკპ XXVI ყრილობის დოკუმენტებში.

სკკპ XXVI ყრილობის საანგარიშო მოხსენებაში, რომლითაც გამოვიდა სკკპ ცენტრალური კომიტეტის მდივანი ანტონ ბრეჯნევი, და სხვა დოკუმენტებში საზოგადოებრივ მეცნიერებათა მიღწევებთან ერთად აღინიშნა ის ნაკლოვანებანი, რომლებიც მათ სხვადასხვა დარგს ახასიათებს და დასახულ იქნა მათი დაძლევის ძირითადი მიმართულებები. საზოგადოებრივ მეცნიერებათა წარმომადგენლებმა უნდა გააანალიზონ თითოეული დარგის დღევანდელი მდგომარეობა ყრილობის გადაწყვეტილებათა შუქზე და დასაზონ ამ მეცნიერებათა შემდგომი განვითარების, ცხოვრებასთან მათი დაახლოების გზები.

ყრილობაზე, საზოგადოებრივ მეცნიერებათა მიღწევების აღნიშვნასთან ერთად, წარმოჩენილ იქნა ის უარყოფითი ტენდენციებიც, რომლებიც დღესდღეობით მეტ-ნაკლებად დამახასიათებელია ამ მეცნიერებათა თითქმის ყველა დარგისათვის. ერთ-ერთ ამგვარ ნაკლად იქნა აღიარებული მიდრეკილება სქოლასტიკური თეორეტიზირებისადმი. ეს შეფასება არ უნდა გავიგოთ როგორც თეორიისა ან მეცნიერული აბსტრაქციების მნიშვნელობის უგულვებელყოფა. მეცნიერება ვერ განვითარდება, თუ მან არ მიმართა თეორიულ განზოგადებებს, არ გამოიყენა აბსტრაქციები. საქმე ეხება თეორიისა და პრაქტიკას, აბსტრაქციასა და კონკრეტობას შორის ურთიერთობის სწორ გააზრებას, იმის გაგებას, რომ თეორიული განზოგადება სინამდვილის შემეცნების ამოცანებით უნდა იყოს განსაზღვრული, ხოლო აბსტრაქციება კონკრეტული მოვლენებისა და პროცესების გამოხატვის ემსახურებოდეს.

საანგარიშო მოხსენებაში ყრილობისადმი ფილოსოფოსების მიმართ გამოთქმული იყო ის საყვედური, რომ ისინი არცთუ იშვიათად უკვე დამტკიცებულს ამტკიცებენ იმის ნაცვლად, რომ ცხოვრების ახალი მოვლენები განზოგადონ. ცხადია, ეს შეფასება ფილოსოფიური კვლევის სერიოზულ ნაკლზე მიუთითებს, მაგრამ მან სტიმულიც უნდა მისცეს ფილოსოფოსებს, რათა მათ

ქ. მარაშის საბ. საბ.
სსრ. სახელმწიფო
აქტივობის ცენტრი

გაანალიზონ ამ ნაკლოვანების მიზეზები და დასახონ მისი დაძლევის საშუალებები.

ფილოსოფიური კვლევის აღნიშნული ნაწილი არ შეიძლება გამოწვეული იყოს მისი საგნის განსაკუთრებული სირთულით ან თვით ფილოსოფოსთა უუნარობით — გაართვან თავი ამ სირთულეს. მეცნიერულ კვლევაში მარტივი და იოლად შესასწაველი საგნები არ არსებობენ. რა თქმა უნდა, არსებობს უფრო მარტივი და უფრო რთული საგნები, მაგრამ მარტივი შემადგენლობის საგანთა შესწავლა უფრო იოლი საქმე როდია. ასევე, ცხადია, რომ თუმცა ყოველ ეპოქაში არსებობს მეცნიერების დარგები, რომლებიც მეტი პრესტიჟით სარგებლობს და უფრო მეტად იქცევის ნიჭიერი ახალგაზრდობის ყურადღებას, მაგრამ ფილოსოფიისადმი ინტერესი ადამიანებს ყოველ ეპოქაში ჰქონდათ მისი უნივერსალურობისა და ადამიანის სასიცოცხლო პრობლემებთან კავშირის გამო. და თუ მიხედვით ფილოსოფიის სფეროში მომძლავრდა ნათქვამის გამეორებისაკენ მისწრაფება და შესამჩნევი გახდა ახალი პრობლემების გაბედულ გამოკვლევაზე უარის თქმის ტენდენცია, ამას თავისი ღრმა მიზეზები უნდა ჰქონდეს.

ერთ-ერთი მიზეზი, რამაც ფილოსოფიური კვლევის აღნიშნული ნაწილი განაპირობა, დაკავშირებულია ფილოსოფიური მეცნიერების თავისებურებასთან, მის მსოფლმხედველობრივ ხასიათთან. ის, რომ ფილოსოფია კერძო მეცნიერება არ არის და თავისი მსოფლმხედველობრივი ხასიათის გამო იდეოლოგიის მნიშვნელოვანი ნაწილია, მის წარმომადგენლებს უფრო მეტ პასუხისმგებლობას აკისრებს. ფილოსოფიის მსოფლმხედველობრივი ხასიათის გამო აქ ახალი დებულებების წამოყენებისა და დასაბუთების, მუდამ ახლის ძიების აუცილებლობას ისიც განაპირობებს, რომ ამის გარეშე არ შეიძლება სიცოცხლისუნარიანი და გავლენიანი იყოს იდეოლოგია, რომლის ნაწილსაც ის შეადგენს. მაგრამ ამავე დროს ეს ვითარება მეტ პასუხისმგებლობას აკისრებს მეკვლევარს, ვინაიდან აქ მოუფიქრებელი და დაუსაბუთებელი დებულება მხოლოდ თეორიული შეცდომა კი არ არის, არამედ არასწორ ორიენტაცია-საც აძლევს ადამიანებს მათ საზოგადოებრივ-პრაქტიკულ მოღვაწეობაში. ფილოსოფოსს, ამრიგად, მეტი პასუხისმგებლობა აკისრია მის დარგში შემოქმედებითი მუშაობისთვისაც და ამ შემოქმედების საზოგადოებრივ-იდეოლოგიური დანიშნულების გამოც. სამწუხაროდ, ბევრ ფილოსოფოსს ცალმხრივად ესმის თავისი პასუხისმგებლობა — იგი ანგარიშს არ უწყევს შემოქმედებითი ძიების აუცილებლობას და პასუხისმგებლობას მხოლოდ იმაში ამჟღავნებს, რომ ოდესღაც და გარკვეულ პირობებში გამოთქმულ დებულებებს უყურებს როგორც დოგმებს, რომელთა შეცვლა ახალი ვითარების შესაბამისად მას იდეოლოგიურ-მსოფლმხედველობრივ შეცდომად და დანაშაულადაც კი მიაჩნია. ამას ისიც ემატება, რომ არცთუ შორეულ წარსულში ზოგიერთი „ფილოსოფოსი“, რომელიც შემთხვევით იყო მოხვედრილი მეცნიერების სფეროში და ზოგჯერ ამ დარგში ხელმძღვანელის ადგილიც ჰქონდა მოპოვებული, თვითონ იყო მოკლებული შემოქმედების უნარს და თავის ენერგიას მხოლოდ იმას ახმარდა, რომ ხელი შეეშალა სხვისი შემოქმედებისათვის; ასეთი ადამიანები ბრალს სდებდნენ სხვებს იდეალიზმში, ბურჟუაზიული ფილოსოფიის გავლენის ქვეშ ყოფნაში და სხვა ათასგვარ ცოდვაში და ზოგჯერ მნიშვნელოვნადაც

აფერხებდნენ ჩვენი წამყვანი ფილოსოფოსების მუშაობას. ასეთ ვითარებას არ შეიძლება თაყვისი დალი არ დაესვა ფილოსოფიური კვლევისათვის. მან ხელი შეუწყო გაუბედაობას, მოძველებული დებულებების შეცვლის შიშს, დოგმატიზმსა და ზედამირობას.

მიუხედავად აღნიშნული მიზეზის დიდი მნიშვნელობისა, მასზე არ დაიყვანება ის უარყოფითი ფაქტორები, რომლებიც გავლენას ახდენენ ფილოსოფიური კვლევის განვითარებაზე. ფილოსოფიური მეცნიერების ის თავისებურება, რომ ის მსოფლმხედველობაა, განაპირობებს ამ მეცნიერების განვითარების თავისებურებას. ფილოსოფიის განვითარების პროცესში არა მარტო ახალი საგნები შემოდის მისი ინტერესის არეში, არამედ გარკვეულად იცვლება თვით საგანიც ფილოსოფიისა, მისი დამოკიდებულება ამ საგანთან და ფილოსოფიური ცოდნის ხასიათიც. თუ ტრადიციულ ფილოსოფიაში ნაკლებად იყო გაცნობიერებული მისი კავშირი ადამიანის ყოფიერებასთან, ფილოსოფიური აბსტრაქციების პრაქტიკულ-ცხოვრებისეული საფუძველი — თანამედროვე ცხოვრება სულ უფრო ნათელს ხდის ამ კავშირს, იმას, რომ ფილოსოფიის ყველაზე განყენებულ განზოგადებებსაც პირდაპირი მნიშვნელობა აქვთ ადამიანის ყოფიერებისათვის, მისი სასიცოცხლო პრობლემებისათვის. ეს ვითარება — ცხოვრებასთან ფილოსოფიის კავშირის უფრო მეტად გაცნობიერება — თუმცა აბსტრაქტულად, მაგრამ მაინც არის გამოხატული თანამედროვე დასავლეთის ფილოსოფიაშიც, განსაკუთრებით ისეთ მიმართულებებში, როგორცაა: სიცოცხლის ფილოსოფია, ექსისტენციალიზმი, ფრანკფურტის სოციალური ფილოსოფიის სკოლა და სხვ. მარქსისტული ფილოსოფია ტრადიციულ ფილოსოფიას დაუპირისპირდა იმითაც, რომ პირდაპირ დაუკავშირდა ცხოვრებას და სინამდვილის გარდაქმნა თავის უპირველეს ამოცანად მიიჩნია. მაგრამ, სამწუხაროდ, ინერციის ძალა, როგორც ბევრ სხვა შემთხვევაში, აქაც უარყოფით როლს ასრულებს: ფილოსოფიური კვლევა ჩვენი ხშირად ტრადიციული ფილოსოფიის პრობლემატიკას არ სცვლდება. ეს იმაში მტკიცდება, რომ არაშეფათად ერთმანეთს უპირისპირებენ „წმინდა“ და „არაწმინდა“ ფილოსოფიას, ადამიანისა და საზოგადოებრივი ცხოვრების ფილოსოფიურ პრობლემებს უმნიშვნელო, პერიფერიულ საკითხებად მიიჩნევენ, ფილოსოფიური აზრის ისტორია ტრადიციული ონტოლოგიისა და გნოსეოლოგიის ისტორიაზე დაჰყავთ და სხვ. ამგვარი ტენდენცია ხელს უშლის იმას, რომ ფილოსოფიური კვლევა უფრო გადაჭრით შემოტრიალდეს ცხოვრებისაკენ, ახალი სოციალური პრობლემებისაკენ.

ფილოსოფიური კვლევის განვითარებას, ახლის ძიებასა და მტკიცებას ამ სფეროში ხელს უშლის კიდევ ერთი გარემოება, რომელიც, ერთი შეხედვით, შეიძლება უმნიშვნელოდ მოგვეჩვენოს. კარგად არის ცნობილი ის ვითარება, რომ მეცნიერება დღეს წარმატებით ვერ განვითარდება მატერიალური ბაზის გარეშე. ეს, რა თქმა უნდა, უწინარეს ყოვლისა ტექნიკურ და საბუნებისმეტყველო მეცნიერებებზე ითქმის, მაგრამ გარკვეული მატერიალური ბაზის გარეშე, განსაკუთრებით დღეს, ინფორმაციის მოზღვაების პერიოდში, არ შეიძლება წარმატებით განვითარდეს საზოგადოებრივი მეცნიერებებიც. ფილოსოფიური მეცნიერება არ შეიძლება ვითარდებოდეს ისე, თუ მკვლევარმა არ გაიცნო და არ გადაამუშავა მთელი საჭირო ინფორმაცია, ლიტერატურა,

რომელიც დღეს იქმნება მსოფლიო ფილოსოფიური აზროვნების მრავალ ცენტრში. ამის უზრუნველსაყოფად კი აუცილებელია გადაჭრით გაუმჯობესდეს საზოგადოებრივ მეცნიერებაში ინფორმაციის სამსახური. საჭიროა სამეცნიერო ბიბლიოთეკების უზრუნველყოფა უახლესი ლიტერატურით, სამეცნიერო-კვლევითი ინსტიტუტების მომარაგება ინფორმაციის რეპროდუქციის ტექნიკური საშუალებებით.

ინფორმაციის მოპოვება, ცხადია, მხოლოდ პირველი საფეხურია. მასზე დამყარებით კვლევა უნდა სწარმოებდეს უწინარეს ყოვლისა მეცნიერების ყველაზე აქტუალური პრობლემის დასამუშავებლად. ამასთან მეცნიერების ყველა დარგში წარმატების პირობაა ფუნდამენტური გამოკვლევების განვითარება. ფილოსოფიის სფეროში ასეთ ფუნდამენტური გამოკვლევების სფეროს მიეკუთვნება დიალექტიკური და ისტორიული მატერიალიზმის ძირითადი პრობლემები. ამ მხრივაც გარკვეული ინერციის დაძლევა აუცილებელი. მიუხედავად იმისა, რომ ზოგადად აღიარებულია დიალექტიკური და ისტორიული მატერიალიზმის ერთიანობა, კონკრეტულ კვლევაში ხშირად ეს ერთიანობა არ არის გათვალისწინებული. კვლევა დიალექტიკური მატერიალიზმის სფეროში ხშირად ორიენტირებულია ბუნების შემეცნებაზე და ნაკლებად ხდება საზოგადოებრივი ცხოვრებისა და ადამიანის სოციალურ-პრაქტიკული მოღვაწეობის განზოგადება, ნაკლებად მუშავდება ის კატეგორიები, რომლებიც უპირატესად ადამიანის ყოფიერების, მისი მოქმედების ანალიზს ემსახურებიან (მიზანი, აქტივობა, ღირებულება, საზრისი და სხვ.). ფილოსოფიის მეთოდოლოგიური მნიშვნელობაც უფრო ხშირად დაიყვანება შემეცნების მეთოდოლოგიაზე და უგულვებელყოფილია ის, რომ ფილოსოფიას ადამიანის პრაქტიკული ცხოვრების მარეგულირებელ პრინციპებთანაც აქვს საქმე. ფილოსოფიის კავშირი მეცნიერებასთან, როგორც წესი, ფილოსოფიისა და ბუნებისმეტყველების ურთიერთობაზე დაიყვანება და ნაკლები ყურადღება ექცევა ან სულაც უგულვებელიყოფა საზოგადოებრივი მეცნიერებების მეთოდოლოგიური პრობლემები. ამასთან ფილოსოფიისა და მეცნიერების ურთიერთობაც ხშირად განიხილება არაისტორიულად, სათანადოდ არ ითვალისწინებენ ამ ურთიერთობის ისტორიულად ცვალებად ფორმებს, მეცნიერული იდეების ცვლილებებს. მეცნიერებისათვის ფილოსოფიის მეთოდოლოგიური მნიშვნელობაც დაიყვანება ცალკეული კატეგორიისა და ფილოსოფიური დებულების გამოყენებაზე ამა თუ იმ მეცნიერების სფეროში და ჩრდილში რჩება ფილოსოფიის როგორც მთლიანობის, მისი როგორც ონტოლოგიურ-გნოსეოლოგიური, ისე ღირებულებითი ასპექტების მნიშვნელობა მეცნიერული კვლევის პრაქტიკისათვის.

ფილოსოფია საზოგადოებრივ ცხოვრებასთან არის დაკავშირებული არა მარტო იმ აზრით, რომ ის მისი შესწავლის ზოგად მეთოდოლოგიას წარმოადგენს, არამედ უფრო პირდაპირი აზრითაც — ფილოსოფიის, ისევე როგორც სხვა საზოგადოებრივ მეცნიერებათა, უმთავრესი ინტერესის საგანია ის ცვლილებები, რაც დღევანდელი საზოგადოების ცხოვრებაში ხდება. ამასთან საზოგადოებათმცოდნეობა უბრალოდ კი არ უნდა აღნუსხავდეს ამ ცვლილებებს, არამედ მან ამ ცვლილებების ტენდენციასზე დამყარებით საზოგადოებისა და მეცნიერების ყურადღება უნდა წარმართოს მათგან გამომდინარე ამოცანების გადასაწყვეტად. ამ მხრივ მეტად მნიშვნელოვანია სკკპ XXVI ყრილობაზე წა-

მოყენებული დებულება იმის შესახებ რომ კლასთა შორის განსხვავებანი უმთავრესად და ძირითადში, როგორც ჩანს, მომწიფებული სოციალიზმის ისტორიულ ჩარჩოებში მოიშლება. საზოგადოებრივ მეცნიერებათა ყურადღება კვლავაც უნდა მიექცეს კლასთა შორის განსხვავებებს და მათთან დაკავშირებულ განსხვავებებს ქალაქსა და სოფელს, ფიზიკურ და გონებრივ შრომას შორის. მაგრამ საზოგადოებამ და, შესაბამისად, საზოგადოებრივმა მეცნიერებებმა ყურადღება სულ უფრო მეტად უნდა მიაპყრონ იმ განსხვავებათა დაძლევის, რომლებიც სცილდებიან კლასობრივ განსხვავებათა ფარგლებს. ასეთია, მაგალითად, განსხვავება სხვადასხვა ტერიტორიულ ერთეულებში მცხოვრებთა სოციალურ-კულტურულ პირობებს შორის. სოციალიზმის ერთ-ერთი მთავარი მიზანია თანასწორობის დამყარება ადამიანთა შორის — ცხოვრებისა და შრომის თანაბარი შესაძლებლობების შექმნა. მეცნიერულ სოციალიზმს თანასწორობა არ ესმის როგორც გამთანაბრებლობა, რომელიც არ ითვალისწინებს განსხვავებებს ადამიანთა შორის, მაგრამ ამავე დროს მისი მიზანი არ შეიძლება დაეყვანათ მხოლოდ კლასთა შორის განსხვავების წაშლაზე. სხვადასხვა ეკონომიკურ-გეოგრაფიულ რაიონებში, აგრეთვე სხვადასხვა დარგში დასაქმებულ ადამიანებს არა აქვთ ცხოვრებისა და შრომის ერთნაირი პირობები, თავიანთი არსებითი ტენდენციებისა და ინტერესების დაკმაყოფილების ერთნაირი შესაძლებლობები და საზოგადოებრივ მეცნიერებათა, უწინაარეს ყოვლისა სოციოლოგიური მეცნიერების, ამოცანაა ამ განსხვავებული პირობების შესწავლა და მათი დაძლევის გზების დასახვა.

იმ დასკვნებს, რაც სკკპ XXVI ყრილობაზე იქნა გამოტანილი ჩვენი საზოგადოებრივი ცხოვრების ანალიზიდან, უფრო ზოგადი და ფართო მნიშვნელობაც აქვს. დღესდღეობით საზოგადოებრივ მეცნიერებათა ერთ-ერთ ნაკლად რჩება ერთგვარი დაშორება ზოგად-თეორიულ და გამოყენებით-ემპირიულ კვლევას შორის. ჩვენი საზოგადოებრივი მეცნიერება, კერძოდ საზოგადოებრივი განვითარების შესახებ ფილოსოფიური მეცნიერება უმთავრესად გლობალურ დონეზე იკვლევს სოციალურ მოვლენებს — ის იკვლევს საზოგადოებას, კულტურას, ზნეობას, ხელოვნებას და ა. შ. რა თქმა უნდა, ამგვარი ზოგადი გამოკვლევების გარეშე საზოგადოებრივი მეცნიერება წარმოუდგენელია. მაგრამ ამასთან ერთად საზოგადოებრივმა მეცნიერებამ უნდა გამოიკვლიოს ადამიანის, პიროვნების დამოკიდებულება ამ გლობალურ მოვლენებთან. კონკრეტული ადამიანი, მისი სოციალურ-ფსიქიკური თავისებურებანი, მისი ღირებულებითი ორიენტაციების ჩამოყალიბების კანონზომიერებანი ჯერ კიდევ არ ქცეულან სათანადოდ საზოგადოებრივი მეცნიერების ყურადღების საგნად. მართალია, კონკრეტულ-სოციოლოგიური გამოკვლევების საგანია სოციალური ჯგუფი ან შრომითი კოლექტივი, მაგრამ ასეთი გამოკვლევები ხშირად წმინდა ემპირიულ დონეზე რჩება და არ შეიცავს მნიშვნელოვან განზოგადებებს ან სათანადო ყურადღებას არ აქცევს ადამიანთა ღირებულებით ორიენტაციებს, მათ პიროვნულ ურთიერთობებს. დასავლეთის სოციოლოგია უკვე კარგა ხანია დიდი ინტერესით სწავლობს პიროვნების მდგომარეობას თანამედროვე საზოგადოებაში (დ. რისმენი, ე. ფრომი და სხვები), იმ სიძნელეებს, რაც წინ ეღობება პიროვნების ძირითადი ტენდენციებისა და ინტერესების რეალიზაციას და ეს შემთხვევითი არ არის. საზოგადოებრივ მეცნიერებას ჩვენს ქვეყანაში არანაკლებად, თუ უფრო მეტად არა, უნდა აინტერესებდეს პიროვნება, მისი სოციალურ-ფსიქიკური თავისებურე-

ბანი, მისი ღირებულებითი ორიენტაციების, საზოგადოებასთან, ცხოვრებასთან მისი დამოკიდებულების განვითარების კანონზომიერებანი.

პიროვნების შესწავლისადმი ყურადღების გაძლიერების აუცილებლობა იმითაც არის გაპირობებული, რომ, როგორც სკკ XXVI ყრილობაზე იქნა აღნიშნული, გაიზარდა ჩვენი საზოგადოების ინტერესი მორალის საკითხებისადმი. საზოგადოებრივი ცხოვრების გამოცდილება გვიჩვენებს, რომ ადამიანური პრობლემები ვერ გადაწყდება მხოლოდ საზოგადოებრივი სიმდიდრის ზრდისა და მეცნიერულ-ტექნიკური პროგრესის საშუალებით. ამიტომ არ არის საკმარისი მხოლოდ ქვეყნის ეკონომიკურ პოტენციალზე ვიზრუნოთ. საზოგადოებისათვის, ადამიანისათვის, როგორც ამხ. ე. ა. შევარდნაძემ აღნიშნა სკკ XXVI ყრილობაზე, სულ ერთი არ არის ის, თუ როგორ მიიღწევა ამ პოტენციალის ზრდა, ეკონომიკური ეფექტი. საზოგადოებრივი სიმდიდრის ზრდის, ტექნიკური პროგრესის კვალიაქვალ სულ უფრო გადაინაცვლებს ადამიანთა ყურადღება ზნეობის პრობლემებზე, ადამიანთა ღირებულებითი ორიენტაციების პრობლემებზე, სულ უფრო მეტად მგრძობიარე გახდება ადამიანი სიყვარულისა და ბოროტების საუკუნოვანი ბრძოლისადმი, სულ უფრო მწვეველ განიცდის ანტისაზოგადოებრივ მოვლენებს, სულ უფრო მეტად ზრუნავს იმაზე, რომ ადამიანთა შორის დამკვიდრდეს ადამიანური ურთიერთობანი, რომ მათი ცხოვრება მაღალი ღირებულებით იყოს გამსჭვალული. საზოგადოებრივ მეცნიერებათა — ისტორიის, ფილოსოფიის, კულტურის თეორიის, ეთიკის, ფილოსოფიური ანთროპოლოგიის, ესთეტიკის და სხვ. — დარგის მკვლევრები სულ უფრო მეტად უნდა აქცევდნენ ყურადღებას ამ პრობლემებს, სულ უფრო მეტად უნდა ფიქრობდნენ ადამიანთა ძირითად ტენდენციებზე, ადამიანთა ღირებულებით ორიენტაციებზე, იდეალებზე და მათი სიცოცხლის საზრისიანობის პრობლემებზე.

თავის საანგარიშო მოხსენებაში პარტიის XXVI ყრილობაზე ამხ. ლ. ი. ბრეჟნევიმ ხაზგასმით აღნიშნა ახალი ადამიანის ჩამოყალიბებასთან დაკავშირებული საკითხების დიდი მნიშვნელობა. ამ მხრივ პრაქტიკული და თეორიული მუშაობის წარმართვისათვის ფუძემდებელი მნიშვნელობისაა მოხსენებაში განვითარებული ორი დებულება. საზოგადოებრივ სიკეთეთა გამოყენების სფეროში არსებულ ნეგატიურ მოვლენათა (ეგოიზმის, მეშინაობის, მომხეველობის და სხვ.) წინააღმდეგ ბრძოლისათვის, რაც ბევრს მხოლოდ პროპაგანდისტული მუშაობის სფეროდ მიაჩნდა, მითითებულია უფრო არსებით პრობლემებზე, ესაა ბრძოლა „სოციალისტური ცხოვრების წესის სრულყოფისათვის“. „აღზრდის წარმატებას მხოლოდ მაშინ მივაღწევთ, როცა მას სოციალურ-ეკონომიკური პოლიტიკის მტკიცე საფუძველს შევუქმნით“. აქედან გამომდინარეობს, რომ გადაწყვეტი მნიშვნელობა აქვს საკითხს ახალი ადამიანის ჩამოყალიბების სოციალურ-ეკონომიკური პოლიტიკის წინამძღვართა შესახებ.

მეორე დებულება შეეხება ადამიანის ინტერესებსა და მოთხოვნებს. იმისათვის, რომ ჩვენი დიდი მატერიალური და სულიერი შესაძლებლობები იწვევდეს ადამიანის, პიროვნების განვითარებას, საჭიროა მათი გონიერული გამოყენება. „ეს კი, საბოლოოდ, დამოკიდებულია იმაზე, თუ როგორია პიროვნების ინტერესები და მოთხოვნები“. პიროვნების მოთხოვნებთან სფეროს ჩამოყალიბებას, ამრიგად, გადაწყვეტი მნიშვნელობა ენიჭება ახალი ადამიანის ფორმირების პროცესში. ამის შესაბამისად, მოთხოვნებთან

ფორმირების ფილოსოფიური პრობლემების კვლევა აქტუალურ ამოცანად ისახება

ჩვენი საზოგადოების განვითარების უმნიშვნელოვანესი ასპექტია ეროვნებათა და ეროვნულ ურთიერთობათა განვითარება მასების აღზრდის საბჭოთა პარტიოტიზმისა და სოციალისტური ინტერნაციონალიზმის სულისკვეთებით. ერებისა და ეროვნულ ურთიერთობათა განვითარების საფუძველია თითოეული ხალხის სოციალურ-ეკონომიკური პოტენციალის ზრდა, მისი სოციალურ-კულტურული განვითარებისათვის ხელსაყრელი პირობების შექმნა და ამ პოტენციალის გამოყენება მთელი ჩვენი ქვეყნის პარმონიული განვითარებისათვის. საზოგადოებრივი მეცნიერებების ამოცანაა ინტენსიურად დაამუშაოს ერებისა და ეროვნულ ურთიერთობათა განვითარების კანონზომიერებანი, ერების განვითარების მატერიალური და სულიერი პირობები, გააანალიზოს, კერძოდ, ეროვნული კულტურის ფორმისა და შინაარსის, ეროვნული-სა და ინტერნაციონალურის ურთიერთობის, ერებს შორის კულტურული ურთიერთობის, ეროვნული კულტურისა და ენის ურთიერთობის და სხვა პრობლემები. ამ საკითხების კვლევის აქტუალობა იმიტაც არის განპირობებული, რომ, როგორც ამხანაგ ლ. ი. ბრეჟნევის მოხსენებაში აღინიშნა, ჩვენი მრავალეროვანი სახელმწიფოს განვითარების დინამიკა ახალ და ახალ პრობლემებს ბადებს ეროვნულ ურთიერთობათა სფეროში.

ერებისა და ეროვნული კულტურის საკითხებისადმი ინტერესის ზრდა იწვევს აგრეთვე ინტერესის ზრდას საზოგადოებისა და მისი კულტურის ისტორიისადმი. გამოცდილება გვიჩვენებს, რომ ადამიანის ცხოვრება არ შეიძლება სრულყოფილი იყოს, თუ ის შემოიფარგლება მხოლოდ დღევანდელ მატერიალურ კეთილდღეობაზე ზრუნვით, თუ ადამიანები გულგრილნი არიან მთელი საზოგადოების ინტერესებისადმი, თუ მათ არ აინტერესებთ საზოგადოების, ქვეყნის, ერის წარსული და მომავალი. ისტორიული მეცნიერების უმნიშვნელოვანესი ამოცანაა — გააძლიეროს ადამიანთა ინტერესი ხალხების და მათი კულტურის ისტორიისადმი და მისცეს ამ მხრივ მკითხველებს შესატყვისი სულიერი საზრდო. ხოლო საზოგადოებისა და კულტურის ფილოსოფიური კვლევის ამოცანაა — დაამუშაოს საზოგადოებისა და მისი კულტურის კვლევის პრინციპები, გააანალიზოს საზოგადოებისა და კულტურის განვითარების ძირითადი ეტაპები და გამოავლინოს წარსულის კავშირი თანამედროვე პრობლემებთან. საზოგადოებისა და მისი კულტურის ისტორიის თეორიული განვითარება საზოგადოებათმცოდნეობის, კერძოდ ისტორიისა და კულტურის ფილოსოფიის ერთ-ერთი უმნიშვნელოვანესი ამოცანაა.

საზოგადოებისა და კულტურის ისტორიიდან, ბუნებრივია, დღეს ადამიანთა ყურადღების ცენტრშია თანამედროვეობის ისტორია. საზოგადოებრივი ცვლილებანი, რომელნიც დღეს მიმდინარეობენ, განსაკუთრებით თანამედროვე მეცნიერულ-ტექნიკური რევოლუციის გავლენით, საზოგადოებრივ მეცნიერებათა უმნიშვნელოვანესი შესასწავლი საგანია. ამგვარი კვლევის მნიშვნელობას ის ზრდის, რომ თანამედროვე მეცნიერულ-ტექნიკური პროგრესი მრავალმხრივ გავლენას ახდენს საზოგადოებისა და ადამიანის ცხოვრებაზე, ადამიანისა და ბუნების ურთიერთობაზე. იგი ახალ ვითარებას ქმნის სხვადასხვა სოციალისტური სისტემის ურთიერთობაში, ზემოქმედებას ახდენს კულტურის

განვითარების ხასიათზე და ადამიანთა ღირებულების ორიენტაციებზე. საზოგადოებრივ მეცნიერებათა უაღრესად აქტუალური ამოცანაა — შესწავლონ მეცნიერულ-ტექნიკური პროგრესის სოციალურ-ეკონომიკური და კულტურული შედეგები, გამოიკვლიონ საზოგადოებისა და პიროვნების ოპტიმალური განვითარების გზები დღევანდელი მეცნიერულ-ტექნიკური რევოლუციის პირობებში.

საზოგადოებრივ ცხოვრებაში მიმდინარე ცვლილებების შესწავლაში, საზოგადოებრივ ურთიერთობათა განვითარების ამოცანების გადაჭრის გზების დასახვაში დიდი როლი შეიძლება შეასრულოს გამოყენებითა სოციოლოგიურმა გამოკვლევებმა. უკვე ორ ათეულ წელზე მეტია ეს დარგი ვითარდება როგორც ჩვენს რესპუბლიკაში, ისე მთელ ჩვენს ქვეყანაში და, მიუხედავად ერთგვარი მიღწევებისა, ამგვარი გამოკვლევები ჯერ კიდევ არ იძლევა იმ ეფექტს, რასაც საზოგადოება მოელის მათგან. როგორც ჩანს, ამ დარგში მეცნიერული კვლევის საქმეს აქვს სერიოზული ნაკლოვანებანი, რომელთა დაძლევა სოციოლოგთა გადაუდებელი ამოცანაა. გამოყენებითი სოციოლოგიური გამოკვლევების ერთ-ერთი ნაკლი იმაში მდგომარეობს, რომ ისინი ხშირად იფარგლებიან საქმის ვითარების აღნუსხვით, ნაკლებ ყურადღებას აქცევენ საზოგადოებრივ ცვლილებათა დინამიკის შესწავლას, ნაკლებად შეიცავენ განზოგადებებს, სოციოლოგები არასაკმაო ინტენსივობით იკვლევენ საზოგადოებრივი ცხოვრების უარყოფითი მოვლენების მიზეზებს და მათი დაძლევის გზებსა და საშუალებებს.

საზოგადოებრივი ცხოვრების პროცესების შესწავლაში, მეცნიერულ-ტექნიკური რევოლუციის ეპოქაში ადამიანის წინაშე მდგომი ამოცანების გადაწყვეტაში მნიშვნელოვანი როლი აკისრიათ ფილოსოფიის ისეთ დარგებს, როგორცაა ფილოსოფიური ანთროპოლოგია, კულტურის ფილოსოფია, ეთიკა და ესთეტიკა. ფილოსოფიის ამ დარგებში უკანასკნელ ათეულ წლებში ჩვენი რესპუბლიკის მკვლევრები ინტენსიურად მუშაობენ. მაგრამ აქაც საზოგადოება მოელის მათგან მნიშვნელოვან განმაზოგადებელ ნაშრომებს, ადამიანისა და საზოგადოებრივი ცხოვრების მწვავე პრობლემების გაბედულ, მეცნიერულ ანალიზს. თუ საერთოდ ადამიანის კვლევა მრავალმხრივ, კომპლექსურ მიდგომას მოითხოვს, ადამიანისა და ადამიანური სამყაროს ფილოსოფიური კვლევაც სხვადასხვა ფილოსოფიური დარგების საერთო მეცადინეობას საჭიროებს.

ადამიანის, მისი მხატვრული და ზნეობრივი კულტურის პრობლემები მარტო სპეციალისტების ინტერესის საგანი კი არ არის, არამედ მათ დიდი ინტერესით ეკიდება ფართო მკითხველიც. ამიტომ საჭიროა მეცნიერულმა დაწესებულებებმა, სამეცნიერო-პრობლემურმა საბჭოებმა, გამომცემლობებმა, მეტე ინიციატივა და პასუხისმგებლობა გამოიჩინონ, ამაღლონ მომთხოვნელობა გამოსაცემად წარსადგენი ნაშრომებისადმი, რათა არ მიაწოდონ მკითხველს მეცნიერული თუ მეცნიერულ-პოპულარული ნაშრომების პრაქტიკის მქონე ნაჩქარევი და ზერელე ნაწარმოებები, ცრუმეცნიერული ბანალური მსჯელობები, ასეთი „ნაწარმოებები“ კულტურისა და ზნეობის ამაღლებისათვის ხელშეწყობის ნაცვლად მათი დონის დაწევას იწვევენ მხოლოდ.

ადამიანისა და კულტურის ფილოსოფიის, ეთიკისა და ესთეტიკის, ისევე როგორც სხვა ფილოსოფიური დარგების პრობლემების კვლევას მნიშვნელო-

ბა აქვს აგრეთვე თანამედროვე იდეოლოგიური ბრძოლის თვალსაზრისითაც. თანამედროვე იდეალისტურ-ფილოსოფიურ და რელიგიურ მოძღვრებებს ყურადღება ძირითადად გადააქვთ ადამიანისა და მისი სიცოცხლის აზრის, მისი ღირებულებების პრობლემებზე. თანამედროვე ბურჟუაზიული ფილოსოფიისა და რელიგიური მოძღვრებების კრიტიკის ძირითადი მიზანიც უნდა იყოს ამ პრობლემების არამეცნიერული გადაწყვეტის კრიტიკასთან ერთად მეცნიერული მსოფლმხედველობის საფუძველზე მათი გადაჭრის გზების ჩვენება. იდეალისტური და რელიგიური მსოფლმხედველობის კრიტიკის მთავარი მიმართულება დღეს უნდა იყოს არა იმდენად ბუნებისმეტყველური ცოდნის დაპირისპირება იდეალიზმისა და რელიგიისათვის, რამდენადაც ადამიანურ პრობლემებზე პასუხის გაცემის ცდა. თუკი ფილოსოფია ვერაფერს ეტყვის ადამიანს მისი სიცოცხლის აზრის შესახებ, იმის შესახებ, თუ რისი იმედი შეიძლება ჰქონდეს მას სოციალური ბოროტების წინააღმდეგ ბრძოლაში, თუკი ის არ დააფუძნებს ადამიანის მიზნებსა და იდეალებს, იგი ვერ იქნება დამაჯერებელი, ვერ გადაიჭყევა ადამიანთა მრწამსად და ვერ განხორციელდება ცხოვრებაში. ფილოსოფიის განხორციელება კი მისი სიცოცხლისუნარიანობის საფუძველია.

სკკპ XXVI ყრილობაზე ხაზგასმით აღინიშნა, რომ ჩვენმა საზოგადოებამ უდიდესი მატერიალური და სულიერი სიმდიდრე შექმნა, რომლის გონივრულად გამოყენებას გადაწყვეტი მნიშვნელობა ენიჭება პიროვნების განვითარებისათვის, ხოლო მათი გონივრული გამოყენება დამოკიდებულია იმაზე თუ როგორია პიროვნების ინტერესები და მოთხოვნილებები. „აი, რატომ არის, რომ მათი აქტიური, გამიზნული ჩამოყალიბება, — თქვა ამხ. ლ. ი. ბრეჯნევიმა, — ჩვენს პარტიას სოციალური პოლიტიკის ერთ-ერთ უმნიშვნელოვანეს ამოცანად მიაჩნია“.

ინტერესებისა და მოთხოვნილებების ჩამოყალიბების კანონზომიერებათა შესწავლა და გონივრული მოთხოვნილებების ჩამოყალიბებისათვის მეცნიერულად დასაბუთებული რეკომენდაციების შემუშავება ფსიქოლოგიური მეცნიერების ერთ-ერთი უმნიშვნელოვანესი ამოცანაა.

ფსიქოლოგიამ მჭიდრო კავშირი უნდა დაამყაროს ფიზიოლოგიისა და საზოგადოებათმეცნიერებების ყველა დარგთან, რადგან ადამიანი ბიოსოციალური არსებაა და მისი ფსიქიკური პროცესები კომპლექსურ შესწავლას მოითხოვს. ამასთან ფსიქიკური პროცესები შესწავლილ უნდა იქნეს სუბიექტური და ობიექტური ფაქტორების დიალექტიკურ ერთიანობაში მხოლოდ ამ გზით შეიძლება ფსიქიკური პროცესების არა მარტო ახსნა, არამედ მათი განვითარებისა და ჩამოყალიბების კანონზომიერებათა დადგენა.

განსაკუთრებული ყურადღება უნდა მიექცეს უნარისა და მოთხოვნილების ურთიერთდამოკიდებულების კანონზომიერებათა დადგენას, რომლის შესახებ დღემდე ერთიანი აზრი არ არსებობს. მათი შესწავლა აუცილებელია აგრეთვე მოსწავლეთა სწორი პროფორიენტაციისათვის.

პარტიის მიერ დასახული გრანდიოზული ამოცანები ეკონომიკისა და კულტურის შემდგომი აღმავლობისა და ადამიანთა ყოველმხრივ განვითარების საქმეში მოითხოვს ადამიანთა სოციალური აქტიურობის განმსაზღვრელ ფაქტორთა სისტემის — მოთხოვნილებების, ინტერესების, მიზნის, მოტივის, რწმენის, შინაგანი პოზიციის, განწყობების, დამოკიდებულებების — ჩამოყა-

ლიბების ფსიქოლოგიური საფუძვლების უფრო ღრმამეცნიერულ ლექსურ შესწავლას.

მეტი ყურადღება უნდა მიექცეს მოთხოვნილების როგორც ადამიანთა ყოველგვარი აქტივობის აღმძვრელი წყაროს და გონივრული მოთხოვნილებების ჩამოყალიბების პრობლემების დამუშავებას, უარყოფითი მოთხოვნილებებისა და მის საფუძველზე აღძრული სოციალურად საზიანო მოქმედებების (ლოთობის, მომხვეჭელობის, კერძომესაკუთრული ტენდენციებისა და სხვათა) აღკვეთის ფსიქოლოგიურ კანონზომიერებათა დადგენას.

ყრილობაზე აღინიშნა, რომ გაუმჯობესებას საჭიროებს სასკოლო პროგრამებისა და სახელმძღვანელოების ხარისხი, მათი სირთულე დღეს აძნელებს სწავლებას, იწვევს ბავშვების გაუმართლებლად დიდ დატვირთვას. ამ ნაკლის გამოსწორებაში თავისი სიტყვა უნდა თქვას პედაგოგიურმა ფსიქოლოგიამ. საჭირო იქნება სხვა მეცნიერებებთან მჭიდრო კავშირში შევისწავლოთ და დავადგინოთ საშუალო სკოლის მოსწავლეთა ფიზიკური და ფსიქიკური შესაძლებლობები, უნარები, რომ თავიდან ავიცილოთ მოსწავლეთა გაუმართლებელი გადატვირთვა, ბავშვებს ნაადრევად არ წავართვათ ბავშვობა და ხელი შევუწყოთ მათ ნორმალურ განვითარებას.

სკკპ XXVI ყრილობამ დასაბა ჩვენი ქვეყნის სოციალურ-კულტურული განვითარების, ხალხის მატერიალური კეთილდღეობის ამაღლების კონკრეტული ღონისძიებანი. საზოგადოებრივ მეცნიერებათა, კერძოდ ფილოსოფიისა და ფსიქოლოგიის, მოვალეობაა — აწარმოონ ქვეყნის სოციალურ-კულტურული განვითარების ფილოსოფიური, სოციოლოგიური და ფსიქოლოგიური პრობლემების ასევე კონკრეტული და ეფექტიანი კვლევა.

ფილოსოფია

Г. Д. БАНДЗЕЛАДЗЕ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР НРАВСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

В современных условиях идеологического противоборства двух экономических и политических систем, когда нарастающие тенденции милитаристского психоза усугубляются ярко очерченными контурами экологического кризиса, не только социальный прогресс человечества, но и просто его выживание все больше становится зависимым от сплоченности трудящихся вокруг прогрессивных сил мира, демократии и социализма.

Как никогда раньше актуально и мобилизующе звучит воззвание основоположников марксизма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В наши дни жизненность этого призыва проявляется изо дня в день в возрастающей силе факторов дружбы народов и интернационализма. В этих условиях особое значение приобретает всесторонняя разработка проблем патриотического и интернационального воспитания трудящихся. На это нацеливают нашу партию решения XXVI съезда КПСС, труды и выступления Л. И. Брежнева и других руководителей партии и государства.

На эту тему сейчас много пишут и рассуждают; печатаются монографии, книги и сборники; проводятся Всесоюзные и республиканские научные конференции, которые вносят немалый вклад в развитие марксистско-ленинского учения об интернационализме.

Одним из таких важных политических мероприятий была Всесоюзная научно-практическая конференция в г. Тбилиси, посвященная вопросам интернационального воспитания трудящихся, где основным докладчиком выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе.

На этой конференции предметом всестороннего рассмотрения стали многие аспекты ленинской национальной политики нашей партии. Доклады и выступления представителей братских республик, ученых и практических деятелей идеологического фронта возбудили интерес ко многим вопросам сложной проблематики интернационализма, среди которых особое место занимает вопрос о роли и значении интернационализма в нравственном прогрессе человечества.

Интернационализм является таким мощным политическим фактором социального развития, который способствует ускоренному прогрессу экономики и культуры. А сердцевиной культуры любого народа и общества, важнейшим элементом ее сложной структуры является нрав-

ственность. От уровня и глубины интернационализации жизни во многом зависит нравственный облик общества, динамика его развития.

Этот тезис настолько ясен и аксиоматичен, что вряд ли нуждается в доказательстве. Его можно лишь проиллюстрировать примерами и социологическими данными о том, как влияет хорошо поставленная интернационально-воспитательная работа в коллективах на общий уровень моральности членов данного коллектива, на их трудолюбие, бескорыстную взаимопомощь, честность, скромность, дисциплинированность, на повышение в них сознания долга и ответственности, углубление чувства патриотизма и личного достоинства:

Нетрудно показать, как глубоко продуманная и содержательная интернационально-воспитательная работа способствует выработке правильной ценностной ориентации граждан и повышению активности их жизненной позиции. С этой точки зрения в нашей республике заслуживает внимания опыт работы трудовых коллективов Тбилисского авиационного, Кутаисского автомобильного, Руставского металлургического заводов, Ингургэстроя, многих промышленных, сельскохозяйственных и культурно-бытовых объектов Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии и других регионов республики, где совместно трудятся представители свыше восьмидесяти национальностей. Эти и многие другие коллективы нашей республики являются интернациональными и по составу и по умонастроению. Основной чертой психологии и морали трудящихся нашей республики, как и всего советского народа, стал дух интернационализма.

Когда мы утверждаем, что интернационализм является мощным фактором нравственного прогресса, имеем в виду не только то огромное влияние, которое оказывает интернационализм на повышение нравственного сознания и обогащения нравственных чувств людей — это, конечно, очень важно и ценно как продукт интернационализма, его результат и следствие. Но в понятии фактора нравственного прогресса, мы, прежде всего, подразумеваем огромную политическую и моральную ценность самого духа, сознания и чувства интернационализма, самоценность этого феномена.

Это значит, что, если даже за интернациональным умонастроением не последовали бы другие моральные добродетели, как-то: трудолюбие, честность, порядочность и т. д., сам интернационализм, как добродетель, является в высшей степени драгоценным достоянием духовной культуры и политической зрелости нашего народа и общества. В этом заключается самоценность интернационализма.

В интернационализме проявляется сама сущность нравственности, и развитие этой сущности есть не что иное, как развитие самой нравственности, ее прогресс и процветание. Попытаемся доказать этот тезис.

Нравственность — это способность и готовность заботиться о другом человеке, об обществе. Известно, что факты взаимопомощи и сотрудничества нередко наблюдаются и среди животных: в биологии дав-

но известен феномен социальных инстинктов. Однако человеческая нравственность отличается от них сознательным и добровольным характером, т. е. свободным выбором. Животные не выбирают вариант действия. Их поступки заранее запрограммированы однозначно в генетическом механизме по принципу оптимальной целесообразности. А у человека, несмотря на то, что он тоже, как живое существо, имеет определенную генетическую склонность к некоторым поступкам, эти склонности, как правило, перекрываются голосом сознания и долга. Человек, благодаря разуму и воле, каждый раз сам выбирает вариант действия. Он является единственным свободным существом в биосфере, альтернативатором и, тем самым, единственным ответственным за свои поступки.

Свободная альтернативная деятельность человека, конечно, не является беспричинным своеволием или самодурством. Его свободные действия тоже детерминированы, но не причинами или биомеханизмами, а определенными целями и мотивами, все многообразие которых можно подразделить на корыстные и бескорыстные. Когда забота о другом человеке мотивирована сочувствием, солидарностью, уважением, симпатией или любовью — то говорим, что имеем дело с бескорыстной помощью, называемой добром. Понятие добра и его противоположность — понятие зла являются наиболее общими и существенными категориями этики. Эти категории содержат в себе почти всю основную характеристику морали.

Прогресс нравственности — это не что иное, как сложное, противоречивое, зигзагообразное движение истории по пути количественного роста, качественного разнообразия и ценностного совершенствования добра, что достигается путем преодоления неисчерпаемо разнообразных и неотступно следующих за добром форм и проявлений зла.

Среди факторов, способствующих росту и совершенствованию добра, обычно указывают на экономические, политические и культурные ценности. Конечно, материальные условия жизни, уровень свободы и качество культуры во многом детерминируют нравственный мир человека, однако без диалектики обратной связи тут не обойтись: от нравственного сознания и активной жизненной позиции людей зависят, в конечном счете, уровни их обеспеченности, свободы и достоинства, т. е. ценность всей жизни.

Среди политических и культурных ценностей, как факторов нравственного прогресса, особое место отводится интернациональным связям и дружбе народов. Интернационализм, в диалектическом единстве с патриотизмом, сам являясь одним из основных принципов коммунистической морали, по своей сущности и специфике превращается в мощный фактор всего нравственного прогресса человечества. Если нравственность у истоков истории зародилась как способность человека заботиться о ближнем в буквальном смысле этого слова, то в дальнейшем исторические этапы ее развития — это сложный, противоречивый процесс постепенного расширения границ и обогащения содержа-

1981 թ. Երևանի ԿԿ ԿԵՄ
 ԵՄ ԿՆԱՆՔԱՆՈՒԹՅԱՆ
 ԿՆԱՆՔԱՆՈՒԹՅԱՆ
 ԿՆԱՆՔԱՆՈՒԹՅԱՆ

ния заботы людей друг о друге. Благодаря нравственному прогрессу, человек от состояния господства биологического инстинкта самосохранения постепенно возвысился до способности и готовности сознательного и добровольного самопожертвования во имя интересов всего человечества.

Развитие человеческой моральной культуры — это спиральное восхождение от первобытного примитивного и сурового коллективизма через алчный эгоизм и индивидуализм к всеобщему свободному и гуманному интернационализму.

Интернациональные унастроения современного высокоморального человека отражаются, прежде всего, в понятии долга. Быть интернационалистом — это долг, общественное требование, один из императивов морального кодекса прогрессивного общества. Этот императив успешно регулирует совместную жизнь разных национальностей на нашей планете. Однако со временем этот долг и императив дополняется чувством интернациональной солидарности, как внутренним побудителем человеческих поступков. Хорошо, когда человек руководствуется сознанием долга, но еще лучше — когда он руководствуется чувством долга. Моральные устремления и порывы души ставятся выше простого повиновения моральным максимумам. Моральная психология дороже моральной логики¹, [2, 82—95], что к сожалению, не всегда учитывается как в теоретико-этической, так и в практико-педагогической деятельности наших ученых и воспитателей.

Катализатором и лучшим средством превращения долга в чувство является, как известно, практика сотрудничества и дружбы между национальностями. Совместная работа, учеба, отдых, культурное сотрудничество и жизнь вообще сближают представителей разных национальностей, делают их друг для друга совместимыми, близкими, родными, своими. Именно в этих понятиях кроется психологическое и моральное основание чувства интернационализма: без чувства любви к родине, своим, близким и родным нет и не может быть чувства интернациональной солидарности. Поэтому говорим, что без патриотизма нет интернационализма. Фраза эта давно стала банальной, однако банальность фразы не упрощает сущность диалектики патриотизма и интернационализма. Без патриотизма интернационализм превращается в безродный космополитизм, а без интернационализма патриотизм превращается в национализм и шовинизм.

Правильное сочетание патриотического чувства и интернационального долга состоит не в бухгалтерском учете всех выгод и потерь с балансированием на конечной прибыльности сотрудничества (это было бы корыстным соглашением), а в бескорыстном сотрудничестве, уважении, готовности к безвозмездной помощи, доброте и великодушию.

¹ На этой стороне вопроса правильно акцентировал свое внимание тов. К. Л. Далакян (Ереван) на упомянутой выше Тбилисской научно-практической конференции.

В этом мы видим подлинную сущность советского, социалистического и пролетарского интернационализма.

Наглядными примерами проявления такого бескорыстия являются договоры нашего государства со многими развивающимися странами. Как правило, эти договоры называются и квалифицируются как «взаимовыгодные». Однако нетрудно заметить, что в подобной квалификации немалую роль играет стиль дипломатического языка, т. е. соображения уважения достоинства и престижа партнера. Договоры эти, как правило, не мотивированы с нашей стороны ни экономическими, ни политическими и часто даже ни культурными соображениями (в узком смысле этого слова).

Если уж в каком-либо смысле эти договоры действительно «взаимовыгодны», т. е. выгодны и для нас, то это лишь моральная выгода, как еще одна проявленная возможность бескорыстной пролетарской солидарности. Эта моральная выгода, обходящаяся нам нередко весьма дорого, заключается не столько в преимуществе таких престижных ценностей, как, например, слава последовательного и щедрого интернационалиста, а что самое главное и существенное, в классовой и социальной солидарности. Наш интернационализм, в конечном счете, мотивируется классовой солидарностью, являющейся одним из высших критериев нравственного прогресса человечества.

Есть еще одна сторона ценности и мотивации интернационализма, которая нагляднее всего проявляется в межличностных отношениях. В этой сфере, как и вообще в любой другой, действует закономерность категории меры. Нельзя допускать сползания к крайностям ни в щедрости, ни в скромности: бескорыстие не должно переходить в несправедливость по отношению к собственным интересам. Человек другой национальности заслуживает повышенного внимания именно как представитель другой национальности, т. е. как гость, сосед, приятель. Известно, что гостеприимство почти у всех наций и народностей считается традиционной ценностью. Но если гости, допустим, вследствие миграционных процессов, урбанизации и др. преобладают над хозяевами количеством, экономической активностью или культурным уровнем, то вектор ценностной интенции должен повернуться на 180 градусов. т. е. традиционное гостеприимство со стороны меньшинства должно дополняться особо подчеркнутым уважением к равноправному национальному меньшинству, как этого неоднократно и настойчиво требовал В. И. Ленин. Там, где не учитывают эту «закономерность обратной интенции», возникают противоречия, нездоровые трения, а иногда даже и аполитические эксцессы. Профилактикой подобных нежелательных явлений служит глубокопродуманная и целенаправленная национальная и демографическая политика партии и государства.

И, наконец, еще один аспект ценности интернационализма: интернационализм — это прежде всего **бескорыстное** уважение наших братьев и друзей. Однако мы не отказываемся и от тех **взаимных** выгод, которые естественно следуют за дружбой и сотрудничеством. Когда,

например, я дружу с русскими, армянами, азербайджанцами и другими, уважаю их и забочусь по мере возможности об их благополучии, я это делаю, прежде всего, по мотивам уважения и симпатии, т. е. бескорыстно; но это вовсе не запрещает мне надеяться на то, что эти мои друзья так же с уважением и заботой будут относиться не только лично ко мне, но и к другим грузинам, постоянно живущим или временно оказавшимися среди них. Взаимность тут не порок, а добродетель. Правда, в строго этическом смысле, ценность ожидания взаимности вторична, производна, но это не снижает ее морального качества.

Интернационализм дорог для нас, прежде всего, именно как первичная ценность, самоценность, а не как только средство взаимовыгоды. Этим объясняется, что наша страна, следуя заветам В. И. Ленина, ставит интернациональные интересы всегда выше национальных. В качестве примеров можно указать на нашу дружбу со странами социализма, на наши отношения с Вьетнамом, Кубой, Анголой, Эфиопией, Кампучией, Афганистаном и др.

Интернационализм — это максимальное для масштабов планеты и оптимальное для уровня цивилизации и культуры проявление морального облика разумного и свободного существа. Через интернационализм и дружбу народов проходит магистральный путь к всеобщему социализму и коммунизму.

Для глубокого изучения и всестороннего развития интернационализма, как фактора нравственного прогресса необходима разработка целого комплекса теоретических проблем. Это, во-первых проблема соотношения пролетарского и социалистического интернационализма; проблема взаимоотношения национального и интернационального, национального и классового, классового и общечеловеческого; это, во-вторых, проблема уяснения структуры национального и политического самосознания, роли национального языка, культуры, религии, с одной стороны, и общесоюзного языка, мировоззрения, советского образа жизни, уровня демократии, научно-технической революции, экологического климата и демографической обстановки — с другой, в формировании политического и морального самосознания и ценностной ориентации людей.

По всем этим и многим подобным проблемам советские ученые и практические деятели не всегда приходят к единому аргументированному мнению. Конечно, все они исходят из единого мировоззренческого фундамента марксистской философии, однако расхождения в мнениях обусловлены разными уровнями анализа конкретных факторов социальной жизни и разными ценностными шкалами индивидуального умонастроения.

1. Уважаемый М. С. Джунусов, например, считает: «Язык не входит в структуру национального самосознания. Не наблюдается прямой и непосредственной обусловленности языка от национального самосознания. Человек может не знать в силу сложившихся обстоя-

тельств языка своей нации, но может сохранить национальное самосознание» [3, 144].

В этой выдержке сколько предложений, столько же клубков непримлемых противоречий. Апелляция на тот факт, что некоторые нации имеют общий язык, говорит не о том, что язык не входит в структуру национального самосознания, а лишь о том, что языком не исчерпываются источники национального самосознания. Классическое определение нации, известное в марксистской литературе, по существу, остается в силе. Трудно согласиться с этим автором, когда он пишет, что «национальное самосознание человека не выражает характера его отношения к национальным ценностям» [3, 145].

Нельзя считать язык чем-то внешним и преходящим по отношению к национальному и патриотическому самосознанию. **Родной язык — это один из существенных тканей духовной культуры и психологии народа, который аккумулирует в себе весь исторический опыт его материальной и духовной жизни. Без освоения этого богатства, накапливаемого и передаваемого из поколения в поколение, нельзя говорить не только «о сохранении», но и о приобретении национального самосознания.**

Признание подобной роли и функции родного языка не противоречит тезису об историческом преходящем характере национальных языков. Речь идет о синхронном существовании национального самосознания и национального языка. А вместе они, конечно, исторические, т. е. преходящие категории, несмотря на сомнения на этот счет некоторых товарищей [2, 310]. Если техническое мышление не скажет в этой области своего решающего слова созданием универсального переводчика на атомарном уровне хранения информации, **то национальные языки в грядущие века, надо полагать, сами пробьют себе дорогу к единому планетарному языку, но не путем дискриминации или ассимиляции друг друга, а наоборот — путем развития, сближения, обогащения, взаимопроникновения и выборочного спаривания.**

Нетрудно понять, что без языка нет общей национальной культуры, а без этого нет культуры вообще. Общая мировая культура складывается как единая и гармоничная мозаика равноправных, уникальных национальных культур. **Культурное разнообразие — и по форме и по содержанию — это наше богатство, наше счастье, гордость и достоинство планеты.** Развитию этого сокровища способствуют как дальнейшее процветание национальных языков, их обогащение и сближение, так и изучение людьми языков своих соседей. Там, где соседи разнонациональны, нет нужды изучения всех языков, достаточно изучить фактический общий язык для всех. В наших условиях таким является русский язык, который считается основным средством между-

² Такое сомнение в правильности гипотезы о возможном формировании в будущем единого мирового языка не раз высказывалось и раньше. В последнее время такое сомнение высказал М. Т. Иовчук на Всесоюзной конференции в Тбилиси в 1976 г.

ционального общения. «В Советском Союзе, как и во многих странах мира, развивается многоязычие. Двужычие и многоязычие — историческая тенденция цивилизованных народов. Овладение родным языком и вторым языком, прежде всего и чаще всего русским, является основным типом многоязычия» [4, 26—27].

Выборочное спаривание, т. е. феномен двуязычия или многоязычия должны стать и на деле становятся наиболее приемлемым средством безболезненного решения основных сложностей национального вопроса на весь долгий период его существования.

Разумеется, проблему языкового сближения нации и их культурного обогащения нельзя путать с ложной гипотезой культурной интеграции народов мира. Сущность и назначение языка, заключающиеся в сигнификации, т. е. взаимопонимание предопределяет направления его развития от разнообразия к единообразию. А сущность и назначение культуры — неисчерпаемое творчество — предопределяет ее развитие от единообразия к многообразию. Эту разницу языка и культуры не учитывают сторонники гипотезы культурной интеграции.

2. Другой пример разногласий в оценке феномена интернационализма — это сужение сферы его действия пределами системы социализма, или, в лучшем случае, так же развивающимися странами. Так рассуждает, например, В. А. Скуратовский [3, 21].

А как быть с рабочим классом и трудящимися капиталистических стран? Ограничение сферы действия пролетарского интернационализма противоречит основному завещанию Маркса и Энгельса — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Стало быть, надо различать три формы или масштабы проявления интернационализма: 1) советский интернационализм, т. е. дружба народов братских республик; 2) социалистический интернационализм, т. е. дружба народов стран социализма и, наконец, 3) пролетарский интернационализм, дружба народов и трудящихся всех стран мира.

Говоря конкретно о социалистическом интернационализме, Л. И. Брежнев сказал: «Социалистический интернационализм — это высокая ответственность за судьбы социализма не только в своей стране, но и во всем мире. Это высочайшее уважение к национальным и историческим особенностям развития каждой страны и решимость оказывать самую широкую поддержку друг другу» [1, 424].

3. Встречаемся и с крайностями другого порядка — такой чрезмерной абсолютизацией принципа интернационализма, когда он объявляется «важнейшей категорией всех общественных наук» [3, 22] — вместо того, чтобы говорить о проявлении и значении этого феномена во всех сферах общественной жизни, о важности этой категории для всех общественных наук. Ведь само понятие интернационализма как принцип морального кодекса строителя коммунизма, изучается наукой этики и рассматривается как моральная и политическая категория.

На Тбилисской конференции по данному вопросу тов. Маланчук В. Е. (Киев), сказал: «Вряд ли можно согласиться с встречающимися

попытками рассматривать интернациональный долг лишь как этическую категорию. Понятно, что интернациональный долг имеет этический аспект, но основными являются политический, классовый аспекты — это, собственно, и есть то главное, благодаря чему интернациональные интересы, преломленные через призму нравственного сознания, становятся собственными интересами рабочего класса, всего общества» [2, 41].

Автор, конечно, прав, когда он классовые интересы считает основанием нравственного сознания, однако это не делает нравственное сознание второстепенным по отношению к классовому сознанию. **Классовое — это и есть в высшей степени нравственное.** Феномен морально-политического единства не подразумевает принижения или субординации этического содержания категории интернационального долга. **Без этики нет и не должно быть политики,** долг всегда считался и будет считаться одной из основных категорий этики. В основном политическом документе нашей эпохи — в Программе КПСС — интернационализм рассматривается как один из принципов морального кодекса строителя коммунизма. А моральный кодекс, как известно, не может быть предметом иной науки, кроме этики.

Примеры подобных разногласий можно приводить без конца. Однако научные встречи и широкий обмен мнениями во многом способствуют приближению к единому знаменателю в решении спорных вопросов и, что более важно, эти встречи способствуют реальному укреплению интернациональной дружбы братских республик, рассматриваемой как один из основных источников могущества нашего государства и мощный фактор нравственного процесса всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 2.
2. «Вопросы интернационального воспитания трудящихся», М., 1977.
3. Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. Материалы Всесоюзной научной конференции МГУ, 1978, часть II.
4. Шеварднадзе Э. А. Осуществление ленинской национальной политики и актуальные вопросы интернационального воспитания в свете решений XXV съезда КПСС. В сб.: «Вопросы интернационального воспитания трудящихся». 1977.

Представлена Институтом философии
АН Грузинской ССР

Г. Г. ПАЦАЦИЯ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО

Проблема теоретического и эмпирического в научном познании в целом и — конкретно — в социологическом является одной из основных проблем философско-методологических исследований и исследований в области методологии социологии. Естественно, что как раз в силу актуальности этой проблемы существуют различные точки зрения, различные подходы к ее решению. Но в одном, а именно, в актуальности проблемы никто не сомневается, что позволяет надеяться на позитивные исследовательские результаты в этой области.

Проблема теоретического и эмпирического в научном (социологическом) познании лежит в основе другой немаловажной проблемы — проблемы типологического анализа знания и познания. В этом аспекте большой интерес представляет анализ знания и познания (преимущественно типологический) в истории философии и социологической мысли. На фоне такого анализа возможно более ясно представить методологическую актуальность этой проблемы, проследить этапы подходов к ее решению, установить наличие решенных и нерешенных аспектов.

История философии дает нам изобилие типологии видов знания и форм познавательной деятельности. Типологический анализ знания и форм познавательной деятельности, несомненно, дело, доступное современному исследователю, но познавательные поиски и опыты уже имели место, начиная с античных времен. Каждая типология знания и форма познавательной деятельности была обусловлена конкретными, специфическими для той или иной эпохи историческими условиями. Каждая из этих типологий была попыткой решения каких-то конкретных задач, стоявших перед философией на данном этапе ее развития. Каждая из них отображала моменты реальной проблематики, стороны знания и познания. Таким образом, в представленных в истории философии типологиях знания и познания можно найти определенные моменты, «которые правомерно рассматривать как прообразы исследования проблематики, с которой имеют дело современные типологические представления. С другой стороны, необходимо помнить, что это именно исторические прообразы современной проблематики, что нельзя непосредственно проецировать представления, существовавшие в истории мысли, на ее современное состояние, что следует тщательно анализировать исторический контекст, в котором выступает данное представление» [17, 23—24].

Поздний этап античной философии дает достаточно разработанное представление о различных видах познания. В диалоге Платона «Государство» знание разделяется не только на интеллектуальное и чувственное, но и внутри этих областей проводится подразделение, во-первых, на «чистое мышление» (noesis) и «рассудок» (dianoia) и, во-вторых, на «веру» (pistis) и «подобие» (eicasia). Но основной типологической линией анализа форм познания в античной философии, которая была связана с главной задачей, стоявшей перед античностью в исследовании познания, считается типология «знания» и «мнения», различие которых выступает, в частности, исходной посылкой гносеологии Платона.

Различение знания и мнения нельзя считать прообразом типологии чувственности и мышления. Наряду с Платоном и другие мыслители античности, употребляющие понятие «мнение» (doxa), отличали его от «ощущения» (estesis). Мнение для античных философов не является непосредственным познанием действительности. Правда, чувственность играет большую роль в формировании мнения, но представить понятие «мнение» как прообраз представления об эмпирическом знании в его современном смысле уровня научного знания было бы ошибочным. Как уже отмечалось выше, перед философско-методологическим сознанием античности проблема взаимоотношения теоретического и эмпирического в современном смысле и не могла существовать. Очевидно, что наука античности не располагала теорией эксперимента и активного наблюдения, и, следовательно, возможностью проверки и коррекции имеющихся научных положений.

С современной точки зрения основой данной типологии является противопоставление теоретического мышления повседневно-обыденному сознанию. Старание теоретического философского сознания преодолеть инерцию обыденного сознания при решении своих специфических познавательных задач можно наблюдать и в других диалогах Платона, в которых основной задачей является раскрытие смысла таких общих понятий, как «знание» («Теэтет»), «прекрасное» («Гиппий Большой»), «добродетель» («Менон») «благо» («Государство»). Оценивая с современной точки зрения эти поиски, можно сказать, что они являются поисками построения соответствующего теоретического понятия.

В этом аспекте античная философия позднего времени формулировала нормы теоретического сознания. Пример тому — высказывание Сократа в «Теэтете»: «Итак, вперед!.. Попытайся же и множество знаний выразить в одном определении, подобно тому, как, отвечая на вопрос о (несоизмеримых с единицей) сторонах квадрата, ты все их многообразие свел к одному общему виду» [14, 234].

Как указывает В. С. Швырев, «в понятиях теоретического сознания, как оно выступает в период возникновения зрелой античной философии, выражаются нормы познавательного отношения к миру общественно развитого человека этой эпохи, «Гражданина Полиса», при-

общенного к социальному организму, который свойствен типу организации общественного бытия этого времени. Теоретическое сознание возникает как важнейший интегративный элемент культуры, приходящей на смену культуре «традиционного общества» [17, 29].

Связь теоретического уровня знания и познания с культурой и ценностными установками — это отдельная проблема, мы только отметим, что такая связь существовала в каждой эпохе, на каждом уровне теоретического познания и что она заслуживает исследовательского интереса именно в аспекте ценностного подхода.

Теоретическое мышление античной эпохи нашло свое развитие в учении Аристотеля о предмете теоретического мышления, что советский философ И. Ф. Асмус в современном переводе называл «идеальными объектами» или «теоретическими конструкциями».

В Новой философии, с развитием активного наблюдения и эксперимента, соответственно, опытного естествознания, актуальным стал вопрос о гносеологической значимости данных наблюдения и эксперимента. Изменилась т. н. «идеология науки». Активное отношение к природе уже означает появление нового мировоззрения, а именно, мировоззрения опытного естествознания.

Поэтому справедливо считают, что в античности и в средневековье господствовала другая ценностно-мировоззренческая установка, согласно которой высшей и конечной целью теоретического мышления, воплощаемого в философии, является раскрытие некоторого сверхприродного начала, знание которого обосновывает предельные цели поведения человека. Трансцендентальность этого начала по отношению к природному, эмпирическому бытию обуславливается именно определенным пониманием цели Знания, Науки, которая призвана в конечном счете дать некоторые ориентиры человеческого поведения. Вне этой задачи, с позиции подобной идеологии становится ненужным и само теоретическое знание; решение этой задачи и определяет, говоря современным языком, его функцию, задает смысл его существованию. При таком подходе теоретическое знание неизбежно носит телеологический характер.

Таким образом, в отличие от античности, наука нового времени изменила и научные интересы, и идеологию научного исследования; объектом критики для Новой философии является само знание, теоретическое мышление, самосознание этой эпохи, а не обыденное сознание, как это было в поздней античной философии.

Развитие производительных сил, изменение общественного бытия вызвали в методологии науки Нового времени изменение научного мировоззрения. В Новое время к познавательной деятельности в науке, к научно-теоретическому мышлению предъявлялись требования внутренней самодостоверности, сознательного контроля со стороны познающего субъекта над ее результатами. Эти требования уже проявлялись и были реализованы не только в рационализме Декарта и у последу-

ющих рационалистов, но и в эмпиризме Бэкона и сенсуализме Локка.

Выше мы отметили, что философское сознание, научно-теоретическое мышление этой эпохи в отличие от знания и форм познавательной деятельности в античности, являлись философией самосознания. С этой точки зрения большой интерес вызывает характеристика философского сознания этой эпохи, данная Гегелем: «Философия Нового времени исходит из того принципа, до которого дошла в конце своего пути древняя философия, исходит из точки зрения действительного самосознания, имеет вообще своим принципом наличный для себя дух. Она антагонистична точке зрения средних веков, согласно которой мыслимый и существующий универсум отличны друг от друга, и занимается разрушением этой точки зрения. Она поэтому интересуется главным образом не столько тем, чтобы мыслить предметы в их истине, сколько тем, чтобы мыслить мышление и постижение предметов, мыслить само это единство, составляющее вообще вступление в сознание некоего предполагаемого объекта» [4, 207].

Тот факт, что в философии Нового времени объектом критики является само Знание, наличное теоретическое мышление данной эпохи наиболее отчетливо выражается у Декарта и у Бэкона в его критике «идолов». Непосредственное взаимодействие субъекта с объектом — вот что главное в характеристике «опыта» в гносеологии эмпиризма. Для философии данной эпохи «...с особой остротой ставится задача отыскания абсолютно достоверного знания, которое было бы исходным пунктом и вместе с тем предельным основанием всей остальной совокупности знаний, позволяя дать оценку этих знаний по степени их истинности» [11, 218].

Рассмотрим сейчас вкратце, как обстоит дело при анализе природы научно-теоретического знания в гносеологии Канта.

Основной задачей гносеологии Канта является устранение «крайностей» рационализма и эмпиризма Нового времени и попытка их возможного синтеза. Твердое убеждение Канта в существовании в системе науки всеобщих и необходимых истин, аподиктического знания сближает его с предшествующим ему рационализмом. Корни аподиктического знания он видит в их априорности. Как отмечает Т. И. Ойзерман, «априорное знание, поскольку оно имеет значение в пределах опыта, само по себе, т. е. в отрыве от эмпирического, от мира явлений, лишено содержания. В этом смысле оно составляет не содержание, а только форму знания, как чувственного, так и теоретического. Такой постановкой вопроса Кант стремится размежеваться с учениями, допускающими возможность врожденных идей, т. е. знаний о чем-то существующем вне человека, полученных независимо от познания, опыта» [13, 17].

Важным вкладом Канта в историю науки о познании является его учение о синтетической, конструктивной функции априорных форм. Гносеология Канта этим и отличается от узкого эмпиризма, для кото-

ственной идеей конкретного понятия. Гегель по этому поводу пишет: «Синтетические суждения a priori суть не что иное, как связь противоположного через само себя или, иными словами, абсолютное понятие, т. е. **соотношения различных определений**, данных не посредством опыта, а посредством мысли, как, например, **причина и действие...** Показав, что мышление обладает синтетическими суждениями a priori, суждениями, не почерпнутыми из опыта, Кант тем самым показывает, что мышление конкретно внутри себя» [4, 421].

Большой интерес (для целей нашего исследования) вызывает отношение философии и эмпирических наук в философии Гегеля. Сейчас попытаемся показать, какова природа эмпирических наук по Гегелю, каковы отношения этих наук к философии, какие различия и связи между ними.

Эмпирические науки, по Гегелю, имеют дело с конечным предметом. Опытное познание нигде не сталкивается с бесконечным (со свободой, с разумом, богом). Бесконечное входит только в сферу религии и философии. Различие между эмпирическими науками и философией видно и в том, что они по-разному отвечают на требование формы необходимости. Это требование в эмпирических науках не выполняется. Несмотря на то, что эмпирические науки устанавливают законы, требование формы необходимости реализуется только в философии. Причина этого, по Гегелю, в том, что эмпирическая наука начинает, оперирует готовыми предпосылками, тогда как только философия начинает с истинных начал.

Несмотря на такое различие, связь между ними не отрицается. Философия не то, что не отрицает содержание эмпирических наук, а наоборот, использует его, только философия вносит свои категории в это содержание, после чего оно и становится собственным содержанием философии.

Какова именно связь между философией и опытом, философией и эмпирическими науками?

Опыт, по Гегелю, основа происхождения философии. Вне опыта существование философии как факта немислимо. Опыт — «раздражитель» философии. Непосредственное, чувственное сознание, имеющее дело с опытом, является первой, исходной ступенькой по пути происхождения философии. Мышление постепенно возвышается. Вышедшее из непосредственного сознания, оно проходит множество ступеней и в конце этот длинный путь кончается философией.

Мышление, добравшись до вершины чистого знания, не сможет найти своего оправдания в опыте. В опыте оно может найти только основу своего происхождения, но не оправдание, обоснование. Там, где останавливается эмпирическая наука, за дело берется философия. Данные эмпирической науки философия переводит на язык понятия, и они уже предстанут не как оправданные опытом, а как этап развития понятия, как априорное. Этим удовлетворяется требование формы

необходимости, а мышление, разум показывают свое всемогущество [4, 15—16].

Для нас важно гегелевское осмысление истории философии. Выше мы говорили, что для античной философии главной задачей в исследовании познания являлась типология «знания» и «мнения», т. е., с современной точки зрения, противопоставление теоретического мышления повседневно-обыденному сознанию.

Аргумент Гегеля против рассмотрения истории философии как «галереи ошибок» [3, 40] опирается на различие между мнением (doxa) и значением, существовавшее еще в античной философии. Мнение, в строгом смысле этого слова, есть субъективное представление, и оно принадлежит мне. В философии нет мнения, не существует философских мнений. Человек, говорящий о философских мнениях, даже если он философ, лишен элементарной философской культуры [5, 19].

По Гегелю существует одна философия, а исторически существовавшие философские системы выражают отдельные моменты этой одной философии. Как пишет Т. Буачидзе, «мы не должны смешивать оценку, на которой разыгрывается история сознания, и зал, откуда мы — зрители, философы наблюдаем события» [3, 49]. Одно дело — опыт сознания, как явление, как объект феноменологии духа, и другое — наше собственное — философское сознание, сознание исследователя.

Также важны для нас гегелевские исследования в области онтологии. Началом онтологии, по Гегелю, должен быть показ того, что универсум, о котором пойдет речь в философии, обусловлен человеческой практикой, что картина мира, которую создает человек, и сама онтология — часть мира и часть человека. Эта проблема предстает перед нами, как проблема отношения человека и мира, субъекта и объекта.

Эти и другие изыскания Гегеля, в частности, различие им познавательного и ценностного отношения человека к миру, истории, нашли принципиальную научную оценку в марксистско-ленинской философии.

Дальнейшее развитие разработка методологической проблемы теоретического и эмпирического нашла в позитивизме, в философии науки, в философии жизни, неопозитивизме. Каждое из этих направлений, исходя существенно из своих познавательных и исследовательских задач, по-своему подходило и решало ее.

В период возникновения экспериментальных наук, преимущественно на эмпирическо-описательной стадии их развития, сущностное объяснение объекта исследования предстало перед учеными важнейшей задачей. Эмпирическая исследовательская деятельность, оправдание такой деятельности ставили перед учеными потребности к философским установкам, которые впоследствии и привели к формированию позитивизма.

Какие основные проблемы ставит позитивизм перед познанием, знанием, вообще перед познавательной деятельностью? В чем заключается этот т. н. «позитивный» подход, в чем смысл такого «позитив-

ного» поворота в подходе к существующим перед наукой проблемам? Сыграл ли «позитивизм» позитивную роль научного познания?

Эти вопросы требуют ответа, т. к. методологическая актуальность проблемы теоретического и эмпирического в познавательной деятельности, как она предстает перед современной методологией философии и социологии, берет начало в позитивизме.

Проблема соотношения объяснения философского и объяснения научного и вообще **существование** такой проблемы является важной для позитивизма. В самой истории позитивизма по-разному ставилась и решалась эта проблема. Но они «не могут служить основанием для упреков в его непоследовательности, ибо нет философа по имени **Позитивизм**, но есть течение, представленное рядом различных и живших в разное время философов, которые подчас весьма существенно расходились и расходятся в решении конкретных проблем. Вместе с тем, эти противоречия и противоположности очень важны для понимания объективной эволюции позитивизма как вполне определенного философского направления» [12, 130].

Огюст Конт исходным фундаментальным принципом для своей теоретической системы выбрал свой же «закон интеллектуальной эволюции, или закон трех стадий». Вот что он пишет: «Изучая... весь ход развития человеческого ума в различных сферах его деятельности, от его первого проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл главный, основной закон, которому это развитие подчинено безусловно... Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; состояние научное, или положительное. Другими словами, человеческий дух по самой своей природе в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя методами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом. Отсюда и возникают три взаимоисключающие друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений — первая есть необходимая исходная точка человеческого ума, третья — его определенное и окончательное состояние, вторая служит только переходной ступенью» [8, 3—4].

Первое, что можно проследить из этого объемистого высказывания, это верность Конта своему исходному фундаментальному принципу для логического оправдания своей же теоретической системы. Что ж, выбранный им фундаментальный принцип — «закон интеллектуальной эволюции, или закон трех стадий» — в качестве методологического основания должен служить оправданию его теоретической системы. Сформулированные Контом три теоретических состояния, являются различными стадиями познавательной деятельности в зависимости от того, какими методами мышления на каждом из этих уровней пользо-

вался познающий человеческий дух. Для Конта эти методы являются прежде всего методами объяснения. С современной точки зрения, с точки зрения иерархического взаимоотношения знания и форм познавательной деятельности как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, контовская трактовка заслуживает серьезного внимания. Сама попытка Конта позитивно подойти к оценке истории знания и форм познавательной деятельности является большим вкладом в методологическую разработку данной проблемы.

«Три стадии», как три способа **объяснения мира**, приводят Конта к признанию философского («метафизического») и научного («положительного») объяснений. Такая классификация объяснений уже является позитивным делом.

Какие функции выполняют эти три стадии или три способа объяснения мира, какова их роль в познавательной деятельности? Конт единственно истинным объяснением считает научное, т. е. «окончательное состояние рациональной положительности» [10, 16]. Теологическое (или фиктивное) объяснение, хотя оно по Конту всегда фиктивно, ложно, но все же необходимо на пути к положительному объяснению. И стадия философского объяснения служит постепенному переходу к положительному, научному объяснению, ибо «теология и физика (т. е. первая и последняя стадии объяснения мира — Г. П.) так глубоко несовместимы друг с другом, и понятия их так радикально противоположны друг другу, что прежде, чем отказаться от одних, чтобы пользоваться исключительно другими, человеческий ум должен был некогда время прибегать к переходным понятиям, носящим смешанный характер и потому способным содействовать постепенному переходу. Таково естественное назначение метафизических понятий, так как сами по себе они не приносят никакой действительной пользы» [8, 7—8].

Что же получается? Как религиозное объяснение является всегда ложным, так же обстоит дело и с философским объяснением, хотя их реальное существование и необходимое присутствие для достижения положительного научного объяснения признается Контом. «Метафизическое состояние, — пишет Конт, — нужно таким образом, в конечном счете, рассматривать как своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли — индивидуальной или коллективной — на границе между младенчеством и возмужалостью» [10, 16].

Объектом философского объяснения Конт считает ненаблюдаемые сущности, что, по его мнению, является основным пороком философских объяснений. По образному высказыванию Е. П. Никитина, «О. Конт наложил вето на их использование в научном объяснении, заклеив положения о ненаблюдаемых сущностях как метафизические» [3, 133]. «Человек понемногу приучился принимать во внимание только самые факты, понятия же о метафизических сущностях явлений отодвигались все далее и далее до тех пор, пока не преврати-

лись у всех здравомыслящих людей просто в абстрактные наименования явлений» [8, 8].

После такого вето Конта на ненаблюдаемые сущности, предметом научного объяснения остались «общие факты», «законы», в которых, по Конту, и «...заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они не были, являются всегда только необходимым сырым материалом» [10, 19].

Наряду с религиозным (фиктивным), философскими (также ложными) объяснениями, и положительное, т. е. научное объяснение превратилось у Конта в формальную процедуру, процедуру эмпирическую.

«Отцовские» идеи по-разному развивались последующими позитивистами, методы и приемы Конта во многом претерпели изменения, но основные направления в исследованиях позитивистов (да и не только позитивистов) пропитаны духом контовских идей.

Одним из направлений, развивающих идеи Конта, является «естественно-научное направление». «Обычно основную идею естественно-научной школы понимают как использование методов естественных наук, позитивного знания в социальном исследовании. В этом смысле имеет место продолжение и развитие идей О. Конта о социальной физике, как научном изучении социальных фактов, и идеи социальной физики А. Кетле» [1, 199].

Основным вопросом для последователей этого направления является использование принципов и методов естественных наук в социальном познании.

По Попперу, естественные и социальные науки оперируют едиными методами в смысле единства общенаучной методологии, единства принципов и закономерностей исследовательского процесса в естествознании и социологии. Поппер, конечно, не прав в методологическом плане хотя бы потому, что соотношение теоретического и эмпирического уровней знания и познавательной деятельности существенно различны в естественных и социальных науках. Пример тому — новейшие исследования в области интеграции науки и междисциплинарных связей. Положение Поппера о том, что и физика и социология могут быть и эмпирическими, и теоретическими (напоминает Конта) основано на его понимании теоретического и эмпирического. «Характеристика теоретическая означает, что наука может предсказывать и объяснять явления с помощью теорий и законов, эмпирическая означает, что ее объяснения подвергаются проверке по отношению к эмпирической реальности. Теоретические или, по Попперу, генерализирующие науки пользуются единым гипотетико-дедуктивным методом независимо от того, исследуют ли они природные или социальные объекты» [7, 167].

Исследования Конта, Поппера, других неопозитивистов важны для нас хотя бы потому, что в них на передний план выдвинуты вопросы специфики познания как в естественных, так и социальных науках, несмотря на признание однородности методов в этих науках.

При исследовании различия между познанием явлений природы

и природой познания социальных явлений в современной буржуазной философии, социологии и методологии науки. В. С. Швырев выделяет два подхода, выражающие существенно различные философско-методологические ориентации. При первом из этих подходов подвергается сомнению или прямо отрицается действительность общенаучных методов и средств исследования, как они разрабатывались в первую очередь в естествознании для постижения социальных явлений. При этом сама по себе их применимость может и не отрицаться, однако условия, определяющие постижение социальных явлений, усматриваются не в объективных методах научного исследования, а в особом типе отношения исследующего субъекта к исследуемому объекту. Сторонники данного подхода отстаивают принципиальную специфику социального познания, требующего, по их мнению, особых условий для взаимодействия субъекта и объекта исследования по сравнению с классической схемой отношения субъекта и объекта в теоретическом познании, которая находит свое применение, в частности, в естественных науках. При втором подходе хотя и признается определенная специфика социального познания, обуславливаемая своеобразием его объекта и вытекающим отсюда своеобразием методов исследования, однако эта специфика рассматривается в рамках общеметодологических средств и приемов научного познания, отстаивается значимость и действительность этих средств и приемов при исследовании социальных явлений [17, 117].

Упомянутый первый подход фактически берет начало в конце XIX и начале XX века в немецкой буржуазной философии (Г. Коген, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Шелер). Представители этого подхода противопоставляли «наукам о духе» или «о культуре» — социально-гуманитарное знание, «наукам о природе» — естественно-научное знание и тем самым противопоставляли методам описания и объяснения (как это было у Конта) метод понимания. Основное и общее в их концепции — это то, что в объектах социального исследования, по их мнению, всегда присутствует субъективный момент — «значение», «смысл», «проект». Постижимы они только методом понимания.

Концепция понимания ограничивает свою позицию от естественно-научного подхода, предмет которого — естественный, природный объект, существующий по своим законам, внешний по отношению к исследователю. В концепции понимания все наоборот. Объект социального исследования по этой концепции представляет собой объективацию в тех или иных социальных институтах [см. 16 и 7].

Основная же направленность концепции понимания, как считает В. С. Швырев, заключается в том, что «научные методы эмпирического и теоретического исследования оказываются по крайней мере недостаточными для постижения социальных явлений и что здесь требуются особые нравственные и вообще ценностные, эмоциональные и прочие нетеоретические установки исследователя — установки, которые К. Маркс квалифицировал как художественно-религиозно-практически-духовное освоение» [17, 126].

Как видим, даже мимолетный обзор интересующих нас аспектов вышензложенных мнений, подходов, тенденций, и концепций дает нам полное основание для констатации важности проблемы. Они имеют большую ценность для познания самой истории знания и познавательной деятельности. История данной проблемы и ее современный уровень дают нам ясную картину решенных и нерешенных аспектов. Поэтому современное состояние проблемы требует не только методического, но и метаметодологического подхода. Это необходимо. Этого требует сложность социального познания, принципиально иная специфика такого познания, специфика самого объекта социального познания. Разработка соотношения теоретического и эмпирического в социальном познании и в социологическом исследовании необходима и для научного социального познания и для социологического исследования (как эмпирического, так и теоретического).

Идея О. Конта о создании науки об обществе в системе наук наблюдения сыграла важную роль для позитивистской методологии, в частности, для дальнейшей разработки проблемы теоретического и эмпирического. Сам Конт весьма осторожно высказывался при различении теоретического и эмпирического, когда он писал: «С одной стороны, всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, с другой стороны, для того, чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории» [9, 6]. Эту важную идею часто (и не совсем точно) называют эмпиризмом в социологии. Эмпиризм западной социологии включает в себя по меньшей мере три совершенно самостоятельных и различных толкования [2, 6]. Во-первых, это огромный поток всевозможных конкретных исследований и с чисто научными, теоретическими и практическими прикладными целями с позиции единого теоретического подхода и с эклектических позиций, исследование интересных и актуальных как проблем, так и псевдопроблем. Во-вторых, с эмпиризмом связывают работы по методологии социологического исследования, которые берут начало от О. Конта. В-третьих, к эмпиризму относится эмпирический уровень любого исследования.

Повсеместно идет смешение трех разных понятий: эмпиризма, эмпирической социологии и эмпирического социологического исследования. Эмпиризм — определенное направление методологии исследования, имеющее смысл в определенном контексте, для характеристики эпохи или в сравнении с другим альтернативным направлением. В истории философии эмпиризм имеет большие традиции как одно из направлений в гносеологии. В данном контексте имеется в виду эмпиризм в социологии как некоторая крайность в экстенсивном развитии эмпирических социологических исследований. Эту крайность условно, с оценочным оттенком, называют также эмпирической социологией. Эмпирическое социологическое исследование — исследование, основанное на сборе и анализе эмпирических данных; эмпирическая социология —

условный термин для обозначения крайних тенденций в развитии эмпирических социологических исследований.

Крайнее понимание существа эмпирической социологии, главным образом, связано с О. Нейратом и его программой перевода теоретических понятий социологии на язык физикализма с последующей эмпирической верификацией. Как известно, эта программа логического позитивизма потерпела крах в целом не только в социологии.

В самой буржуазной социологии происходили споры вокруг методов и приемов социального познания. Против сциентистско-позитивистской ориентации в социологии выступили представители «Франкфуртской школы» и после съезда социологов ФРГ в 1961 г., на котором с докладом «О логике социальных наук» выступил Карл Поппер, а с докладом на ту же тему — Теодор Адорно. Франкфуртцы объектом критики позитивизма избрали попперовский вариант позитивизма [6, 197—209 и 15] и, как уже известно, эти споры не нашли определенного положительного решения.

Таким образом, ни одно из вышеуказанных направлений не смогло решить проблему теоретического и эмпирического в философии и социологии. Единственный верный путь адекватного решения этой проблемы требует марксистского подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Э. П. Эволюция естественно-научной школы в буржуазной социологии. — В кн.: Критика современной буржуазной социологии. Вып. I, М., 1976.
2. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961.
3. Буачидзе Т. А. Гегель и проблема сущности философии. Тбилиси, 1978, (на груз. яз.).
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. II, М.-Л., 1934.
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. IX, М., 1932.
6. Давыдов Ю. Н. «Неомарксизм» против позитивизма. — «Социологические исследования», 1975, № 3.
7. Ионин Л. Г. Понимающая социология. М., 1979.
8. Конт О. Курс положительной философии. Т. I, отд. I, СПб., 1899.
9. Конт О. Курс положительной философии. Т. I, отд. II, СПб., 1900.
10. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1900.
11. Лекторский В. А. Теория познания. — Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970.
12. Никитин Е. П. Объяснение философское и объяснение научное. — В кн.: Философия. Методология. Наука. М., 1972.
13. Ойзерман. Главный труд Канта. — В кн.: И. Кант. Сочинения в шести томах, т. 3, М., 1964.
14. Платон. Сочинения в трех томах. Т. 2, М., 1970.
15. Фурманов Ю. Р. Франкфуртская школа и «спор с позитивизмом» в западно-германской социологии. — «Философские науки», 1978, № 6.
16. Цинцадзе Г. И. Метод понимания в философии и проблема личности. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
17. Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

Представлена Институтом философии
АН Грузинской ССР

მიხეილ მახარაძე

აკოფატიკური მეთოდი არეოპაგტიკაში

1. არეოპაგტიკული მოძღვრების გასაგებად აპოფატიკური მეთოდის სწორად გაგებას განსაკუთრებული მნიშვნელობა აქვს. ხშირად აპოფატიკის არასწორი გაგება ამ მოძღვრების მცდარი ინტერპრეტაციის საფუძველი გამხდარა. არეოპაგტიკულ მოძღვრებაში პირველმიზეზი (ღმერთი) ხასიათდება, როგორც დადებითად, ისე უარყოფითად, ამასთანავე ღმერთი ამ განსაზღვრებებზე მაღლა დგას, („ჯერ არს უკუე ყოველთავე ამათ სახოვნებისა მსგავსებად მისსა დადებამ და წართქუმი მისთვის, ვითარცა ყოველთა მიზეზისათვის, და კუალად მათ ყოველთაივე უსაკუთრესად უკუთქმითაჲ, რამეთუ ზეშთა-არსთა ყოველთა არს შემოქმედი. იგი არსთა და არაოდეს გონებად უკუთქმითაჲ მისთვის წინააღმდეგომ ყოფამ წათქუმათა, არამედ ფრიად რაიმე უპირატესობით ზეშთა მყოფ არს იგი მოკლებათა და უზეშთაეს ყოველთა მატებათა და დაკლებათა“) [1,224]¹. აქ ნათლად ჩანს, რომ ღმერთის (პირველმიზეზის) ორგვარი დახასიათება შესაძლებელია, იმდენად რამდენადაც, ერთის მხრივ, იგი არსებათა მიზეზია, ამიტომაც შეიძლება მისი დახასიათება დადებითი ნიშნებით, ხოლო, მეორეს მხრივ, ღმერთი იმდენად სრულყოფილია, რომ მისი გამოხატვა შეუძლებელია, ამიტომაც ხდება მისი დახასიათება უარყოფითად. მაგრამ საინტერესო კიდევ ისაა, რომ პირველმიზეზის დადებითი და უარყოფითი დახასიათება ერთმანეთს არ ეწინააღმდეგება („...და არაოდეს გონებად უკუთქმითაჲ მისთვის წინააღმდეგომ ყოფამ წათქუმათა...“), ვინაიდან თვით პირველმიზეზი იმაზე მეტია, ვიდრე მის შესახებ აღნიშნული მეთოდები გვეუბნებიან („...ზეშთა მყოფ არს იგი მოკლებათა და უზეშთაეს ყოველთა მატებათა და დაკლებათა“). მაშასადამე, ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის მიხედვით, პირველმიზეზის დახასიათება ორივე მეთოდით შეიძლება, ამასთან ეს მეთოდები არ გამორიცხავს ერთმანეთს. თვით პირველმიზეზი კი საბოლოო ჯამში ამ მეთოდებით ვერ შეიცნობა.

აპოფატიკური მეთოდის განხილვისას, პირველ რიგში, თვალში გვხვდება ის გარეუბება, რომ ღმერთი (პირველმიზეზი) ყოველგვარ არსებულზე მაღლა დგას, მისი გამოხატვა და მოაზრება შეუძლებელია („რამეთუ ყოველად ვერ საკადრებელ არს თქუმი და გონებით მოგონებამ რასმე ზეშთაარსებისა და საიდუმლომსა ღმერთებისათვის გარეშე საღმრთოდ თხრობილისა მის ჩუენდა საღმრთოთა სიტყუათა მიერ“) [1,5]. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის აზრით, უმაღლესი არსება არ გამოირთქმის, არ მოიზრება. ის ისე უნდა მივიღოთ და ვირწმუნოთ, როგორი სახითაც მოცემულია „საღვთო წერაღმში“. იქვე ამატებს,

¹ არ უნდა იყოს სწორი ვ. ლოსკის მოსაზრება, რომლის თანახმადაც არეოპაგტიკაში ღმერთის უარყოფითი დახასიათება უპირისპირდება დადებითს [7, 132].

რომ ზეციური საიდუმლოებანი მხოლოდ ღმერთისათვისაა ცნობილი (ხელოვნურად შეთქმულია სიტყვსა და გონებისა და არსებისა იგი უცნაურობა არსებითა უხეშთაესისა მის თვთ მის ცნობასა და მიუტეოთ...) [1,5—6].

2. ღვთაებრივი არსებები ჩვენი ცოდნისათვის მიუღწეველია, მაგრამ მათთან შედარებით ყველაზე იღუმალი, ჩვენი გონებისათვის მიუღწეველი არის პირველსაწყისი ერთი (ანუ ღმერთი), რომელიც ყველა არსებაზე მაღლა მდგომია, იგი არც გამოითქმება და მის შესახებ შეუძლებელია ცოდნის ქონა („...ყოველთა მოგონებათაგან მოუგონებელ არს ზეშთაგონებისა იგი ერთი; და გამოუთქმელ არს ყოვლისა სიტყვსაგან ზეშთასიტყვსა იგი სახიერობა, ერთობა, ერთმყოფელი ყოვლისა ერთობისა და არსება ზეშთაარსებისა, გონება მოუგონებელი, სიტყვა გამოუთქმელი, უტყუება, მოუგონებლობა, დაუცხახველობა, რამეთუ არარაათ არს არსთაგანი მიზეზი ყოველთა არსებისა ხოლო თვთ უზეშთაესი არსთა“) [1,6]. როგორც აღნიშნულიდან ირკვევა, ყველა ის ნიშანი, რაც პირველმიზეზს (ღმერთს) კატაფატიკურმა (დადებითმა) დახასიათებამ შიაყრა [2,37—53], აპოფატიკური დახასიათების საფუძველზე ჩამოშორდება. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი აღნიშნავს, რომ პირველმიზეზი (ღმერთი) იმდენად სრულყოფილია, რომ მისი გამოკვლევა და მის შესახებ რაიმე აზრის გამოთქმაც შეუძლებელია („და მრავალი ღმრთისმეტყუელთაგანი პპოვნე, რომელთა არა ხოლო უხილაობა და მიუწოდებლობა ივალობეს მისთჳს, არამედ თანად გამოუთქიებლობადაცა და გამოუტყუელობა, ვითარმედ არა არს ალაგი, არცა კული ერთი განსაეღელი დაფარულსა და მას შორის განუზომელობასა მისსა“) [1,7]. აქ, ერთის მხრივ, ნათლადაა ხაჩვენები, რომ ცოდნის ის სისტემა ღმერთის შესახებ რაც კატაფატიკური მეთოდის მეშვეობით იქნა აგებული, აპოფატიკური მეთოდისათვის აღარ მნიშვნელობს. მეორე მხრივ ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი აღნიშნული თვალსაზრისით მიანიშნებს, რომ პირველმიზეზის იღუმალი ბუნება ჩვენთვის საერთოდ უცნობია, ვინაიდან შეუძლებელია მისი ბუნების გამოძიება და გამოკვლევა. ეს თვალსაზრისი ზოგადია და საერთოდ ადამიანური ცოდნის შემოსაზღვრულობაზე უნდა მიუთითებდეს. კატაფატიკური მეთოდის განხილვისას, ვარკვეული იქნა, რომ ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის მიხედვით, ზეშთა სინამდვილის დახასიათება პრედიკატებით, ფაქტიურად, არის უმაღლესი არსების გადმოცემა ადამიანური ცოდნისათვის მისაწვდომი ცნებებით. უმაღლესი არსების (ღმერთის) ამგვარი გადმოცემა გამართლებულია იმდენად, რამდენადაც კატაფატიკური მეთოდი ემყარება ღმერთის ისეთ გაგებას, რომლის თანახმადაც სინამდვილის არსებები მომდინარეობენ ღმერთიდან, ყველა არსებაში არის ღვთაებრივი კვალი, ამიტომაც შეიძლება ამ არსებებით ღმერთის გამოხატვა. ცხადია, რომ პირველმიზეზის აპოფატიკური მეთოდით დახასიათებისას პრედიკატებისათვის ადგილი აღარ რჩება, ვინაიდან ისინი ვერ ასახავენ ღვთაების სრულყოფილ ბუნებას („...ვითარმედ რააცა იგი არს, მისი ცნობა და ხედვა ყოველთა არსთაგან შეუეღალ არს, ვითარცა ზეშთაარსებისა ყოველთაგან ამაღლებული“) [1,6—7].

მაშასადამე, კატაფატიკური მეთოდის შემთხვევაში ღვთაება ყველა არსების მიზეზად გვევლინება და, ამდენად, დასაშვებია არსებათა სახელებით მისი გამოხატვა. აპოფატიკური მეთოდით პირველმიზეზის დახასიათებისას, იგი ვვევლინება უკვე იმდენად სრულყოფილად, რომ მის შესახებ ცოდნა ჩვენ

ძალებს აღემატება. პირველმიზეზი, რომ ჩვენთვის შეუცნობელია, ამის მიზეზად ფსევდო-დიონისე არეოპაგელს მიაჩნია ჩვენი შემეცნებითი უნარების უძლურება, ვინაიდან ყოველგვარი ცოდნა რაც ჩვენ გაგვაჩნია ეკუთვნის ხილული სინამდვილის არსებებს და არა ზეშთასამყაროს („რამეთუ უკუეთუ ყოველნი ცნობანი არსთანი არიან და არსთავე ზედ დასრულებასა მქონებელი არიან, რაბამ უზეშთაეს იყოს ყოველისავე სიტყვსა ყოვლისა ცნობასა და ზეშთა ყოველთა გონებათა და არსებათა დამყარებული“) [1,10].

3. არეოპაგიტულ მოძღვრებაში, როდესაც აპოფატკური მეთოდი განიხილება, ყველგან გარკვევით სჩანს, რომ პირველმიზეზის უარყოფითი დახასიათების მიზეზია მისი სრულყოფილება. ეს საკითხი მნიშვნელოვანია აპოფატკური მეთოდის ადგილის გარკვევისათვის. როდესაც ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი მიუთითებს პირველმიზეზის იღუმალ ბუნებაზე, რომლის გაგება ჩვენი ცოდნის ფარგლებს სცილდება, ჩნდება საფუძველი იმისათვის, რომ ღმერთის უარყოფითი დახასიათების საფუძველად მისი ტრანსცენდენტობი ვიწვარაუდოთ, მიუხედავად იმისა, რომ კატაფატკური მეთოდის მიერ აგებული ცოდნის სისტემა პირველმიზეზის (ღმერთის) და ხილული სინამდვილის ერთიანობის იდეას ემყარება. სწორედ აქაა მთავარი სიძნელე არეოპაგიტული მოძღვრების შეფასებისას. აქ პასუხი უნდა გავცეს კითხვას იმის შესახებ, თუ როგორ უთავსდება არეოპაგტიკაში ერთმანეთს აღნიშნული საპირისპირო მეთოდები.

ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის მოძღვრებაში აპოფატკური მეთოდის ონტოლოგიური საფუძვლის გარკვევის გასაღებს იძლევა პლოტინის ნააზრევი. პლოტინის აზრით, პირველმიზეზი ყველა არსებულზე მაღლა დგას. მას შეუძლებელია ეწოდოს ჩვენთვის ცნობილი რომელიმე არსების სახელი. მას არც სიკეთე შეიძლება ეწოდოს, თუ კი სიკეთეში ნაგულისმები იქნება რაიმე არსებულთა რიგიდან. პირველმიზეზს სიკეთე შეიძლება ეწოდოს მხოლოდ იმ აზრით, თუ კი სიკეთეში არსებულთა მაღლა მდგომს მოვიაზრებთ [3, ენ. V, III, 11]. ჩვენთვის, ამ შემთხვევაში უფრო მნიშვნელოვანია პლოტინის აზრი პირველმიზეზის ზეალმატებულობაზე. პლოტინის აზრით, რადგანაც პირველმიზეზი ყველაზე მაღლა დგას და წარმოადგენს ყველა არსებულის აბსოლუტურად ქეშმარიტ საფუძველს, ამიტომაც არსებულთა სფეროდან აღებული ყოველგვარი სახელწოდება ვერ გამოხატავს მას (ე. ი. პირველმიზეზს) [3, ენ. V, III, 13]. როგორც ვხედავთ, აღნიშნული სიძნელე პლოტონის წინაშე დგას. იგი აღნიშნავს, რომ პირველმიზეზი არსებების საფუძველია, მაგრამ იმდენად აღმატებულია, რომ მისი მხოლოდ უარყოფითი დახასიათება შეიძლება. „...მასთან მიახლოება შეიძლება, მასში იმის გამორიცხვით, რაც მას არ ეკუთვნის“ [3, ენ. V, III, 14]. ამრიგად, პლოტინის ფილოსოფიაში პირველმიზეზის უარყოფითი დახასიათების საფუძველია თვით პირველმიზეზის სრულყოფილება.

გავყვეთ არეოპაგტიკას, რომლისგანაც ცხადი ხდება, რომ პირველმიზეზი იმდენად სრულყოფილია, მარადიულია, რომ მასზე მხოლოდ უარყოფითი ნიშნების მიწერა შეიძლება („...არცაღა რას მოიპოებს, არცა წარსწყმედს, არცა აღორძინდების, არცა მოაკლდების... არცა ვიითმე მიმართ კეთილ არა. და ვიეთმე მიმართა ძვრ (ბოროტი), არცა აქა სადმე ოდენ არს და იქი სადმე არა...“) [1,35]. ეს ვრცელი ამონაწერი არეოპაგტიკიდან გვამცნობს, რომ პირველმიზეზი, როგორც ის არის სინამდვილეში, ჩვენთვის უცნობია და მისი მხოლოდ უარყოფით დახასიათებაა შესაძლებელი. აქ ფსევდო-დიონისე არეოპა-

გელის ნააზრევი იმაზეც მიუთითებს, რომ პირველმიზეზი იმდენად ფილია, იმდენად განსხვავებულია ხილული სინამდვილის არსებებისაგან, რომ ის აღარცაა სრულყოფილება, საკეთე... იმ გაგებით, რა გაგებითაც ვხმარობთ ჩვენ მათ ხილული არსებების გამოხატვისას. ამას ადასტურებს მის მიერ სხვა ადგილას გამოთქმული აზრი პირველმიზეზის როგორც გონებისა და გრძნობადობის არამქონის შესახებ. „... უგონებო და უგრძნობელობა არა მოკლებითად, არამედ ზეშთააღმატებთად ითქუმოდენ ღმრთისათვის... რამეთუ ზეშთა—აღმატების იგი ხილულსა ამას ნათელსა“ [1,70].

ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის აზრით, პირველმიზეზის უგონებობა (მას, რომ გონება არ გააჩნია) შემდეგნაირად უნდა გავივით: ისე, როგორც უმაღლეს სრულყოფილს ვუწოდებთ უსასრულოს იმ გაგებით, რომ ის ყოველგვარ სასრულობაზე და უსასრულობაზე მაღლა მდგომია („...ვითარ-იგი... უსასრულობასა ზეშთასრულისათვის“). ჩვენს მიერ არეოპაგიტული მოძღვრებიდან მოყვანილი ადგილები აჩვენებს, რომ პირველმიზეზისადმი (ღმერთისადმი) ჩვენთვის ცნობილი თვისებების უარყოფა (ე. ი. ღმერთის უარყოფითი დახასიათება), მისი ნაკლოვანების მაჩვენებელი კი არაა, არამედ პირიქით, მისი უმაღლესი სრულყოფილების. აქ, როგორც ვხედავთ, საკმაო პირობაა იმისათვის, რომ არსეოპაგიტკაში არსებული აპოფატკური მეთოდის ონტოლოგიურ საფუძვლად ღმერთის (პირველმიზეზის) სრულყოფილება იქნეს ნაგულისხმები. აღნიშნული თვალსაზრისი უფრო ცხადი გახდება, არეოპაგიტკაში მოცემული წინააღმდეგობრივი ხასიათის დებულების განხილვის შემდეგ.

4. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი წიგნში — „საღმრთოთა სახელთათვის“, აღნიშნავს „...ყოველთა შორის იცნობების ღმერთი და გარეგან ყოველთა, და ცნობითაცა იცნობების ღმერთი... არს მის მოგონებად და სიტყვა... და სხუად ყოველი; და არცა იცნობების, არცა ითქუმის, არცა სახელიდების; და არარაჲ არს არსთაგანი, არცა რაჲს არსთაგანისა შორის იცნებობისა; და ყოველთა შორის ყოველ არს და არცა ერთსა რას შორის არარაჲ და ყოველთა მიერ ყოველითურთ იცნობების და არცა ერთსა რას შორის არარაჲ“ [1,72]. არეოპაგიტული მოძღვრების ეს ადგილი არსებითად მიგვაჩინია ორივე მეთოდის ონტოლოგიური საფუძვლებისა და ურთიერთიმარათების დადგენისათვის. აღნიშნული დებულების პირველი ნაწილი (სადაც ფაქტიურად მოცემულია ღმერთის დადებითი დახასიათება) დაწვრილებით იქნა გარჩეული კატაფატკური მეთოდის განხილვისას. რაც შეეხება დებულების მეორე ნაწილს აქ ნათლად სჩანს, რომ მსჯელობა ეხება ღმერთის(პირველმიზეზის) უარყოფით დახასიათებას. დებულების გაგების მთელი სიძნელე სწორედ იმაშია, რომ ერთსა და იმავე ადგილას საპირისპირო მოსაზრებებია გამართლებული. თუ კი დებულებას დავანაწევრებთ და ცალკე-ცალკე განვიხილავთ, მაშინ მისი გაგება არ იქნება ძნელი, ვინაიდან ამ დებულების არც ერთი ნაწილი არაა უცხო არეოპაგიტული მოძღვრებისათვის, მაგრამ თუ კი დებულებას მთლიანობაში განვიხილავთ, მაშინ იგი ბევრს ახალს გვეტყვის პირველმიზეზის ორგვარი დახასიათების თვალსაზრისით. ამ დებულების მიხედვით, პირველმიზეზი ყველა არსებაში ყველაფერია („ყოველთა შორის ყოველივე არს“), იგი ყველაფერში ჩანს და იცნობების („ყოველთა მიერ ყოველითურთ იცნობების“), აღნიშნული არის დებულების ის ნაწილი, რომელიც ღმერთის დადებით დახასიათების საფუძველს იძლევა. მეორეს მხრივ, ამ დებულებაში აღნიშნულია, რომ ღმერთი არსად არაა („არც

ერთსა შორის არაა“) და არც ერთ არსებაში არ შეიცნობა („არცა რაისა არსთაგანისა შორის იცნობების“). ყოველივე ამის საფუძველზე წინასწარ გაკეთებულია დასკვნა, რომ ღმერთის ცოდნა, სახელის წოდება, გამოხატვა და ა. შ. შეუძლებელია („არცა იცნობების, არცა სახელ-იდების, არცა ითქუმის და არა რაა არს არსთაგანი...“). საბოლოოდ კი მთელი ეს მსჯელობა შეჯამებულია ასევე წინააღმდეგობრივი მოსაზრებით, რომლის თანახმადაც ღმერთი ყველგანაა და არცაა ყველგან, შეიცნობა და არც შეიცნობა, („ყოველთა შორის ყოველი არს და არცა ერთს შორის არაა და ყოველთა მიერ ყოველითურთ იცნობების და არც ერთსა შორის არაა და“). როგორ გავიგოთ ეს თვალსაზრისი, რომელშიც ერთმანეთის გვერდით მოცემულია ურთიერთგამომრიცხავი დებულებები. აქ მხოლოდ ერთი გამოსავალია: ან ეს თვალსაზრისი საერთოდ დასაბუთებას მოკლებულია და გულუბრყვილოდ გამოცხადდეს, ან კიდევ დაიძებნოს ის პირობა, რომელიც გაამართლებდა აღნიშნულ თვალსაზრისს. ფსევდოდოქონისე არეოპაგტიკის ფილოსოფიური თვალსაზრისი, რომ გულუბრყვილო არაა, ამის მტკიცებას არ შეუძლებელია. მაშინ როგორ შეიძლება მისი გამართლება?

დავუშვათ, რომ არეოპაგტიკული მოძღვრების მიხედვით ღმერთი სინამდვილის მიმართ ტრანსცენდენტურია. ე. ი. მისი მიღწევა რაციონალური ცოდნის საფუძველზე შეუძლებელია. ახლა გამოვიყენოთ ეს პრინციპი ჩვენს მიერ აღნიშნული თვალსაზრისის გასარკვევად. ეს თვალსაზრისი გვეუბნება, რომ ღმერთი (პირველმიზეზი) ყველგანაა და ამასთანავე არსად არაა. ღმერთის სინამდვილეში არყოფნას თუ გავიგებთ, როგორც ტრანსცენდენტისმს, მაშინ გადაულახავ წინააღმდეგობაში ვვარდებით, ვინაიდან თუ კი აქ მივიღებთ ტრანსცენდენტისმს მაშინ ძალას კარგავს დებულება — ღმერთი ყველგანაა და ამასთან არსად არაა. ამ შემთხვევაში შეგვიძლია მხოლოდ იმის თქმა, რომ ღმერთი (პირველმიზეზი) სინამდვილეში არ არის, ვინაიდან ღმერთის ტრანსცენდენტურობა ვერ შეითავსებს მის ყველგან ყოფობას (იმანენტურობას). მაშასადამე თუ კი ღმერთს არეოპაგტიკაში გავიგებთ, როგორც ტრანსცენდენტურს, მაშინ ყოველგვარ საფუძველს მოკლებული იქნება ფსევდოდოქონისე არეოპაგტიკის მსჯელობები პირველმიზეზის როგორც დადებითი, ისე უარყოფითი დახასიათების შესაძლებლობაზე. ამ შემთხვევეში ძალას კარგავს არეოპაგტიკული დებულება — ღმერთი „ყოველთა შორის ყოველ არს და არცა ერთსა რას შორის არაა“. ამრიგად არეოპაგტიკაში ღმერთის (პირველმიზეზის) ტრანსცენდენტისმის აღიარებით გადაულახავ წინააღმდეგობაში ვვარდებით. ე. ი. სხვა გზა საჭირო აღნიშნული თვალსაზრისის გასამართლებლად.

დავუშვათ, რომ აქ ღმერთის ტრანსცენდენტისმი კი არ გვაქვს, არამედ მისი სრულყოფილება, რომლის შესახებაც უკვე გვქონდა საუბარი². ღმერთის ზეადმატებულობა გავიგოთ არა როგორც ტრანსცენდენტისმი, არამედ როგორც სრულყოფილების უმაღლესი ფორმა, რომელიც მისგან გამომდინარე არსებებს აღემატება თავისი სრულყოფილების სისრულით, ხარისხით. ახლა კი ვნახოთ რა სახეს მიიღებს ჩვენს მიერ საილუსტრაციოდ მოყვანილი დებულება არეოპაგტიკიდან. დებულების პირველი ნაწილი სადავო არაა და გულსხმობს, რომ პირველმიზეზი ყველგანაა და ყველგან შეიცნობა. ამდენად

² რა თქმა უნდა ღმერთის ტრანსცენდენტისმი სრულყოფილებასაც გულსხმობს, მაგრამ აქ ღმერთის სრულყოფილებაში ვგულისხმობთ მის ხარისხობრივ განსხვავებას დანარჩენ არსებებთან შედარებით.

მთელი სინამდვილე ღვთაებრივის გარკვეული ხატია. მასში არის ღვთაებრივი ძალა. ღვთაებრივის მეორე ნაწილი სწინააღმდეგოს გვეუბნება: რაც სრულდება ნაზიარები იყოს სინამდვილე თავისი არსებებით ღვთაებას, ის ჩამორჩება მას სრულყოფილებით, ამიტომაც მათ შორის დიდი განსხვავებაა. ღმერთი, როგორც სრულყოფილების უმაღლესი ფორმა, იმდენად აღმატებულია ხილული სინამდვილის არსებებზე, რომ იგი სინამდვილეში არც შეინიშნება („...არა რაა არს არსთაგანი...“), ამის გამო, ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის მიხედვით, ღმერთის (პირველმიზეზის) დახასიათება ჩვენთვის ცნობილი არსებებით შეუძლებელია, ვინაიდან ისინი ვერ გამოხატავენ მის ბუნებას, ე. ი. არეოპაგეტიკაში, ბევრ ადგილას, ერთმანეთის გვერდით მოცემული წინააღმდეგობრივი თვალსაზრისების გამართლება მხოლოდ ღმერთის (პირველმიზეზის) ამგვარად გაგებული სრულყოფილების საფუძველზეა შესაძლებელი.

5. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის აზრით, ღმერთი (პირველმიზეზი) ყველა არსებულთა მიზეზია, მაგრამ თვითონ იგი მათზე მეტია და არც ერთ მათგანზე არ დაიყვანება („...ვითარმედ ყოველთავე არსთა მიზეზს არს, ხოლო თვით არცერთი მათგანი, ვინაითგან მათ ყოველთა ზეშთაარსებისა ამაღლებულ არს“) [1, 10]. როგორ გავიგოთ ეს მოსაზრება? ზომ არაა იგი წინააღმდეგობრივი? შუა საუკუნეების რელიგიური ფილოსოფიისათვის აღნიშნული დებულება მისაღებია. კერძოდ, შუა საუკუნეების რელიგიურ-თეოლოგიური თვალსაზრისების მიხედვით [4] ღმერთი სამყაროს, სინამდვილეს ქინის არაფრისაგან. რამდენადაც ღმერთი თავისთავიდან კი არ ქმნის სინამდვილეს (როგორც ეს ნეოპლატონურ ფილოსოფიაშია), არაჲდ არაფრისაგან, ამდენად ეს დებულება უკვე ამგვარად გაგებული აღარაა წინააღმდეგობის შეცველი: პირველმიზეზი არ დაიყვანება არაფრისაგან შექმნილ არსებებზე. მაგრამ, სწორი არ ვიქნებით თუ აღნიშნულს არეოპაგეტიკაზეც გავავრცელებთ, ვინაიდან, არეოპაგეტული მოძღვრების მიხედვით, სინამდვილე არის ღმერთისაგან (პირველმიზეზისაგან) გამომდინარეობა. რამდენადაც არეოპაგეტიკაში აღიარებულია არსებათა გამომდინარეობა პირველმიზეზიდან და ეს გამომდინარეობა ემანაციური ხასიათისაა, ამიტომაც, არეოპაგეტიკაში, კერძოდ არეოპაგეტიკის ფილოსოფიურ ნაწილში, პირველმიზეზის ტრანსცენდენტში არა გვაქვს, ვინაიდან პირველმიზეზიდან არსებების ემანაციური გამომდინარეობა ვერ იკუთხება მას. ზემოთ განხილული არეოპაგეტული დებულების—„ღმერთი ყველგანაა და არცაა ყველგან, ყველგან შეიცნობა და არსადაც არ შეიცნობა,“—გამართლება შეიძლება მხოლოდ იმ შემთხვევაში თუ კი პირველმიზეზს გავიგებთ იმ აზრით, რომლის თანახმადაც იგი როგორც სრულყოფილება და არსებათა დასაბამი მიზეზია, ხოლო როგორც უმაღლესი სრულყოფილება, რომელიც აღმატება არსებებს თავისი სრულყოფილებით, არ დაიყვანება მათზე.

კატაფატიკურ მეთოდზე საბოლოოდ სრული წარმოდგენა მოგვცა არეოპაგეტიკაში სიკეთის საკითხის განხილვამ, ვინაიდან პირველმიზეზი სიკეთეს განაფენს არსებებისადმი და რამდენადაც არსებებში არსებული სიკეთის ძალა ღვთაებრივია, ამდენად ღმერთი ამ აზრით არსებობს არსებებში. სწორედ ამ პრინციპს ემყარება კატაფატიკური მეთოდი, როდესაც იგი პირველმიზეზის დადებით დახასიათებას იძლევა. რაც შეეხება პირველმიზეზიდან გამოსული არსებების ისევ პირველმიზეზში დაბრუნებას, ეს საკითხი იმითაა მნიშვნელოვანი, რომ პასუხს იძლევა კითხვაზე: ღმერთის (პირველმიზეზის) რაწილი გავება ედება საფუძველად ანთატიკურ მეთოდს.

6. როგორც ნაჩვენებია იქნა, აპოფატკური მეთოდი პირველმისზეზ ტრანსცენდენტურობას კი არ ემყარება, არამედ მის სრულყოფილებას. თუ კი არეოპაგტიკაში, აპოფატკურ მეთოდს ღმერთის ტრანსცენდენტობი არ უდევს საფუძვლად, ეს უნდა გამოჩნდეს პირველმისზეზში არსებების უკუდაბრუნების მაგალითზეც. თუ კი პირველმისზეზი სინამდვილის არსებებისადმი ტრანსცენდენტური იქნება, მაშინ არსებების დაბრუნება მასში შეუძლებელია, ვინაიდან არსებები და პირველმისზეზი ამ შემთხვევაში მოწყვეტილი იქნება ერთმანეთს. უფრო ზუსტად, არსებები პირველმისზეზიდან კი არ გამომდინარეობენ, არამედ ღმერთის მიერ არიან შექმნილი არაფრისაგან. ყურადღებას იმსახურებს ამ მხრივ ნეოპლატონური ფილოსოფია. ნეოპლატონურ ფილოსოფიაში, პირველმისზეზში არსებების უკუდაბრუნებას დიდი ადგილი აქვს დათმობილი. რადგანაც პირველმისზეზი ყველაზე სრულყოფილია, ამიტომაც განა არსებებისათვის იმაზე უკეთესი და სასურველი რა უნდა იყოს თუ არა პირველმისზეზისაგან მისწრაფება, რათა ეზიარონ უმაღლეს სრულყოფილებას. პროკლე დაწვრილებით ისილავს აღნიშნულ საკითხს და აღნიშნავს, რომ პირველმისზეზში დაბრუნება შეუძლიათ მხოლოდ იმათ, რომლებიც უშუალოდ მისგან არიან წარმოშობილი. ეს პრინციპი პროკლესთან არა მარტო პირველმისზეზზე ვრცელდება, არმედ საერთოდ მიზეზზე. კერძოდ, პროკლეს მიხედვით, ყოველი არსება უბრუნდება თავის უშუალო მიზეზს, ვინაიდან სწორედ უშუალო მიზეზისაგან აქვს ყოველ არსებას არსებობა, სიკეთე... ამიტომაც მიისწრაფიან მისკენ.

ისე, როგორც პროკლესთან, ასევე არეოპაგტიკაშიც ნათლად ჩანს, რომ ღმერთი (პირველმისზეზი) არის სინამდვილის საფუძველი. ამიტომაც მისკენ არსებები მიისწრაფიან, როგორც საფუძვლისაკენ, სრულყოფილებისაკენ. რამდენადაც მისწრაფება ხდება პირველმისზეზისაკენ, ამიტომ პირველმისზეზი მიზანიცაა. მისკენ მიისწრაფიან არსებები და ყოველი არსებისათვის პირველმისზეზში დაბრუნება სპეციფიურია („...რომლისა მიმართ (პირველმისზეზის, ღვთაების მიმართ) ყოველნი მიიქცევიან, ვითარცა თვისისა თითოეულისა მათისა აღსასრულისა, და რომლისა სურის ყოველთა: საცნაურთა უკუე და სიტყვერთა — მეცნიერებით, ხოლო გრძნობადთა — გრძნობადობით და უნაწილოთა — გრძნობისაგან მათ შორის დანერგულითა მით აღძვრითა ცხოველობისა სურვილისადათა ხოლო უცხოველთა და მხოლოდ არსთა ოდენ — მხოლოდ არსებითითა ოდენ სიმარჯვსა მიმღებლობითა“) [1,33]. ფსევდო-დიონისე. არეოპაგელის ეს თვალსაზრისი გარჩეულ იქნა კატაფატკური მეთოდის განხილვისას. აქ მხოლოდ იმას აღნიშნავთ, რომ არეოპაგელი როცა პირველმისზეზთან დაბრუნებაზე მსჯელობს, მისთვის მთელი სინამდვილე ღვთაებასაა ნაზიარები. აზრობრივი არსებები პირველმისზეზთან ერთიანდებიან შემეცნების მეშვეობით; გრძნობადი არსებები — გრძნობადობის მეშვეობით, არსებები, რომელთაც წილი არა აქვთ გრძნობადობაში, პირველმისზეზს (ღმერთს) ეზიარებიან მათში აღძრული სიცოცხლის სურვილით. ბოლოს კი (რაც ძირითადია ამ შემთხვევაში) აღნიშნავს, რომ არსებები, რომლებშიც სიცოცხლის სურვილიც არაა, პირველმისზეზთან ერთიანდებიან მათი არსებით, უფრო ზუსტად მათი არსებობის ფაქტი, ნიშნავს უკვე, რომ ისინი ღვთაებრივნი არიან. აქ მნიშვნელოვანი ისაა, რომ ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის განსჯის ობიექტია არა მხოლოდ სულიერი არსებები, არამედ სინამდვილის ყოველი არსება უსულო არსებით დამთავ-

რებული. ე. ი. არეოპაგიტული მოძღვრება იძლევა სინამდვილის ერთმანეთს დასაბამად, სადაც ყოველ არსებას თავისი ადგილი აქვს მიჩენილი (რა თქმა უნდა თავისი სრულყოფილების ხარისხის მიხედვით). ამრიგად, ნათლად ჩანს რომ ამ შემთხვევაში, ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის მიხედვით, ღმერთი (პირველმიზეზი) არსებებისაგან მოწყვეტილი, მიღმური (ე. ი. ტრანსცენდენტური) კი არაა, არამედ სინამდვილეშია, სინამდვილის არსებებში ჩანს მისი ძალა.

არეოპაგეტიკაში, სინამდვილის არსებებისადმი ღმერთი (პირველმიზეზი) რომ ტრანსცენდენტური არაა, ეს იქიდანაც ჩანს, რომ, ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის აზრით, ღმერთი არსებების მიზეზი და საფუძველია, მისი მეშვეობით აქვს ყოველ არსებას სიცოცხლე, არსებობა და ამასთანავე ღმერთი არა მარტო მიზეზია არსებების, არამედ მათი მიზანი, დასასრული. ღმერთი თვითონ შემოიკრებს მისკენ, როგორც სიკეთისაკენ, არსებებს („და მისთვის და მისა მიმართ ტრფიალ არიან უდარესნიჲ უმაღლესთა მიმართ მიქცევით და ზო-არებით, თანა-მონივთენი თანამოდასეთა თანა და უმაღლესნი უდარესთა მიმართ წინა-განმგებლობით და თვთ თავთა თვსთა მიმართ თითოეული შემოკრებით“) [1,38]. აქაც ნათლად ჩანს, რომ სინამდვილე ერთი მთელია, რომლის სათავეშიცაა ღმერთი (პირველმიზეზი), რომელიც საგნებს, არსებებს თავისკენ იზიდავს. ამგვარად, მთელი სინამდვილე ღმერთითაა გაერთიანებული; არსებებს ყველა უნარები ღვთაებისაგან აქვთ („არამეთუ მისგან და მის მიერ არს ყოველთა ყოველი არსებამ და ცხოვრებამ და გონებისა და სულისა და ყოველისა ბუნებისა სიმცირენი...“). რამდენადაც არსებებს ყველა უნარი ღვთაებისაგან აქვთ, ამიტომაც არის არსებათა მისწრაფება მისკენ. თავის მხრივ ღვთაება სრულყოფს არსებებს, საგნებს და უკუდააბრუნებს მათ თავისი თავისაკენ („...ყოველსავე ჰყოფს, ყოველსავე სრულჰყოფს, ყოველსავე იპყრობს, ყოველსავე მოაქცევს“) ე. ი. ღმერთი ყოველ არსებას არსებობას ანიჭებს („ყოველსავე ჰყოფს“), ყოველ არსებას მისგან აქვს სრულყოფილება („ყოველსავე სრულჰყოფს“) და ყოველ არსებას თავისკენ უკუაბრუნებს („ყოველსავე მოაქცევს“). ეს თვალსაზრისი იმ მხრივაც მნიშვნელოვანი, რომ აქ ცხადადაა ნაჩვენები არსებების და პირველმიზეზის ერთიანობა. როდესაც აღიარებულია, რომ ღმერთი ყველაფრის მიზეზია, მისგან ხდება არსებების გამომდინარეობა და ამასთანავე მისგან გამოსულ არსებებს ღვთაება თავისთან აბრუნებს, ადგილი აღარ რჩება მისი (ე. ი. ღმერთის, პირველმიზეზის) ტრანსცენდენტური გაგებისათვის.

7. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის მოძღვრებაში, სხვა ადგილას უფრო მკაცრადაა გატარებული პირველმიზეზის (ღმერთის) და არსებების ერთიანობის პრინციპი. ღმერთი არსებებს არა მარტო არსებობას აძლევს და სრულყოფს, არამედ მათ საშუალებასაც კი არ აძლევს, რომ მას ჩამოშორდნენ. აქ საჭიროა გავიხსენოთ პირველმიზეზის მიერ არსებებისადმი სიკეთის, ღვთაებრივი ძალის მინიჭება. პირველმიზეზი არსებებს თავის ღვთაებრივ ძალას აძლევს. ღვთაებრივი ძალა მიეფინება ყველა არსებას და არ არსებობს არსება, რომელიც არ იყოს ნაზიარები ღვთაებას. სწორედ ღვთაებრივი ძალის მეშვეობით არიან არსებები პირველმიზეზთან მტკიცედ შეკრული („...კუთლად ყოველთა მისსა მიმართვე, ვითარცა უფსკრულისა რაისმე, მიმაქცეველობისა და შემ-

3 ნაკლებსრულყოფილი.

ცელობისა მათისა... ყოველთა შემომკრებლობისა შემამტიცებლობითა და არა მიმშუებლობითა განვრდომად მისგან, ვითარც ყოველთ-კერძოსა სიანაჯისაგან (ადგილსამყოფლისაგან) წარწყმედად ვინაითვე“ [1,85]. ღმერთისაგან (პირველმიზეზისაგან) არსებების ჩამოშორება იქნებოდა მათი დაღუპვა, გაუქმება (წარწყმედა), ამიტომაც ღმერთი არსებებს არ უშვებს მათ ნებაზე და მტკიცედ ჰყავს შემოერთებული ისინი. ამრიგად არსებები, როგორც არ უნდა იყვნენ ისინი და სადაც არ უნდა იმყოფებოდნენ, ღვთაებასთან ერთიანობაში არიან და ეს ერთიანობა თვით ღვთაების მეშვეობითაა შენარჩუნებული. ღმერთი ინარჩუნებს ამ ერთიანობას, ვინაიდან თუ კი არსებები მას ჩამოშორდებიან, მაშინ ისინი დაიშლებიან და ადგილი ექნება არსებათა აღრევას („...ყოველთა გაყოფილთა და შეასრულებს და შეამტიცებს და არა მიუშუებს განჭრად და დათხევით განხნევად (დაღერა) უზომოებისა... (ვინაიდან) განჯუებულ-ყოფად ღმერთისაგან და განსრულ-ყოფად თავთა თუსთა ერთობისაგან ურთიერთას შერევენთა ყოვლად აღრევითთა“) [1,87]. აქ საინტერესოა ამ თვალსაზრისის პროკლეს ფილოსოფიასთან სიახლოვე. პირველად პროკლემ დააყენა საკითხი იმის შესახებ რომ პირველმიზეზიდან არსებები კიდევ უნდა გამომდინარებოდნენ და კიდევ უნდა უბრუნდებოდნენ მას. პროკლემ სპეციალურად გამოიკვლია ყველა ის წინააღმდეგობა, რომლებამდეც მივიდვართ თუ კი ვალიარებთ პირველმიზეზიდან ან მხოლოდ არსებების გამომდინარებობას და პირველმიზეზში ან მხოლოდ არსებათა დაბრუნებას. პროკლეს მიხედვით, შეუძლებელია, რომ პირველმიზეზიდან არსებების მხოლოდ გამომდინარებობას (გამოსვლა) ჰქონდეს ადგილი. ამ შემთხვევაში (ე. ი. უკუდაბრუნება თუ არ იქნება) არ გვექნება ერთიანი პრინციპი, გვექნება მხოლოდ გამოსვლა და არსებები მოწყვეტილი იქნებიან თავის მიზეზს, არ იქნება მათ შორის კავშირი „თუ კი ის (შედევ) მხოლოდ გამომდინარეობს (მიზეზისაგან), მაშინ მას არავითარი კავშირი არ ექნება მასთან, ვინაიდან მას არავითარი საერთო არ ექნება მიზეზთან“ [5, 45]. როგორც ვხედავთ, პროკლესთან მიზეზისა და შედეგს შორის (ეს პრინციპი კი, განსოგადოებული გულისხმობს პირველმიზეზისა და სინამდევლის დამოკიდებულებას) აუცილებელი კავშირი არსებობს. ვფიქრობთ, არეოპაგელის ფილოსოფიაში პროკლეს ეს თვალსაზრისი გარკვეულ როლს ასრულებს, რასაც ადასტურებს არეოპაგიტული მოძღვრების ის ნაწილი, სადაც პირველმიზეზი (ღმერთი) და არსებები ერთიანობაშია მოცემული. ეს აზრი უნდა განამტკიცოს პირველმიზეზში არსებების უკუდაბრუნების ბიძგისმიმცემის განხილვაში.

მართალია არსებები მიისწრაფიან პირველმიზეზისაკენ, მაგრამ რა არის ის ძალა, რომელიც მიმართავს არსებებს უმაღლესი არსებებისაკენ ანუ ღმერთისაკენ? ეს ძალა, ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის აზრით, არის ეროსი („ტრფიალებია“). ეს ძალა (ტრფიალების ძალა) ღვთაებრივია და ცალკ-ცალკე არსებულ არსებებს აერთიანებს და მიმართავს პირველმიზეზისაკენ („და არს ტრფიალებია საღმრთო ძალ ერთყოფელ და შემკრველ და შემზავებელ განყოფილთა ერთყოფად კეთილსა ზედა და სახიერებასა წინაითვე ქონუბელისა მისთვის... რომლითა იპყრობს ერთ-მოდასეთა ზიარებითსა შინა ურთიერთ არსებობასა და აღძრავს პირველთა განმგებელ-ყოფად შემდგომთა და განამტკიცებს უდარესთა მიქცევად უმაღლესთა მიმართ...“) [1, 40—41]. უკვე აღინიშნა, რომ ეროსი ღვთაებრივი ძალაა. თუ კი ის ღვთაებრივი ძალაა, რა თქმა უნ-

და სიკეთის შემცველიცაა. სწორედ ამაზე მიუთითებს აქ ავტორი. სიკეთის მეშვეობით ტრფიალება არსებებს აერთიანებს და პირველმიზეზისავე მისწრაფებას უღვიძებს. ტრფიალების ძალა შეიძლება მრავალნაირად გამოვლანდეს, მაგრამ ყოველგვარ გამოვლენაში ის არ კარგავს თავის ძირითად ფუნქციას, კერძოდ, იგი არის არსებათა გამაერთიანებელი და შემკვრელი („ტრფიალებამ გინა თუ საღმრთო, ანუ ანგელოზებრი, გინა საცნაურებრი, გინა მშვენიერებრი ანუ ბუნებითი და ნერგობითი რაემს ვთქვათ, ერთობითსა რასმე და შეზავებითსა ძალას გულისკმა—ვჰყოფთ“) [1, 42]. აქ, ვფიქრობთ, კონტენტარები ზედმეტია. ტრფიალება (ეროსი) რომ გარკვეულად არსებებსა და პირველმიზეზს (ღმერთს) შორის ერთდაგვარი გამაერთიანებლის როლს ასრულებს ცხადად ჩანს არეოპაგიტული მოძღვრების შემდეგი ადგილიდანაც: „ამეთუ თვთ იგი კეთილის მოქმედი არსთა ტრფიალებამ სახიერებისა შორის ზეშთა-ალმატებით წინათვე იყო, რომელი-იგი არა უტყვეა მან უშობელად თავსა შორის თუსსა ყოფად, არამედ აღძრა იგი მოქმედების ყოფად ყოველთავე მოქმედებისა აღმატებულითა“ [1, 38]. ამ ადგილს თუ შევადარებთ ტრფიალების ძალის იმ უნართან, რომლის მიხედვითაც, არსებები ერთიანდებიან და უბრუნდებიან პირველმიზეზს, საყურადღებო დასკვნის გაკეთება შეიძლება. როგორც ირკვევა პირველმიზეზში (ღმერთში) წინასწარვე არსებული ტრფიალება, რომელმაც პირველმიზეზი აღძრა მოქმედებისადმი. უფრო სწორად ტრფიალებს ძალამ არ დაანება, რომ პირველმიზეზი წარმოშობის გარეშე ყოფილიყო („არა უტყვეა მან უშობელად თავსა შორის თუსსა ყოფად“). გამოდის, რომ ტრფიალების ძალა ერთდროულად საგნების წარმოშობასაც უღებს საფუძველს და მათ პირველმიზეზში უკუდაბრუნებასაც. ამრიგად ტრფიალება სწორედ ის ძალა ყოფილა, რომლის მეშვეობითაც არსებებსა და პირველმიზეზს შორის ერთიანობაა.

8. პირველმიზეზიდან, არსებების გამომდინარეობა და მასში არსებების უკუდაბრუნება აჩვენა ტრფიალების ძალის განხილვამ. ამასთანავე, ეს დაბრუნება გარკვეული კანონზომიერებით მიმდინარეობს, კერძოდ, ჭერ ხდება არსებათა დაბრუნება უშუალო მიზეზში, შემდეგ ამ მიზეზის მეშვეობით უფრო წინამავალ მიზეზში და ა. შ. მიმდინარეობს სელა პირველმიზეზამდე (ღმერთამდე). აქ უნდა აღინიშნოს, რომ ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი უშუალოდ მიყვება პროკლეს ფილოსოფიას. ეს საკითხი პროკლესთან დაწვრილებითაა განხილული. პროკლეს აზრით, ყოველი (არსება) მიისწრაფის სიკეთისაკენ და აღწევს მას თავისი უახლოესი მიზეზის მეშვეობით. ამიტომაც ყოველი საგანი მიისწრაფის საკუთარი მიზეზისაკენ [5, 44]. ე. ი. ყოველი არსება უბრუნდება იმას რისგანაც მომდინარეობს, ახლა შევადაროთ მას არეოპაგიტული თვალსაზრისი და ცხადი გახდება მათი სიახლოვე „...აგივეობამ და საშუალოთა და კიდეთა ჰყრობამ და თვთ მათ სხუათა მჰყრობელთადაცა მის მიერვე ჰყრობამ და კუალად მისსა მიმართვე მიქცევამ ყოველთა მისგან გამომავალთა“ [1, 84]. ვაირკვევ არსებათა უკუდაბრუნების სელა (წინამავალი მიზეზების გავლა). აღინიშნა, რომ არსებები უკუუბრუნდებიან პირველმიზეზს (ღმერთს). მაგრამ საინტერესოა, როგორ არიან ერთიანობაში პირველმიზეზი და არსებები, როცა არსებები მას უბრუნდებიან. აქაც ფსევდო-დიონისე არეოპაგელს საინტერესო აზრი აქვს გამოთქმული, მართალია არსებები (საგნები) ღმერთის მსგავსნი არიან, მაგრამ ეს მსგავსება არავითარ შემთხვევაში არ უნდა გავიგოთ, როგორც

იგივეობა („ხოლო მსგავსებასა ღმრთისათჳს, უკუეთუ ვინმე ვითარცა იგივეობად იტყოდის, ვითარცა ყოველთა ყოვლისა მიერ თავისთა თჳსისა მხოლოდობით და განუყოფლად მსგავს არსსა, ამით სახითა არა უპატიო იყოს ჩუენდა მსგავსისა ღმრთისსახელობაჲ“) [1, 82]. ეს ადგილი მნიშვნელოვანია იმიტაც, რომ აქ, ავტორი უნდა უარყოფდეს კრეაციონისტულ თვალსაზრისს. ფსევდოდონისე არეოპაგელს შეუძლებლად მიაჩნია, რომ არსებები იყვნენ ღვთაების იგივეობრივი და არ გააჩნდეთ საკუთარი „თვითობა“. მართალია საგნები ემსგავსებიან ღმერთს, მაგრამ იგივეობრივი მაინც არ არიან. აქ პირველმიზეზი კრეაციონისტული თვალსაზრისით რომ იყოს განხილული, მაშინ არსებები (საგნები) წარმოშობილი იქნებიან არაფრისაგან და პირველმიზეზში დაბრუნებისას დაკარგავენ თავიანთ სუბსტანციურობას. არეოპატიკულ მოძღვრებაში ღმერთს ფაქტიურად წესრიგი შეაქვს არსებებში ღვთაებრივი ძალის განფენით. არსებებში ღვთაებრივი ძალის არსებობა არსებების და პირველმიზეზის ერთიანობის მაჩვენებელია. ეს კი გამორიცხავს ღმერთის ტრანსცენდენტურ ბუნებას.

ბოლოს კი შევეხებით ღვთაებრივი ძალის გავრცელების მარადიულ ბუნებას, რაც ღმერთისა და სინამდვილის მიმართების მარადიულობის მაჩვენებელია. ფსევდოდონისე არეოპაგელის აზრით, პირველმიზეზიდან უმდაბლესი არსებებისაკენ ხდება ღვთაებრივი ძალის გასვლა. ეს გასვლა და შემდგომ უკუდაბრუნება წრიული ხასიათისაა და ამასთანავე, რაც მთავარია, მარადიულია („...ერთი რაიმე არს მარტივი ძალი თვთმოდრავობითი, ერთობითად რადმე შეზავებად სახიერებისაგან ვიდრე თვთ ამათ უკუანაძსკნელთამდე და კუალად მიერვე შემდგომთა ყოველთა სახიერებისა მიმართ ნისგან და მის მიერ და მის შორის თავისავე მიმართ, თჳსისა მომრგულეებული მარადის თავსა შინა თჳსსა მომქცევი“) [1, 43]. ე. ი. ეს თვითმომრავლობითი ძალა, ფსევდოდონისე არეოპაგელის აზრით, გამაერთიანებელი ძალაა ღმერთიდან არსებებისაკენ და პირქით („ერთობითად რადმე შეზავებად სახიერებისაგან ვიდრე თვთ ამათ უკანაძსკნელთამდე...“) და რაც მთავარია, ავტორს ეს პროცესი მარადიულად მიაჩნია. აააზე მითითებულია არეოპატიკის სხვა ადგილზეც „ვითარცა საუკუნოა რაიმე სიმრგულე სახიერებისათჳს, სახიერებისაგან, სახიერებასა შინა და სახიერებასა მიმართ უტთომელითა ნოქცევითა მომრგულევის მის შორის და მასვე ზედა მარადის გამოძავალ არსცა და ჰგიესცა“ [1, 42]. როგორც ვხედავთ, ფსევდოდონისე არეოპაგელს პირველმიზეზში არსებათა ყოფნა, გამოსვლა და მასში უკუდაბრუნება მარადიულ პროცესად მიაჩნია. აქ აშკარად ჩანს პროკლეს ფილოსოფიის გავლენის კვალი [5,35]. ამრიგად, არეოპატიკაში ღვთაების (პირველმიზეზის) მიერ არსებებში წესრიგის შეტანა, გლვთაებრივება (რაც ნეოპლატონური ფილოსოფიის ენაზე წარმოშობას უღრის) და ამ გზით საგნების ღმერთთან ერთიანობა სულაც არ ნიშნავს მათ სუბსტანციურობის დაკარგვას.

9. ფსევდოდონისე არეოპაგელისათვის როგორც კატაფატკური, ისე აოფატკური მეთოდი ცოდნის აგების მეთოდია. როგორც კატაფატკის ისე აოფატკის ობიექტია პირველმიზეზი (ღმერთი), რომლის ორგვარად დახასიათება შესაძლებელი. პირველმიზეზის ორგვარი დახასიათება იძლევა იმის საბაბს, რომ ამ მეთოდების სხვადასხვა ამოსავალი საფუძვლები იქნეს დაძებნილი. უფრო მეტიც, ზწირად, ამ მეთოდებზე დაყრდნობით, არეოპატიკული ფილოსოფია გაორებულიადა წარმოდგენილი. ჩვენი კვლევის მიზანს შეადგენ-

და გვეჩვენებინა, რომ არეოპაგიტულ მოძღვრებაში მოცემულ ორ მეთოდს ერთი და იგივე ონტოლოგიური საფუძველი გააჩნია. ამასთან, არეოპაგიტკაში ნამდვილად არის ავტორის თვალსაზრისის გაორება, მაგრამ ამ გაორებას საფუძვლად პირველმიზეზის ფილოსოფიური გაგება კი არ ედება, არამედ ფილოსოფიური გაგების გვერდით პირველმიზეზის მისტიკური (რელიგიური) გაგება. როგორც კატაფატიკა, ისე აპოფატიკა ფილოსოფიური ცოდნის მეთოდებია და ღმერთის მისტიკური ხედვა ამ მეთოდებით მიღებულ ცოდნაზე მალა დგას. ეს რომ ასეა, თვალნათლივ დასტურდება ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის იმ ცნობილი თვალსაზრისიდან, რომლის მიხედვითაც პირველმიზეზის, როგორც დადებითი დახასიათება შეიძლება, ისე უარყოფითი და ღმერთი იმაზე მეტია, ვიდრე მის შესახებ აღნიშნული მეთოდები გვეუბნებიან⁴. თუმცა ისიც უნდა აღინიშნოს, რომ არეოპაგიტკაში გარკვეულად მინიშნებულია აპოფატიკის უპირატესობაზე („ჭერ არს დადებამ და წათქუმა მისთვის... კულად... უსაკუთრესად უკუთქუმა...“). აქ შეცდომაში არ უნდა შეგვიყვანოს სიტყვა „უსაკუთრესად“ და ამის საფუძველზე არ უნდა მოხდეს ისეთი დასკვნის გაკეთება, რომლის თანახმადაც არეოპაგიტკაში კატაფატიკა და აპოფატიკა ერთმანეთისაგან განცალკევებულია, ვინაიდან, ავტორის მიხედვით, ეს მეთოდები ერთმანეთს არ ეწინააღმდეგება („აროდეს გონებად უკუთქუმათაა წინააღმდეგომ ყოფამ წათქუმათა“). აქ აპოფატიკაზე უპირატესობის მინიჭება შემდეგს უნდა გულისხმობდეს: რადგანაც პირველმიზეზი (ღმერთი) იმდენად სრულყოფილია და აღემატება ჩვენთვის ცნობილ არსებებს, რომლის სახელებიც მივაწერეთ მას, კატაფატიკური მეთოდით დახასიათებისას, ამიტომაც, პირველმიზეზის დახასიათებისას უმჯობესია მის შესახებ იმის თქმა, რომ იგი არსებულთაგან არც ერთის მსგავსი არაა, ე. ი. უმჯობესია მისი უარყოფითი დახასიათება. ეს მეთოდები ერთმანეთს არ ეწინააღმდეგებიან იმდენად, რამდენადაც ორივე პირველმიზეზს ეხება, მაგრამ თვით პირველმიზეზი მალა დგას ამ მეთოდით მიღებულ ცოდნაზე. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი სწორედ ამიტომაც განიხილავს ამ მეთოდებს ერთად, შემდეგ კი აჩვენებს მათ უძლურებას პირველმიზეზის ცოდნისათვის.

რაიმის დახასიათება, იქნება ეს უარყოფითი, თუ დადებითი, ხდება ფილოსოფიური ცოდნის სფეროში, ამიტომაც ეს მეთოდები, რომელიც არეოპაგიტკაშია მოხმარებული ფილოსოფიის, ამ შემთხვევაში რაციონალური ცოდნის მეთოდებია. რაც შეეხება პირველმიზეზის იმ სახით წარმოდგენა, რომელიც ყოველგვარ დახასიათებაზე (როგორც დადებითზე, ისე უარყოფითზე) მალა დგას, სწორედ იმას ნიშნავს, რომ პირველმიზეზი, როგორც ფილოსოფიური ცოდნის ობიექტი, და პირველმიზეზი, როგორც მისტიკური ჰერეტის ობიექტი სხვადასხვაა. მისტიკური ხედვის პოზიციიდან განხილული ღმერთი ფსევდო-დიონისე არეოპაგელს იმგვარად წარმოუდგენია, რომელზედაც რაიმის მიმატებით, ან გამოკლებით, ფაქტიურად არაფერი ემატება და არც არაფერი აკლდება („...არცა არს ყოვლად მისი მატებამ გინა მოკლებამ; არამედ შემდგომად

⁴ სამართლიანად შენიშნავს ა. ბრილიანტოვი არეოპაგიტკის მიმართ: ღმერთს როგორც პრედიატებიც არ უნდა მივაწეროთ, უფრო მეტი უფლებით შეიძლება ჩამოვაცილოთ მის. ეს კი იმის მაჩვენებელია, რომ ღმერთი მალა დგას ყოველგვარ განსაზღვრებებზე, იქნება ეს დადებითი, თუ უარყოფითი [6.165].

მისსალა ვპყოფთ მატებასა და მოკლებასა, და მას თავადს არცა რას ვპმატებთ არცა რას მოვაკლებთ, ვინაითგან ზეშთა ყოველთა მატებათა და... ზეშთა ყოველთა დაკლებათა...“) [1,229].

ყველა ზემოაღნიშნულის საფუძველზე, ავტორი ეპისტოლეში „მღვდელმთავარ ტიტეს მიმართ“ ერთმანეთისაგან მიჯნავს ღვთისმეტყველების ორ დარგს ფილოსოფიას და თეოლოგიას. ფილოსოფიის მიზანს შეადგენს გარკვევა, სრულყოფა, მეცნიერულობა, ხოლო თეოლოგიისათვის გამოუთქმელობა, რწმენა, მესაიდუმლოება... („...ორ-სახე არს ღმრთისმეტყველთა სიტყუს მომცემლობა; რომელიმე გამოუთქმელი და საიდუმლო, ხოლო რომელიმე სახის-შემოღებითი და სრული ყოფითი; და რომელი უსაჩინოესი და უმეცნიერესი, ხოლო რომელიმე სიბრძნის მოყუარებითი და გამოჩინებითი, და თანა-შეთხზულ არიან თქმულთა თანა უთქმელნი და რომელიმე თან-შეკრულ არს რწმუნებასა და თქმულთა ქეშმარიტებასა, ხოლო რომელიმე იქმს და დაამყარებს ღმრთისად უსწავლელთა მესაიდუმლოებითა“) [1,251—252]. აქ როგორც აღნიშნულა—დან ირკვევა, ღვთისმეტყველება, განსხვავებით ფილოსოფიისაგან, რწმენას ემყარება. ამით ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი საბოლოოდ მიჯნავს ღმერთის ფილოსოფიურ გაგებას ღმერთის რელიგიური გაგებისაგან.

10. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის აზრით, ღმერთი მიღმური და უცხოა ჩვენთვის. მისი მიღწევა და ცოდნა ჩვენი ადამიანური უნარებით შეუძლებელია. თუ კი ვინმემ იხილა ღმერთი და ფიქრობს ღმერთის შესახებ ცოდნა აქვს, იგი ცდება, ვინაიდან ღმერთის ხილვა საერთოდ შეუძლებელია („და ვინც იხილა ღმერთი, გულისკმა-ყო, რომელი იგი იხილა, ვითარმედ არა თუთ იგი თავადი იხილა, არამედ სხუამ რაიმე არსთაგანი და უწყებულთა... (ვინაიდან) გონებათა და არსებათა ზეშთადამყარებულ არს...“) [1,233] ამრიგად აქაც ხაზგასმულია, რომ ღმერთის წვდომა ცოდნის საფუძველზე შეუძლებელია.

ღმერთის (პირველმიზეზის) საბოლოო წვდომა შესაძლებელია არა ცოდნის საფეხურზე, არამედ მისტიურ, ჰერეტაში. ეს თვალსაზრისი დამახასიათებელი იყო შუა საუკუნეების რელიგიურ-ფილოსოფიური მსოფლმხედველობისათვის. ფსევდო-დიონისე არეოპაგელიც აღიარებს მას. ღმერთის წვდომისათვის საჭიროა ყველა იმ ადამიანური თვისებების ჩამოშორება, რომელიც ხელს გვიშლის ამგვარი წვდომისათვის („...ყოველნი თავნი თუსნი ყოველივე თუსთაგან განვაშორნეთ და ყოვლითურთ ღმრთისად ვიქმნეთ, რამეთუ უმჯობეს არს ღმრთისად და არა თავთა თუსთად ყოფამ“) [1,69]. ღმერთთან გაერთიანებისათვის ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი დიდ მნიშვნელობას აძლევს ლოცვის როლს. ლოცვა არის გარკვეული მოსამზადებელი საფეხური მისტიური ჰერეტისათვის.

მისტიური ჰერეტის დაშვება არეოპაგეტიკაში ამის მაჩვენებელია რომ ამ მოძღვრებისათვის ღმერთის (პირველმიზეზის) ტრანსცენდენტაში უცხო არ არის. მაგრამ, ასეთ ვითარებასთან საქმე გვაქვს მაშინ, როდესაც დადგინდება, რომ ფილოსოფიური ცოდნა ვერ იძლევა ღმერთის სრულყოფილ სურათს. ამის შემდეგ ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი ღმერთს (პირველმიზეზს) განიხილავს, როგორც მისტიკურა ჰერეტის ობიექტს.

ბოლოს კი უნდა აღინიშნოს, რომ არეოპაგეტული მოღვრების ფილოსოფიურ ნაწილში მოცემულ დადებით (კატატეპეტიკურ) და უარყოფით (აპოფატეკურ) მეთოდებს ერთი და იგივე ონტოლოგიური საფუძველი გააჩნიათ — ღმერთი. 4. „მაცნე“, ფილოსოფიისა და ფსიქოლოგიის სერია, 1981, № 1

თის (პირველმიზეზის) სრულყოფილება. რაც შეეხება ღმერთის ტრანსცენდენტისმს არეოპაგიტულ მოძღვრებაში, იგი არსებობს იმდენად, რამდენადაც ფილოსოფიური ცოდნის შეზღუდულობის გამო საჭირო ხდება მისტიკის შემოტანა. მისტიკის სფეროში კი ღმერთის ტრანსცენდენტურობა ჩვეულებრივი მოვლენაა.

М. К. МАХАРАДЗЕ

АПОФАТИЧЕСКИЙ МЕТОД В АРЕОПАГИТИКЕ

Резюме

Для понимания ареопагитики большое значение имеет установление места апофатического (отрицательного) метода в этом учении. В статье доказывается, что онтологической основой апофатического метода является не трансцендентный бог, а совершенство бога. Если бог трансцендентен в отношении вещей, то невозможно возвращение вещей к первопричине (к богу).

Как катафатический (положительный), так и апофатический (отрицательный) методы представляют собой способы познания и основываются на совершенстве бога (первопричины). Здесь под совершенством бога подразумевается такое понимание, когда бог (первопричина) отличается от вещей лишь качественно.

Отмеченное вовсе не значит, что для автора ареопагитического учения чужда трансцендентность бога. Но, такое понимание бога есть не предмет философского знания, а религии.

ლიტერატურა

1. არეოპაგიტია, ვიმოწმებთ შემდეგი გამოცემის მიხედვით: პეტრე იბერიელი (ფსევდო-დიონისე არეოპაგელი), შრომები, თბ., 1961.
2. მახარაძე, პირველმიზეზის კატაფატეკური დახასიათება ფსევდო-დიონისე არეოპაგელის ფილოსოფიაში, „მაცნე“, ფილოსოფიის... სერია, № 4, 1976.
3. Плотин, Энеады, («Вера и разум», 1898—1900 гг.).
4. Гарнак А. История догматов, СПб, 1911.
5. Прокл, Первоосновы теологии, Тб., 1972.
6. Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены, СПб, 1898.
7. Лоский В. Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита (Сборник статей по археологии и византиеведения, Прага, 1929).

წარმოადგინა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის ფილოსოფიის ინსტიტუტმა

ფსიქოლოგია

И. В. ИМЕДАДЗЕ

СТРУКТУРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ

В советской психологии, в основном усилиями А. Н. Леонтьева и его школы создана достаточно строгая система представлений о структуре и строении деятельности. Разработку модели структуры поведения¹ без преувеличения можно оценить как одно из наиболее впечатляющих достижений теории деятельности. Как известно, в этой теории выделена наиболее крупная единица активности — деятельность. Деятельность располагает собственным мотивом. «Основными «составляющими» отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия» [5, 103]. Действия не имеют собственного мотива и регулируются целями. Действия, в свою очередь, состоят из операций. Являясь способом осуществления действия, операции соотносятся с условиями среды, в которой выполняется действие.

В работах ряда грузинских психологов А. С. Прангишвили [6], Ш. Н. Чхартишвили [12], З. И. Ходжава [13], А. А. Алхазисвили [1] представлена по существу та же точка зрения о структуре деятельности². Однако сам Д. Н. Узнадзе данным вопросом специально не занимался. Поэтому для более четкой рефлексии его позиции необходимо обратиться к некоторым исследованиям автора в области теории поведения и, в первую очередь, к работе, посвященной классификации форм поведения человека.

Для Д. Н. Узнадзе, как и для большинства отечественных психологов, основополагающим является принцип, который условно можно обозначить как «принцип соответствия мотива (потребности) и деятельности». Этот принцип означает, во-первых, что каждая деятельность располагает собственным, специфическим, внутренним мотивом (потребностью) и, во-вторых, то, что именно этот мотив «именует» деятельность, ложится в основу выделения ее в самостоятельную, конкретную форму деятельности. Исходя из этого, становится очевидным, что для решения задачи классификации различных форм поведения человека в первую очередь необходимо как-то классифицировать по-

¹ В данном исследовании понятия деятельность и поведение будут употребляться в качестве синонимов.

² Существуют, правда, и определенные расхождения. Так, Ш. Н. Чхартишвили полагает, что категория цели релевантна исключительно деятельности; действие же, по его мнению, целью не обладает. Кроме того, З. И. Ходжава и Ш. Н. Чхартишвили считают неверным размежевание деятельности и действия по принятому в теории деятельности критерию совпадения или несовпадения мотива и цели.

требности. Д. Н. Узнадзе поступает именно так и предлагает оригинальную классификацию потребностей. Он различает два больших класса потребностей: субстанциональные и функциональные. Первые, выражаясь словами Д. Н. Узнадзе, имеют «предметный» характер. Для их удовлетворения необходим определенный предмет, находящийся вне субъекта. Вторые отражают тенденцию субъекта к активности, функционированию и удовлетворяются не предметом, а самим процессом осуществляемых субъектом определенных видов активности. Соответственно различаются два основных класса поведения — экстерогенное и интрогенное. Экстерогенные формы поведения мотивированы субстанциональными потребностями, а интрогенные — функциональными.

Закономерно встает вопрос, что определяет специфические черты форм поведения, объединенных в одном классе? На чем основывается дифференциация форм поведения внутри экстерогенного или интрогенного класса? Основным критерием по-прежнему остается потребность. Д. Н. Узнадзе пишет: «поскольку в основу классификации положена психологическая точка зрения, надо полагать, что для отнесения поведения человека к той или иной форме исходным и основным является само переживание субъекта» [9, 357]. Под переживанием субъекта в данном контексте имеется в виду переживание побудителя активности, т. е. потребности или мотива. Однако Д. Н. Узнадзе использует и дополнительные критерии. В их существовании можно убедиться, рассмотрев некоторые формы экстерогенного поведения, в частности, потребление, уход, любознательность и обслуживание.

С потреблением, согласно Д. Н. Узнадзе, имеем дело тогда, когда субъект осуществляет определенные элементарные акты, служащие непосредственному удовлетворению его основных биологических потребностей, таких, как потребность в пище, в утолении жажды и т. д. Но наряду с ними у человека имеются и другие потребности, в которых также учтен его физический организм: тело нуждается в чистоте, тепле, одежде и т. д. Для их удовлетворения человек умывается, причесывается, одевается и пр. Поскольку эти акты непосредственно удовлетворяют определенные биологические потребности, то они в принципе аналогичны актам потребления. «Однако разница между ними все же очевидна: там человек имеет переживание потребности, исходящей из глубины организма, здесь же — как бы из периферии того же организма» [9, 337]. По этой причине автор считает возможным рассматривать эти акты как содержание особой формы поведения — ухода. Очевидно, что критерием для выделения формы поведения — ухода — послужила специфическая особенность переживания некоторых биологических потребностей. Здесь, несомненно, налицо дифференциация по основному критерию.

Теперь рассмотрим случай с формой поведения, называемой любознательностью. Она также мотивирована актуальной потребностью «жажды знания» и осуществляется актами, непосредственно ее удов-

летворяющими. По этой причине Д. Н. Узнадзе не видит принципиальной разницы между актами обыкновенного потребления и актами любознательности. И все же автор считает нужным рассматривать любознательность в качестве отдельной, оригинальной формы поведения, усматривая ее специфику в том, что «ведущая роль возложена здесь не на физические, а на психические акты, в частности, на интеллектуальные [9, 339].

Очевидно, что в данном случае мы обнаруживаем новый критерий, играющий роль дополнительного, критерий качественного своеобразия актов психо-физических функций, осуществляющих поведение. Если теперь рассмотрим такую форму поведения, как обслуживание, то и здесь обнаружится новый критерий. Разберем этот вопрос подробнее. Даже такая простейшая форма поведения, какой является потребление, согласно Д. Н. Узнадзе, содержит две основные группы движений: «с одной стороны, движение органов потребления (откусывание, разжевывание, проглатывание и т. д.) и, с другой — движения, необходимые для передачи предмета (например, пищи или воды) потребляющему органу, например, локомоция животного к траве или ручью» [9, 335].

Движения, входящие в каждую из групп, существенно отличаются друг от друга. Первую группу составляют движения, которые этиологи называют завершающими актами или реакциями, а специалисты по научению, в частности, Шефилд, завершающими ответами. Это врожденные, инстинктивные движения. Вторую группу составляют приобретенные движения, условные рефлексы. Последние значительно сложнее первых, но главное заключается в том, что сама эта группа в различных случаях поведения состоит из движений большей или меньшей сложности. Таким образом, поведение потребления бывает простым или, как говорит Д. Н. Узнадзе, «усложненным», и эта дифференциация зависит от уровня сложности состава второй группы движений. Однако в рамках поведения — потребления — эти движения продолжают оставаться более или менее элементарными и непосредственно связанными с завершающими реакциями как, например, в случае локомоции животного в процессе еды. Но усложнение может пойти так далеко, что «возникает вопрос о границе, за которой все эти движения могут быть рассмотрены как содержание новой формы поведения» [9, 336]. Стало быть, Д. Н. Узнадзе считает возможным выделение особых форм поведения по критерию сложности актов, их осуществляющих. Так, поведение, даже мотивированное витальной потребностью, не является потреблением, если оно состоит из ряда достаточно сложных актов, не связанных непосредственно с завершающими реакциями.

Поведение, которое состоит из ряда операций, предвещающих акт потребления, мотивированное импульсом актуальной потребности и служащее исключительно цели ее удовлетворения, называется обслу-

живанием. Акты обслуживания как бы подготавливают акты потребления и создают вместе с ними неразрывное целое, особую форму поведения, очень часто осуществляемую человеком. Любая актуальная субстанциональная потребность может удовлетворяться либо поведением потребления и ухода, либо поведением обслуживания. Последнее имеет место в ситуации, где нет возможности непосредственного, автоматического удовлетворения потребности; оно более сложно по своему операционному составу. Однако следует особо подчеркнуть, что по критерию потребности оно идентично поведению потребления и отличается от него лишь большей сложностью. Признак, по которому происходит его выделение в качестве особой формы поведения, можно обозначить критерием сложности. Таким образом, классификация форм поведения построена Д. Н. Узнадзе на одном основном критерии — критерии потребности и на двух дополнительных — критерии качественного своеобразия актов, осуществляющих поведение, и критерии сложности.

Итак, Д. Н. Узнадзе считает, что обычно поведение человека строится из актов двух категорий, которые условно можно именовать реализующими и обслуживающими. Причем, такой состав имеют не только экстерогенные, но и интрогенные формы поведения. Скажем, такая форма интрогенного поведения, как эстетическое наслаждение, также состоит из двух категорий актов: «Первая — акты удовлетворения самой потребности (в случае эстетического наслаждения — созерцание произведения искусства); вторая — комплекс актов, создающих условия их реализации (в случае эстетического наслаждения — приобретение билета в театр, приход туда, поиски своего места и т. д.)» [9, 355]. Несомненно, сказанное относится и к любой другой разновидности или форме поведения. Именно в этом контексте правомерно поставить вопрос о психологическом статусе этих актов, о конкретной характеристике элементов, из которых строится целостное поведение. Специально этот вопрос Д. Н. Узнадзе не ставил и не обсуждал, хотя некоторые его высказывания, как нам кажется, могут создать определенное представление о том, как он понимал проблему структуры поведения.

Исследование, посвященное классификации форм поведения, Д. Н. Узнадзе начинает с развернутой критики бихевиористического понимания поведения, согласно которому, как известно, изучение поведения сводится к изучению элементарных реакций, простейших поведенческих актов, молекул поведения, что по сути означает превращение психологии в науку о рефлексах. Гештальттеория, хотя ее подход значительно более молярен, также не дает удовлетворительного понимания поведения, т. к. игнорирует роль субъекта поведения, то, какую потребность оно удовлетворяет и, следовательно, каким смыслом, значением для субъекта обладает. Без учета этого понять психологическую сущность поведения невозможно. Для иллюстрации позиции Д. Н. Узнадзе воспользуемся выдержкой из исследования автора, в

которой дается структурный анализ конкретного вида поведения. «Представим себе, что субъект строгает доску; с каким поведением мы имеем дело в данном случае? Сказать, что мы имеем здесь дело со строганием, как в этом случае ответила бы гештальттеория, этим мы, конечно, вовсе не выразим сущности поведения. Ведь мы не знаем, что делает в этом случае субъект: трудится, учится, играет или развлекается, т. е. не знаем, какой именно из этих совершенно различных целей он руководствуется, следовательно, не знаем и того, какое именно поведение он осуществляет. Несмотря на то, что, как мы в этом убедимся впоследствии, труд, игра, учение, развлечение являются совершенно различными формами поведения, акт строгания может входить в каждое из них. Следовательно, для понимания того, с каким видом поведения мы имеем дело в этом случае, совершенно недостаточно учета только тех движений, которые называются строганием. Строгание является только отдельным актом, который может входить в состав и одного поведения, и другого. В этом отношении оно более молекула поведения, чем целостное конкретное поведение» [9, 332].

В приведенном отрывке можно увидеть следующую структуру деятельности. Отдельные формы поведения — труд, игра, учение и т. д. обладают собственным мотивом и целью и выделяются по критериям, о которых говорилось выше. Те или иные формы поведения состоят из поведенческих актов, таких, как одевание, письмо, строгание и пр. Будучи молекулами, которые могут входить в состав любого поведения, они, по-видимому, собственным мотивом и целью не располагают. И, наконец, каждый из поведенческих актов строится из определенной последовательности движений, которые являются наиболее элементарной формой активности человека. Если поведенческие акты Д. Н. Узнадзе называют молекулами поведения, то движения вполне могут быть названы атомами поведения. В другом месте Д. Н. Узнадзе говорит о том, что волевое поведение имеет сложную внутреннюю структуру и подчеркивает, что структурные части поведения находятся в некотором иерархическом отношении друг с другом [9, 381—382].

Нетрудно заметить, что приведенная структура поведения хорошо соотносится со структурой деятельность—действие—операция. Правда, следует подчеркнуть, что структура поведение—акты—движения лишь намечена Д. Н. Узнадзе, ибо мы не находим указаний на критерии, по которым выделяются те или иные структурные элементы поведения. И тем не менее мы вправе утверждать, что определенные наметки структуры деятельности в исследованиях Д. Н. Узнадзе имеются.

Наиболее важным с точки зрения дальнейшей разработки этой модели нам представляется определение статуса среднего звена структуры — поведенческого акта, молекулы поведения, — раскрытие реального содержания этого понятия через соотнесение его с понятием действия. Можно предположить, что два эти понятия обозначают од-

ну и ту же реальность. Правда, нетрудно заметить и то, что в описании поведенческого акта Д. Н. Узнадзе и действия — А. Н. Леонтьевым есть существенная разница. Как известно, последний полагает, что цель как факт сознания является необходимым конститутивным элементом действия.

Впрочем, далеко не все согласны с такой характеристикой действия. Во-первых, если действие выступает в качестве исходной единицы анализа психики [4], то оно не должно по необходимости включать в себя элемент сознания в виде цели действия, поскольку в этом случае единица анализа психики становится фактом сознания и, следовательно, теоретические конструкции, построенные на подобной единице, могут быть применены исключительно для описания и объяснения сознательной психики, а не психики вообще. Поэтому, если мы хотим, чтобы действие реально осуществляло функцию единицы анализа всех психических явлений, то оно должно пониматься более широко, а не только как процесс, регулируемый сознательной целью. Такие виды действия тоже имеют место, но они представляют собой частный случай, а не единственно возможный [3].

Во-вторых, существует и такая точка зрения, согласно которой понятие цели выступает релевантной только по отношению к категории деятельности, а не действия [12, 1].

Определить позицию Д. Н. Узнадзе в этом вопросе весьма сложно, поскольку, как было сказано, автор специально не разрабатывал данную проблематику. Однако нам представляется, что, зная некоторые исходные, фундаментальные положения Д. Н. Узнадзе, можно сделать определенные предположения относительно его возможной позиции в этом вопросе. В этом смысле, в первую очередь, следует обратиться к представлениям Д. Н. Узнадзе о закономерности процесса осознания (объективации).

Согласно Д. Н. Узнадзе, объективация наступает вслед за возникновением в ходе поведения определенных помех, препятствий, затруднений. Осознание служит задаче их устранения. Следовательно, принципиально допускается, что осознаваться могут как операции, способы осуществления действия, так и цель действия, а также мотив, цель и план всей деятельности. Осознаваться может любое содержание, любая составная часть поведения, бессознательная, «чисто установочная» регуляция которого становится невозможной в силу непредвиденно возникших препятствий и затруднений. Таким образом, представляется возможным достаточно определенно ответить на поставленный выше вопрос. Цель, будучи фактом сознания, не является необходимым, конститутивным элементом действия (поведенческого акта). В определенных ситуациях представление о результате действия, т. е. цель может появляться в сознании, но это не является обязательным условием протекания действия. Более того, в большинстве случаев, когда осуществление практического поведения происходит

в нормальных условиях, действия регулируются и сменяют друг друга без всякого участия предметного сознания.

Расхождение во взглядах Д. Н. Узнадзе и А. И. Леонтьева на роль сознания в регуляции действия, по-видимому, вызвано различием их представлений о том, что, когда и почему осознается субъектом поведения. Точка зрения Д. Н. Узнадзе нам знакома. Что касается А. И. Леонтьева, то он считает, что «актуально сознаваемым является лишь то содержание, которое выступает перед субъектом, как предмет, на который непосредственно направлено то или иное его действие» [5, 248]. Являясь целью действия, это содержание, понятно, по необходимости осознается.

Такое понимание процесса осознания строится на далеко не очевидном утверждении, что предмет, на который непосредственно направлено действие, необходимо осознается, выступая в качестве цели. Кроме того, оно неоправданно сужает круг содержаний и явлений, которые реально осознаются человеком. Так, подобное понимание исключает возможность осознания мотива, т. к. он является предметом деятельности, а не действия. И, наконец, если даже согласиться с тем, что предмет действия всегда актуально сознается, все равно остается неясным, почему и как данное предметное содержание повышается в ранге, превращаясь из условия выполнения действия (т. е. объективного фактора операции) в непосредственный предмет (цель) действия. Без привлечения представлений типа закона осознания Клапареда или понятия объективации Д. Н. Узнадзе объяснить это едва ли возможно.

Мы попытались показать, что в концепции Д. Н. Узнадзе можно найти определенное представление о структуре поведения. Однако нельзя сказать, что им все детали вопроса освещены должным образом. Структурный анализ поведения дан Д. Н. Узнадзе как эскиз, как предварительные наброски модели. Эта структура не всегда им применяется. Поэтому иногда возникают известные трудности при интерпретации некоторых положений автора, трудности, которые, впрочем, легко устранимы при последовательном проведении принципа иерархической структуры деятельности.

Так, в одной из своих работ Д. Н. Узнадзе пишет: «После окончания работы у меня возникла потребность погулять. Разумеется, сама по себе эта потребность, как потребность пойти погулять, представляет собой потребность, имеющую чрезвычайно общее и достаточно абстрактное содержание. Однако в данных условиях она включает в себя целую иерархию подчиненных потребностей, напр., потребность одеться соответствующим образом, потребность оставить комнату в порядке (выключить печь, закрыть дверь...). И когда субъект, имеющий эти потребности, встречает соответствующую ситуацию, у него в каждом частном случае возникает или пробуждается определенная установка и его поведение протекает в соответствии с этой установкой.

В нашем примере, стало быть, следует полагать, что то или иное поведение субъекта — выключение печи, нахождение ключей, запирающие комнаты — в каждом отдельном случае предварялось соответствующей конкретной установкой, которая затем определяла протекание этого поведения» [8, 149].

В первую очередь бросается в глаза, что Д. Н. Узнадзе в приведенном примере допускает существование в одном акте деятельности соподчиненных, построенных в определенной последовательности поведенческих актов, структурных моментов, из которых данная деятельность и строится. Однако вопрос заключается в том, что собой представляют эти подчиненные моменты, составляющие деятельность. Или это отдельные, самостоятельные виды поведения, входящие в структуру более крупной единицы — деятельности, или же они являются такими единицами активности, которые, хотя и строят деятельность, но отдельными, самостоятельными видами поведения не являются. Как было показано выше, Д. Н. Узнадзе допускает существование именно такой структуры и состава деятельности. Но при анализе описанной ситуации он ею не пользуется. Поэтому в его распоряжении остается только первый из указанных способов интерпретации, т. е. квалификация составляющих крупной единицы деятельности как отдельных, хотя и подчиненных, видов поведения. Будучи поведением, эти, разумеется, должны основываться на соответствующей установке. Установка же возникает при условии наличия соответствующих потребностей и ситуации их удовлетворения. Так появляется «иерархия подчиненных потребностей» — потребность выключить свет, запереть дверь и т. д. и возникшие на их основе конкретные установки.

Однако подобный способ интерпретации сопряжен с определенными сложностями. Прежде всего, трудно доказать, что такие потребности, как потребность запереть комнату, выключить печь и т. д. а, следовательно, и соответствующие установки и поведения реально существуют. Во всяком случае, данных интроспекции о существовании таких потребностей найти невозможно. Акт запирающей комнаты не побуждается специфической потребностью. Такие потребности не переживаются, поскольку не существуют вовсе. Подобные акты, как правило, осуществляются сами собой, автоматически, без возникновения особых мотивационных процессов и без каких-либо соответствующих им переживаний. Если перед подобным актом иногда что-нибудь и является в сознании, то только представление о результате этой активности или мысль, что это надо сделать, т. е. цель. Однако соответствующая потребность при этом отсутствует. Это не должно удивлять, ибо мы знаем, что бывают случаи, когда целью предваряется такая единица активности, как действие, а она, как известно, собственную потребность не имеет.

Очевидно, утверждение о существовании таких потребностей основывается не на эмпирическом факте и является лишь теоретическим допущением, основанным на положении, что все выделяемые в дея-

тельности единицы активности представляют собой особые, хотя и подчиненные формы поведения с собственной потребностью и установкой. Но ведь и эти формы поведения имеют определенный состав и структуру. Следуя этой логике, составные части данных форм поведения также должны рассматриваться как отдельные случаи поведения. Следовательно, придется и для них допускать существование соответствующих потребностей и установок и так до бесконечности.

Так, например, поведение «одеться соответствующим образом» состоит из достаточно четко выделяемых, последовательно осуществляемых, законченных поведенческих актов — одевание рубашки, костюма, туфель и т. д. Если быть последовательными, то и эти акты надо будет рассматривать как поведения и, стало быть, допустить существование соответствующих потребностей (потребность надеть рубашку, туфли и т. д.) и установок. Более того, поскольку данные виды «поведения» также имеют свою микроструктуру, то неизбежно появится поведение (потребность, установка) застегивания пуговиц или шнуровки туфель и пр. Таким образом, каждое элементарное движение будет квалифицировано как отдельный вид поведения, имеющий собственную установку. Полагаем, что полное несоответствие подобного положения духу и букве теории установки не нуждается в особом доказательстве. И, наконец, данный способ интерпретации предполагает одновременное существование достаточно большого числа актуально действующих установок. Это положение может и имеет право на существование, но оно безусловно требует особого доказательства, г. к. по укоренившейся в школе Д. Н. Узнадзе традиции не принято предполагать возможность одновременного существования нескольких актуальных установок.

Но вряд ли теория установки предполагает только такой способ интерпретации. Автор этой теории подчеркивает, что всякое поведение «состоит из цепи последовательных моментов, каждое звено этой цепи занимает свое место и действует целесообразно». [9, 372]. Этот факт «упорядоченной целесообразности» поведения автор и пытается объяснить. Как известно, для этой цели Д. Н. Узнадзе прибегает к понятию установки. Однако стремление объяснить целесообразность и упорядоченность поведения вовсе не означает, что каждое звено цепи, каждый из моментов поведения регулируется собственной установкой. Ведь очевидно, что упорядоченность поведения может быть объяснена только через понятие общей установки всего поведения, а не установками, релевантными отдельным моментам этой упорядоченной системы. Упорядоченность этих установок, если даже и предположить их существование, само должно быть объяснено через понятие общей установки поведения.

Анализируя импульсивное и волевое поведение, Д. Н. Узнадзе убеждается в том, что их протекание носит одинаковый характер. Это обстоятельство он объясняет тем, что в их основе лежит один и тот же

фактор — установка. В случае импульсивного поведения закономерность протекания в среде отдельных актов поведения «определяет та ситуация, в которой субъекту приходится разворачивать свои действия» [9, 372]. Эта ситуация удовлетворения актуальной потребности, побуждающей все поведение и все осуществляемые в данной ситуации акты, служит цели ее удовлетворения. Потребность и ситуация являются необходимыми элементами возникающей до начала поведения установки, которая регулирует весь ход его протекания, обеспечивая порядок построения поведенческих актов, т. е. его «упорядоченную целесообразность». То же самое можно сказать и по поводу волевого поведения. И здесь «упорядоченная целесообразность» достигается, благодаря установке, актуализирующейся в результате акта решения и регулирующей поведение на всем его протяжении [9, 382].

Следует заметить, что, описывая, как происходит установочная регуляция импульсивного и волевого поведения, Д. Н. Узнадзе не рассматривает вопрос о поведенческом статусе структурных единиц деятельности. Но т. к. автор не говорит о соответствующих этим единицам установках, мы вправе предположить, что отдельными видами поведения он их не считает.

Тут как бы само собой напрашивается применение уже хорошо нам знакомой структуры поведения (деятельность—действие—операция), наметки которой, как было показано, даны в трудах самого автора теории установки. Если крупные единицы, составляющие деятельность молекулы поведения, рассматривать как действия (поведенческие акты), а способы их осуществления операциями (движения), то все станет на свои места. Ведь действие, как структурная единица поведения, не имеет собственной установки, поскольку не располагает собственной мотивацией (потребностью), без которой установка в том ее понимании, которое дает Д. Н. Узнадзе, существовать не может. Действия не нуждаются в собственной установке, т. к. их упорядоченность и общий характер учитывается в общем плане деятельности, который включен в установку, а их конкретное развертывание (операционный состав) определяется данной в ситуационных образах актуальной ситуацией, в которой они осуществляются³.

Мы полагаем, что при использовании обсуждаемой структуры деятельности в рамках теории установки принципиальные трудности не возникают. Модель структуры деятельности не противоречит ни одному из основных положений теории установки. Напротив, облегчает более точное и глубокое понимание некоторых вопросов установочной регуляции поведения. Используя эту модель, можно более адекватно описать поведение как в приведенном примере, так и в других случаях.

³ Понятия «общий план деятельности» и «ситуационные образы» взяты из исследований Ш. И. Чхартишвили, в которых автор начал разрабатывать так называемую модель динамической структуры установки [13,14].

Однако более всего необходимость применения модели иерархической структуры поведения чувствуется при решении проблемы объективации. Это один из узловых вопросов теории установки, правильное решение которого во многом определяет ценность всей теории.

Согласно Д. Н. Узнадзе, когда в процессе практического поведения возникает непредвиденное препятствие, субъект становится вынужденным обратиться к акту объективации, на основе которого включаются определенные интеллектуальные функции, способствующие устранению данного препятствия. Это происходит следующим образом. Препятствие вызывает потребность выяснить характер затруднения, т. е. теоретическую потребность. Эта актуальная потребность, встречаясь с наличной проблемной ситуацией, создает актуальную установку, на основе которой разворачиваются процессы мышления или теоретическое поведение, в результате которого происходит уяснение природы препятствия. После этого встает задача переключения из плана объективации в план практического поведения для устранения препятствия и дальнейшего осуществления цели деятельности. Установка теоретического поведения нарушила предшествующую ей установку практического поведения. Для повторного создания этой установки субъект вынужден прибегнуть к волевому акту. В результате установка, найденная в теоретическом плане, превращается в реально действующую силу.

На наш взгляд, данная теоретическая конструкция предполагает последовательное осуществление субъектом трех различных видов поведения: 1) какая-либо форма импульсивного поведения, течение которого прерывается непредвиденно возникшим препятствием; 2) теоретическое поведение, возникающее в результате объективации и направленное на уяснение природы препятствия; 3) волевое поведение, направленное на устранение препятствия, а в дальнейшем — на осуществление конечной цели.

Положение Д. Н. Узнадзе о том, что возникающие в результате объективации процессы мышления всегда протекают в форме самостоятельного вида теоретического поведения, имеющего специфическую потребность и собственную установку, вызвало целый ряд возражений Ш. Н. Чхартишвили. Он считает, что из этого положения вытекают выводы, с которыми трудно согласиться: 1) что человек мыслит только под влиянием теоретической потребности и ни одна другая потребность, как бы сильна она ни была, не в состоянии создать установку на осуществление актов мышления; 2) что акты мышления и практического поведения не могут входить в состав одного и того же поведения; 3) что в филогенезе и онтогенезе теоретическая потребность всегда и по необходимости предшествует процессам мышления; 4) что для продолжения практического поведения необходимо вмешательство воли. Ведь последнее означает, что происходит замена импульсивного мотива волевым. Но тогда возникают два взаимосвязанных вопроса — почему и как уничтожается мотив (потребность) им-

пульсивного поведения, в котором возникло препятствие? Если же эта потребность продолжает актуально существовать, то почему она теряет силу, необходимую для организации установки последующего поведения? Ш. И. Чхартишвили полагает, что возникновение и протекание процессов мышления на уровне объективации может быть объяснено без допущения особой потребности и установки. Акты мышления осуществляются в рамках того же поведения, в котором они зародились; они мотивированы той же потребностью, что и все остальные акты данного поведения и, так же как и они, имеют поведенческий статус действий (правда, умственных, а не практических). А раз так, то не имеют особой установки и регулируются единой установкой всего поведения. Эта установка не разрушается актом объективации и обеспечивает как уяснение природы препятствия, так и ее устранение, равно как дальнейшее протекание поведения.

Очень характерно, что такое понимание порождения и функционирования процессов мышления вполне в духе общей концепции Д. Н. Узнадзе. В этом нас убеждает анализ волевой деятельности. Волевое поведение Д. Н. Узнадзе рассматривает как сложный процесс, имеющий определенные периоды. Он включает в себя подготовительный период, акт решения и его осуществление. В данном случае для нашего анализа главное заключается в том, что «акту решения всегда предшествуют обдумывание, взвешивание всех возможностей, словом, довольно сложный мыслительный процесс» [9, 398]. Причем этот сложный мыслительный процесс не является самостоятельным видом деятельности, а лишь определенным периодом, частью целостного волевого поведения. Он не имеет специфической потребности и собственной установки.

Сказанное вовсе не означает, что мыслительной деятельности вообще не существует. Мы пытаемся доказать только то, что в ходе осуществления субъектом практического поведения мыслительные акты выступают в роли психических инструментариев, подобно таким процессам, как восприятие, память и т. д. Но функционирование в поведении психических процессов не означает, что каждый из них имеет собственную актуальную установку и, следовательно, являет собой самостоятельную форму поведения. Так, говоря о восприятии, Д. Н. Узнадзе сам указывает, что это понятие может выражать «два определенных содержания: во-первых, акт вполне самостоятельного, законченного поведения, и второе — несамостоятельного акта, который включен в другое поведение и непосредственно подчиняется его цели» [10, 329]. «Восприятие объекта в этом случае может играть роль только зависимого поведения и постольку оно не требует собственной установки» [10, 329—330]. Все сказанное о восприятии полностью относится и к мышлению. Если теперь это рассуждение перевести на язык описанной структуры деятельности, то получим искомую формулу — мыслительные процессы могут протекать как в форме особого вида

поведения, так и в форме действий, не имеющих собственной установки.

Анализируя концепцию Д. Н. Узнадзе и, в частности, проблему объективации, А. Г. Асмолов в своем интересном исследовании также приходит к выводу, что мыслительные акты в данном случае следует рассматривать не как деятельность, а как действие. Однако в отличие от всего, что было уже сказано о действии, А. Г. Асмолов полагает, что каждое действие имеет собственную установку. А. Г. Асмолов пытается найти место для понятия установки в теоретической конструкции теории деятельности и идет по пути выделения специфических видов установок для каждой структурной единицы деятельности. Так появляются смысловые установки, релевантные деятельности, целевые установки, работающие на уровне действия, и операциональные установки, возникающие при осуществлении операций. Ясно, что установка здесь понимается совершенно иначе, чем у Д. Н. Узнадзе. Действительно, отстаивая принцип первичности деятельности, на котором строится вся теория деятельности, А. Г. Асмолов по существу отрицает положение, что установка предшествует деятельности, что установка — это бессознательное состояние готовности, возникающее в результате встречи потребности и ситуации, что установка — это форма организации жизненных сил субъекта, определяющая ход всего поведения и осуществление всех структурных единиц деятельности. Что же в таком случае имеет в виду автор, говоря об установке?

Положение А. Г. Асмолова, что деятельность имеет установку, не вызывает сомнения. Однако под смысловой установкой поведения Д. Н. Узнадзе «Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности» [2, 62—63]. Но что означает готовность к совершению направленной деятельности? Готовность, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, это «состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь». Следовательно, установка — это некоторое психическое состояние, возникающее до начала деятельности и определяющее ее направленность. А это означает, что деятельность выводится из установки. Однако автор настаивает на противоположном положении: «не деятельность должна выводиться из установки, а установка из деятельности» [2, 55]. Взаимосключаемость этих двух положений очевидна.

Нельзя не согласиться с автором и в том, что понятие готовности должно быть заполнено конкретным психологическим содержанием; должно быть показано, как она возникает, из чего состоит и как действует; словом, необходимо раскрыть онтологию и функции этого психического образования. В модели А. Г. Асмолова эта задача решается через соотношение различных видов установок с такими регуляторами деятельности как мотив, цель и конкретные условия ситуации.

Функции последних и выполняют упомянутые виды установок. Таким соотношением, однако, психологическое содержание установок не становится более ясным. Очевидно, что реальное содержание, наполняющее понятия установок разных уровней, не идентично содержанию указанных регуляторов деятельности, ибо в противном случае понятие установки ничего нового не дает. Если же установки являются принципиально своеобразным психическим образованием, выполняющим, тем не менее, те же самые функции, что и, скажем, мотив и цель, то естественно возникает задача объяснить, почему вообще в психике возникает новое образование (установка), по существу дублирующее хотя бы часть их функций.

Может быть, действительно установка — это некое психическое образование, возникающее в процессе поведения и выполняющее роль направляющего фактора? Приходится отказаться и от этого предположения, т. к. не может же направляющий фактор возникать после начала направленной активности. В этом случае, не говоря о чем-либо другом, остается непонятным, что определяет направленность первых актов поведения до возникновения этого предполагаемого образования (установки).

Авторский текст дает возможность выдвинуть и такое предположение: понятие смысловой установки обозначает только тот факт, что деятельность имеет направленный характер. А. Г. Асмолов различает отражение того или иного объективного фактора, вызывающего установку, в данном случае — мотив, представленный в сознании в форме смысла — и саму установку, форму выражения этого отраженного в сознании фактора в регуляции деятельности. Точно так же и целевая установка представляет собой проявление в действии функции цели. Если отологически целевая установка не является определенным психическим образованием, возникающим до начала действия и способствующим его регуляции, то этим термином обозначается лишь тот факт, что действие протекает определенным образом, что оно осуществляется направленно. Целевая установка — это обозначение той специфической роли, какую играет в регуляции действия цель [2, 80]. Направленный характер активности и есть реализация этой роли.

Нам представляется, что ценность понятия установки понижается, если под ней понимать не определенное психическое состояние, предшествующее активности и определяющее ее протекание, а лишь то, что осуществление активности имеет определенный характер. То, что, скажем, деятельность имеет направленный характер — это факт. Нужно ли для обозначения этого факта вносить новое понятие — смысловая установка, ведь термин «направленность» и сам справляется с этой задачей. В теории деятельности функцию направленности поведения, равно как побуждения и смыслообразования, выполняет мотив. Для обозначения этих функций другие понятия не нужны. Если же предположить, что установка отнимает у мотива часть его функций [7, 325] (скажем, направленность), то тогда она

превращается в некое психическое образование, онтология которого далеко не очевидна. Во всяком случае, надо будет особо показать, почему мотив не может самостоятельно осуществлять свои функции. То же самое можно сказать о целевой и операциональной установке.

В завершение следует сказать, что работа А. Г. Асмолова представляет собой, пожалуй, первую серьезную попытку представителя теории деятельности соотнести структуру поведения с установкой. Поэтому, разумеется, мы не могли пройти мимо нее. По той же причине это исследование требует значительно более обстоятельного рассмотрения, возможности чего в данной статье мы, к сожалению, лишены.

Таким образом, нам представляется спорным положение, что каждая структурная единица поведения имеет собственную установку, если даже это понятие трактовать так, как это делает А. Г. Асмолов. Это, однако, ни в коем случае не означает, что обсуждаемую модель структуры деятельности принципиально невозможно ассимилировать в рамках теории установки.

Установка, согласно Д. Н. Узнадзе, это основа деятельности, обеспечивающая целесобразность всего поведения. Поэтому в ней отражено все, что необходимо для этого — и мотивация, и ситуация, и опыт. Реальное поведение состоит из частей, составляющих его структуру. В структуре установки отражена структура поведения в том смысле, что в ней как в программе деятельности учтено, что, как и в какой последовательности должно осуществляться. Если взять за основу модель динамической структуры установки, предложенную Ш. Н. Чхартшвили, можно предположить, что общий характер протекания и очередность действий дается в общем плане поведения, который вместе с мотивационным фактором и составляет основной каркас установки. Крупные единицы плана и реализуются в поведении в качестве действий. При этом некоторые элементы плана специально отрабатываются, осознаются, а некоторые, т. е. действия привычные, автоматизированные включаются в план без объективации, а иногда приходится объективировать и способы осуществления действий, т. е. их перцептивная регуляция через ситуационные образы часто оказывается недостаточной. Что касается операций, то их набор и способ регуляции определяется конкретизацией общего плана поведения информацией из среды, актуально действующей ситуацией, которая входит в структуру установки в виде ситуационных образов. Таким образом, в структуре установки постоянно отражается актуальная ситуация, что позволяет ей выступать в роли регулятора операций, которые, как известно, и соотносятся с конкретными условиями выполнения действия, т. е. с актуальной ситуацией.

Разумеется, приведенный вариант соотнесения структуры установки и поведения является лишь предварительным наброском, дальнейшему раскрытию содержания которого следует посвятить специальное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахлазашвили А. А. Психологические основы обучения устной иностранной речи. Тб., 1974.
2. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979.
3. Балл Г. А. О некоторых основных понятиях теории действий. «Вопросы психологии», 1980, № 1.
4. Величковский Б. М., Зинченко В. П. Методологические проблемы современной когнитивной психологии. «Вопросы философии», 1979, № 7.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
6. Прангишвили А. С. Вопросы психологии учения. Тб., 1969.
7. Столин В. В. Перспективы развития теории деятельности и проблема мотивации. — В сб. «Развитие эргономики в системе дизайна». Боржоми, 1979.
8. Узнадзе Д. Н. К проблеме сущности внимания. «Психология», т. IV. Труды института психологии АН ГССР, Тб., 1966.
9. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
10. Узнадзе Д. Н. Труды, т. VI. Тб., 1977.
11. Ходжава З. И. Проблема навыка в психологии. Тб., 1960.
12. Чхартишвили Ш. Н. Проблема мотива волевого поведения. Тб., 1958.
13. Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы теории установки. Тб., 1971.
14. Чхартишвили Ш. Н. Установка и сознание. Тб., 1975.

Представлена Институтом психологии
им. Д. Н. Узнадзе АН ГССР

შუშუნა ნაზარაძე

პიროვნების ღირებულებითი ორიენტაციები

ამ ბოლო დროს პედაგოგიურ და ფსიქოლოგიურ ლიტერატურაში ხშირად იწერება პიროვნების ღირებულებითი ორიენტაციის მეცნიერული შესწავლისა და შესაძლებლობების შესახებ. საკითხი ეხება არა მხოლოდ პიროვნების ნიქსა და ცოდნას, პროფესიულ დაოსტატებას, არამედ მის შინაგან ფსიქიკურ სტრუქტურას, მისწრაფებებს, იდეალებს, საზოგადოებრივად მნიშვნელოვანი მოვლენებისადმი იმ შეფასებით დამოკიდებულებებსა და განწყობებს, რომლებიც კარგად ჩანს აზრებში, შეხედულებებში, ქცევაში, ადამიანთა მრავალგვარი ურთიერთობის დროს.

დიდა და მრავალმხრივი ღირებულებათა სისტემა, ებოქათა მონაცვლეობის მანძილზე იცვლებოდა ღირებულებათა შესახებ აზრები. ფაქტიურად კაცობრიობის ისტორია ღირებულებათა შესწავლისა და დადგენის ისტორიაა. ღირებულებათა სისტემას მრავალი მეცნიერება (სოციოლოგია, ისტორია და სხვა) სწავლობს, ფსიქოლოგიას აქ თავისი საკვლევი სფერო აქვს. საკითხი ეხება იმას, თუ რა ფსიქოლოგიურ დამოკიდებულებებს ამყარებს ადამიანი არსებული, საზოგადოებრივად მნიშვნელოვანი ღირებულებებისადმი, რას ითავისებს ან უარყოფს, რა ქმნის პიროვნების შინაარსეულ მოდელს. თითოეული ჩვენგანი მოქმედებს ადრე გაშინაგებული შეხედულებებით, აზრებით, განწყობით, რწმენით, რაც გარემოსა და აღზრდის გზით შეგვიძენია. პიროვნებას ხომ, ფაქტიურად, მისი შინაგანი ფსიქიკური სამყარო, მისწრაფებები, იდეალები, ღირებულებებისადმი დამოკიდებულებები ქმნის. პიროვნების როგორცა და ვინაობა ფსიქიკის სწორედ ამ სფეროთი მედავნდება.

დ. უზნაძე თავის ადრინდელ შრომებში: „განდგომილების პრობლემა ი. კავკავაძის განდგომილში“, „ომის ფილოსოფია“ და სხვა, გამოთქვამს საყურადღებო სოციოლოგიურ შეხედულებებს [2, 268], სახელდობრ იმის შესახებ, თუ რა ადგილი უკავია ადამიანს სამყაროში, რა არის ცხოვრების აზრი და მიზანი, მისი საზრისი. „ბუნებაში ერთადერთი მოქმედი ძალა ადამიანია, —წერს უზნაძე, — მისი შემოქმედების ნაყოფია საზოგადოებრივი განვითარება, პროგრესი და ყველა ის სულიერი და მატერიალური ღირებულება, რომელმაც გადაასხვაფერა სინამდვილე, დაძლია ნივთიერების სიტლანქე, დაამკვიდრა ახალი ფორმები და სახეები“.

მართლაც, ცხოველმა არაფერი იცის არც თავისი თავისა და არც სამყაროს შესახებ. იგი ცხოველური ინსტიქტებითაა ჩართული ბუნების მრავალფეროვნებაში და „სინამდვილის გადასხვაფერებისათვის“ არაა შობილი. ბუნებამ დიდი კულტურული მისია დააკისრა ადამიანს. ყოველი პროგრესი, საზოგადოებრივი განვითარება და მრავალი სხვა სიახლე მხოლოდ და მხოლოდ შემოქმედ ადამიანს მიეწერება. დ. უზნაძემ მოგვცა საზოგადოებრივი ცხოვრების, მიზნის, ადამიანური არსებობისა და მოქმედების საზრისის პრობლემის ღრმა

მეცნიერული ანალიზი: „საზოგადოებრივი ცხოვრება არ არის უმიზნო და უშინაარსო. მას ყოველთვის ახასიათებს გარკვეული მიზნისაკენ სწრაფვა, აზრი, შინაარსი, ყოველ თაობას თავისი წვლილი შეაქვს დიდი მიზნების განხორციელებაში. ადამიანის სიცოცხლე არის საშუალება, რომელიც ცხოვრებისათვის დამახასიათებელ ობიექტურ მიზანთა აყვავებას ემსახურება და ზეარაკად ეწირება. ჩვენ ასაგები გვაქვს რაღაც დიდი შენობა, რომელიც ჩვენს წინაპრებს დაუწყიათ და მისი დამთავრება ჩვენთვის გადმოუციათ. ამგვარად, ჩვენ დაბადებიდანვე დაყოლილი გვაქვს ის დანიშნულება, რომელსაც მთელი ჩვენი ძალ-ღონე უნდა მოვახმაროთ“ (ომის ფილოსოფია). დ. უზნაძის აზრით, ეს შენობა კულტურული შემოქმედება, მატერიალური და სულიერი კულტურის შექმნაა.

სანამ დ. უზნაძე თავის განწყობის თეორიას ჩამოაყალიბებდა, მოთხოვნისა და ღირებულების ცნებებს ქცევის წარმმართველად მიიჩნევდა. მასთან ადამიანის არსებობის აზრი პირად ბედნიერებას სცილდება, „სიცოცხლის ღირებულება იწონება იმ ობიექტური და მალალი ღირებულებით, რომელიც ადამიანისაგან ზოგჯერ სიკვდილს მოითხოვს და ზოგჯერ სიცოცხლეს“.

სამართლიანად აღნიშნავს ნ. ბერულავა, თავის წიგნში [1, 95] „დ. უზნაძემ მაშინდელ ფსიქოლოგიურ მიმდინარეობათაგან განსხვავებით, პიროვნება თავიდანვე სოციალურ ღირებულებათა ასპექტში მოათავსა და ორივე ღირებულება ინდივიდუალური და სოციალური, ერთ სტრუქტურულ მთლიანობაში გააერთიანა“. დღეს, როცა თანამედროვე ფსიქოლოგიაში ინტენსიურად იკვლევენ პიროვნების სტრუქტურას, მისი მიმართულებისა და ორიენტაციის საკითხებს, ისევე აქტუალურად ეღერს საკითხის უზნაძისეული დაყენება და მეცნიერული კვლევის ზოგადფსიქოლოგიურ გეზს იძლევა.

მაინც რა არის ღირებულებითი ორიენტაცია და როგორ განმარტავენ მას თანამედროვე ფსიქოლოგიურ ლიტერატურაში? 1958 წელს ლონდონში გამოცემულ ინგლისურ ფსიქოლოგიურ ლექსიკონში მოცემულია შემდეგი განმარტება: ღირებულება (ფასი, ღირსება), უპირატესობა, ან ღირებულების ხარისხი (დონე) მიეწერება ობიექტს ან მოქმედებას, ან ამა თუ იმ კლასს. ღირებულება შეფასებითი ფუნქციაა. სხვაგვარად მას ასე განმარტავენ: ღირებულება აბსტრაქტული ცნებაა, ხშირ შემთხვევაში ნაგულისხმევი (იმპლიციტური), რომელიც განსაზღვრავს ან ადგენს მნიშვნელობას იმ მიზნებისა და საშუალებებისათვის, რომლებიც საბოლოო და მისაღებია. ღირებულების ეს აქცენტირებული კონცეპტები არ წარმოადგენენ ინდივიდის საკუთარი შეფასების შედეგს, ისინი სოციალური პროდუქტებია, გარედან ეძლევა ინდივიდს და შემდეგში თანდათანობით აქცენტირდება. გამოთქმა: მიზანს ვააჩნია ღირებულება, ეს იმას ნიშნავს, რომ თვითონ მიზანი წარმოადგენს ღირებულებას. ორიენტაცია კი შემდეგნაირად არის განმარტებული: ცოდნა ან გამოკვლევა იმისა, თუ სად იმყოფება ან საით არის მიმართული ვინმე (პირდაპირი ან გადატანითი მნიშვნელობით), ეს იქნება სიტუაცია თუ პროცესი, საზოგადოება, ხალხი, თუ ურთიერთობები. ორიენტაცია ცნობიერი პროცესია, საზოგადოება, იგი ცნობილი სიტუაციისადმი დამოკიდებულებაა, რომელიც ეხება პიროვნების მიზნებს, ის არის სწრაფვა სტიმულის წყაროს ან წინასწარ დასახული მიმართულებისაკენ, განწყობა გარკვეული სტიმულებისადმი ან მზაობა გარკვეული ქცევითი ნიმუშებისადმი.

მრავალი საბჭოთა ფსიქოლოგი (ივანოვა, ბარცალკინა, სილანტიევა, ბუევა, ჩუდნოვსკი და სხვები [3]) ეძიებს პიროვნების მიმართულების, სოცია-

ლური ქცევის ფაქტორს. ზოგიერთ მათგანს ღირებულებითი ორიენტაცია პროფესიულ ორიენტაციაზე დაჰყავს და ამის გამო ყურადღების გარეშე რჩება სხვა პიროვნული ტენდენციები. ივანოვა პიროვნების მიმართულების ძირითად ფაქტორად მორალურ მრწამსს ასახელებს. მისი აზრით, მრწამსი არის პრინციპების სისტემა, ქცევის პროგრამა. შეხედულებები, იდეები, პრინციპები მატერიალიზირდება ქცევაში. ავტორი სამართლიანად მიიჩნევს წინასწარი, სპეციალური სამუშაოების ჩატარებას მომავალ სტუდენტებთან ღირებულებითი ორიენტაციების შესასწავლად. თუ პიროვნების პროფესიული ორიენტაცია სხვების მიერაა თავს მოხვეული, მაშინ პიროვნება იცვლის თავის პროფესიულ მიმართულებას.

ვ. ბარცალკინა გამოთქვამს აზრს, რომ პიროვნების მიმართულების განსაზღვრაში დიდი მნიშვნელობა აქვს თვითცნობიერებას. სუბიექტი განსაზღვრულ ეტაპზე იწყებს თავის თავის გაცნობიერებას, ხოლო ამის შემდეგ იძენს განსაკუთრებულ პიროვნულ აზრს, ირჩევს მოქმედების სახეს. ავტორი ლაპარაკობს „ღირებულებითი ტიპების“ შესახებ, რომ მათი ფორმირება ბავშვობიდანვე ხდება. ღირებულებითი ორიენტაციის განსაზღვრაში თვითშემეცნების პროცესის ინტეგრალურ მნიშვნელობაზე მიუთითებს აგრეთვე ფსიქოლოგი როზენი.

ნ. სილანტიევამ პიროვნული მიმართულების კვლევის მეთოდი წარმოგვიდგინა, რომელსაც მკვლევარი ასაკობრივი თავისებურებების, ოჯახური ურთიერთობისა და სხვა სოციალური მდგომარეობის შესასწავლად მიიჩნევდა (ცდის-პირს ევალუბოდა სურათების გადარჩევა პიროვნულად მნიშვნელოვანი მაჩვენებლების მიხედვით. მიღებულ იქნა ღირებულებითი სინდრომები, რომლებიც პიროვნების მიმართულებათა არსებით მხარეზე მიუთითებენ: „თავისთავზე“, „ჩვეულება“, „ობიექტზე“, „თვითგანმტკიცებაზე“, „სხვა ადამიანზე“ და სხვა).

ვ. ჩუდნოვსკი თვლის, რომ პიროვნული სიმტკიცე ორი სახით ვლინდება: პირველი, შედეგია ცხოვრებისეულად მნიშვნელოვანი სწრაფვისა და მიზნებისა. მეორე, ესაა მორალური სიმტკიცე, რომელიც პიროვნების უმაღლესი დონის სიმტკიცედ ითვლება. ეს უკანასკნელი შედეგია პიროვნების ორიენტაციისა მორალურად ღირებულ პრინციპებზე.

ლ. ბუევა პიროვნებას განიხილავს როგორც რთულ წარმონაქმნს, როგორც შინაგანისა და გარეგანის ერთიანობას. პიროვნული ღირებულებების შესასწავლად აუცილებელია მათი ინტეგრაცია (აქ ახალი არაფერია ნათქვამი, დ. უზნაძემ პიროვნება თავიდანვე სოციალურ ღირებულებათა ასპექტში მოათავსა და ორივე ღირებულება: ინდივიდუალური და სოციალური ერთ სტრუქტურულ მთლიანობაში გააერთიანა). ბუევა ხაზს უსვამს, რომ საზოგადოებრივ ურთიერთობათა ტიპები, ნორმები, ღირებულებები, ცხოვრების სახე და აზრები შეიძლება შევინარჩუნოთ და კვლავ აღმოცენდეს „შემნახველი სისტემის“ მეშვეობით. შემნახველი სისტემა წარმოადგენს პიროვნების განსაზღვრულ ტიპს.

როგორც ვხედავთ, საბჭოთა ფსიქოლოგების მიერ საინტერესო მოსაზრებებია წამოყენებული ღირებულებითი ორიენტაციის მნიშვნელობისა და როლის შესახებ. ისინი ქცევის წარმმართველად სხვადასხვა კატეგორიას მიიჩნევენ, ზოგისათვის ასეთს მრწამსი წარმოადგენს, ზოგისათვის „შემნახველი სისტემა“, ზოგისთვის აგზნება და სხვა. მიუხედავად ამისა, არსად არაა მითითებული თუ რა არის ის სტრუქტურული სახე, რომელიც პიროვნებას გარკვეული

მიმართულებით წარმართავს, ან რა არის ის სისტემა, რომელიც, სიტუაციისა და დროის ცვალებადობის მიუხედავად, სუბიექტის უცვლელი, მყარი მდგომარეობის შესწავლის შესაძლებლობას იძლევა.

უცხოელმა მკვლევარებმა: პოსტმანმა, ბრუნერმა, მაკგინმა [5, 142—154] გამოაქვეყნეს სტატია: „პიროვნული ღირებულებები, როგორც აღქმის სელექციური ფაქტორები“ და დაადასტურეს, რომ მაღალი ღირებულების სიტყვა — სტიმულებს დაბალი ზღურბლი აქვს და პირიქით. სუბიექტი მზად არის აღიქვას ის სტიმული, რომელიც მის ღირებულებით ველშია, სხვა სტიმულებს კი დიდი ბარიერი ელობება წინ. იგივე ფაქტი დაადასტურეს ჯ. ჰეიმ და დ. ფისკმა [6, 394—399]. აღქმის დრო და სელექცია განსაზღვრულია პიროვნული ღირებულებებით.

ოლპორტი, ზნანიევი და სხვები ეთანხმებიან აზრს, რომ განწყობა განსაზღვრავს როგორც რეალურ, ისე პოტენციურ ქცევას. ზოგიერთთან კი განწყობა არის ადამიანის ორიენტაცია სინამდვილის ობიექტზე ან ღირებულებაზე. მართლაც, თუ პიროვნულ მოდელს ღირებულებებისადმი დამოკიდებულებები ქმნის, მაშინ ყოველი მოსალოდნელი ქცევაც ამ დამოკიდებულებებიდან გამომდინარე უნდა აიხსნას.

ჩვენ ამოვიღვართ დ. უზნაძის განწყობის თეორიიდან და სწორედ ამ პოზიციით გვინდა მივუდგეთ პიროვნების ღირებულებათა სისტემის შესწავლას. დ. უზნაძემ პიროვნება თავიდანვე სოციალურ ღირებულებათა ასპექტში მოათავსა. პიროვნება არა მხოლოდ აწმყოს, მომავლის მოთხოვნილებასაც უნდა ითვალისწინებდეს, რადგან „ყოველი პროგრესი, საზოგადოებრივი განვითარება და მრავალი სხვა სიახლე მხოლოდ და მხოლოდ ადამიანს მიეწერება“. ზემოდასახელებულ ავტორთაგან განსხვავებით, დ. უზნაძემ სოციალური ქცევის მექანიზმზე მიუთითა, რომ ადამიანი სოციალური არსებაა და მისი ქცევა სოციალური მექანიზმით უნდა იყოს განსაზღვრული: «Объективация по существу механизм социальный но не индивидуально-животной формы поведения. Объективация акт поведения, вырастающего на базе социально направленных целей» [4, 192].

ობიექტივაციით გაშუალებული შემეცნებითი პროცესების შედეგებით ცალკეული ინდივიდი სოციალურ პიროვნებად იქცევა. განწყობის თეორიის ავტორი არაერთხელ აღნიშნავდა: თუ რაიმე ღირებულები შეიქმნა კაცობრიობის ისტორიაში, მხოლოდ ობიექტივაციის აქტის საფუძველზეაო აღმოცენებული.

დ. უზნაძის აზრით, გარემოს უშუალო ზემოქმედების დროს გაშლილ ქცევასაც განწყობა უდევს საფუძვლად და ვერბალურ პლანში რეპრეზენტირებულ სინამდვილესაც, ამით განწყობის თეორიის ავტორმა განწყობის ცნება გააფართოვა და ადამიანური განწყობის სპეციფიკაზე მივანიშნა.

ადამიანები ღირებულებებისადმი დამოკიდებულებით მკვეთრად განსხვავდებიან ერთმანეთისაგან და ასეთ ღირებულებით ორიენტაციებს ხანგრძლივი დროის მანძილზე ინარჩუნებენ. მართალია, ადამიანი დაბადებიდანვე შედის მისგან დამოუკიდებელ ღირებულებათა სამყაროში, მის უშუალო ზემოქმედებას განიცდის, მაგრამ ეს ზემოქმედება სარკისებურად როდი აისახება. პიროვნება თავის სტრუქტურასაც ახვედრებს და მის თავისებურებასაც ითვალისწინებს. იგი პასიურად როდი ემორჩილება ღირებულებათა სამყაროს, ღირებულებებისადმი დამოკიდებულება შემთხვევითი ხასიათის არაა. ღირებულება

უკვე არსებული ფაქტია, სწორედ ამ ფაქტისადმი დამოკიდებულების ამხსნელი ცნება უნდა გააჩნდეს ფსიქოლოგიას. პიროვნება ღირებულებებისადმი ურთიერთობაში შეკადრდება და ამ ორიენტაციით წარმართული რეალური ქცევა მთლიან-პიროვნული მდგომარეობის ამსახველი ცნებით უნდა გავიგოთ. ადამიანური ქცევის განწყობები სწორედ სოციალური განწყობებია და უპირველეს ყოვლისა, ღირებულებების ამსახველიც უნდა იყოს. ჩვენს მიერ ჩატარებული ექსპერიმენტები არის ღირებულებითი ორიენტაციისა და ტიპოლოგიური თავისებურებების განწყობის თეორიის საფუძველზე გააზრების ცდა.

საკითხი ვითხვარი (21 კითხვა), ხოლო შემდეგ (6 თვის შემდეგ) ხარვეზიანი შემდგენილი კითხვარი (21 კითხვა), ხოლო შემდეგ (6 თვის შემდეგ) ხარვეზიანი სიტყვების მეთოდი. სიტყვები სპეციალურად დავამახინჯეთ (თითოეული სიტყვიდან ამოღებული. იყო რამდენიმე ასო, ცდისპირს ევალებოდა შეცნობა და შევსება), სულ შევისწავლეთ 50 სუბიექტი. ცდებში მონაწილეობდნენ სხვადასხვა პროფესიისა და ასაკის ადამიანები: ფსიქოლოგები, ისტორიკოსები, ლიტერატორები და სხვა. სპეციალურად შევარჩიეთ ისეთები, რომელთაც გულახდილად შეეძლოთ ემსჯელათ საკუთარი მისწრაფებებისა და იდეალების შესახებ.

კითხვარით ჩატარებულმა ექსპერიმენტმა გამოავლინა, რომ ცდისპირთა ღირებულებითი ორიენტაციის ტიპოლოგიური თავისებურებების განსახსვავებლად ძირითადი აღმოჩნდა პირველი და მეორე კითხვა (როგორი ცხოვრება მიგაჩნია კარგ ცხოვრებად? როგორი ცხოვრება მიგაჩნია ცუდ ცხოვრებად?). პასუხების მიხედვით ცდისპირები 5 ჯგუფად განაწილდა და გამოიყო შემდეგი ღირებულებითი ტიპები: თეორიული, ეკონომიური, სოციალური, ეროვნული, ოჯახური. ამ ჯგუფებში შემავალი ადამიანები მკვეთრად განსხვავდებიან თავიანთი მიზნებით, სულიერი მიდრეკილებებით, ღირებულებითი ორიენტაციით, მათი ცხოვრების სტილი ამ ღირებულებებისადმი დამოკიდებულებითაა განსაზღვრული.

1. თეორიული ტიპი. ამ ტიპის ადამიანისათვის ცხოვრება მეცნიერებისა და ჭეშმარიტებისადმი სწრაფვაა, რაც ერთ-ერთმა ცდისპირმა ასე გამოხატა: „კარგ ცხოვრებად მიმაჩნია, როცა ბევრს ვკითხულობ და ცოდნას ვიძენ, როცა მინდობილ საქმეს ვასრულებ ეტალონის მიზნდვით. შესანიშნავად დაახასიათა რასელმა სპინოზა (ამ უკანასკნელით იყო გატაცებული), რომელიც გამოირჩეოდა თავმდაბლობით და ჭეშმარიტებისაკენ სწრაფვით, მან ეთიკა მართო თეორიაში კი არა, ცხოვრებაშიც გაიაზრა“.

2. სოციალური ტიპი. ამ ტიპის სუბიექტისათვის თავისთავად ადამიანი ყველაზე დიდი ღირებულებისაა. მას კარგ ცხოვრებად სხვებისადმი სამსახური მიაჩნია, ებრალება გაჭირვებული და ავადმყოფი. ადამიანის საუკეთესო თვისებებად თვლის: სიკეთეს, ერთგულებას, სტუმართმოყვარეობას. დაინტერესებულია სხვების სულიერი თუ ფიზიკური მდგომარეობით, დიდ დროს უთმობს მეგობრებთან ურთიერთობას.

3. ეკონომიური ტიპი. ამ ხასიათის ადამიანების უმთავრეს ღირებულებას ქონება — ფული წარმოადგენს. კარგ ცხოვრებას ფუფუნებით საზღვრავენ და დიდ უბედურებად მიაჩნიათ სიღარიბე და უფულობა.

4. ოჯახური ტიპი. ძირითადად ოჯახზე ორიენტირებულ ადამიანთა ჯგუფი, წინა ჯგუფებთან შედარებით, დიდია. ასეთებს კარგ ცხოვრებად მიაჩნიათ ოჯახის კარგად მოწყობა, ქმარ-შვილის, ან ცოლ-შვილის კეთილდღეობა და ჯან-

მრთელობა. სხვა კითხვებზე პასუხობენ სუბიექტურად, შეზღუდულად, ნაკლებ აინტერესებთ და აღწევთ გარემოში მომხდარი მოვლენები.

5. ეროვნული ტიპი. სამშობლო ქვეყნისა და ერისადმი მიმართული ასეთ ტიპთა ძირითადი ღირებულებითი ორიენტაციები. მათი უზენაესი მრწამსი და მორალი სამშობლოსადმი სიყვარულისა და მოქალაქეობრივი მოვალეობებიდან გამომდინარეობს, ისინი გამოირჩევიან არამარტო დიდი პატრიოტული გრძობებით, არამედ სასარგებლო შრომითაც. ეროვნული მოტივაციით მოქმედი ადამიანები მომავლის ადამიანებია, რომელთაც თავიანთი ქვეყნის კიდევ უფრო მეტი სიძლიერე სურთ და მზად არიან საკუთარი სიცოცხლეც კი შესწირონ მას.

ჩვენმა კითხვარმა შპრანგერის მიერ დადგენილი 6 ღირებულებითი ტიპიდან 3 ვერ გამოავლინა: ესთეტიკური, რელიგიური, პოლიტიკური. შესაძლებელია, ეს ჩვენს მიერ შედგენილი კითხვარის ნაკლით იყო გამოწვეული, შესაძლებელია, ასეთ დიალოგებში ცდისპირებმა დაფარონ რაღაც პიროვნული ტენდენციები და საკუთარი თავი შეალამაზონ კიდევ. მაგრამ აშკარა გახდა ის, რომ ოჯახი და სამშობლო ანგარიშგასაწევი ღირებულებათანი აღმოჩნდა. ამას იმითომ აღენიშნავენ, რომ სხვადასხვა ეპოქისა და სხვადასხვა ქვეყნის ხალხები განსხვავდებიან ძირითადი ღირებულებითი ორიენტაციებით. მაგალითად, ამერიკელი კაცის ცხოვრებაში დიდი ადგილი უკავია ღმერთს და მკვლევარების მიერ შედგენილი კითხვების უმეტესი ნაწილი რელიგიას ეხება. ჩვენ გავითვალისწინეთ ყოველივე ზემოაღნიშნული და კვლევის მეთოდი შევცვალებთ.

ვეცადეთ შეგვეჩინა თითოეული ღირებულებითი კატეგორიისათვის შინაარსობრივად შესატყვისი და ხშირი სიტყვები (6—8 სიტყვა, სულ 48). სიტყვები წარმოვადგინეთ ხარვეზიანად, დამახინჯებულად, რაც იმას ნიშნავს, რომ სიტყვებში ამოკლებული იყო ასოები, ზოგან ხმოვანი და ზოგან თანხმოვანი. მაგალითად, სიტყვა სამშობლო წარმოვადგინეთ ასე: ს..შ...ო, ხოლო კათალიკოსი — კ...ლ...ი. ხარვეზიან სიტყვათა ჯგუფები გამოყოფილი იყო ერთმანეთისაგან ღირებულების მიხედვით. ცდისპირს ევალებოდა დამახინჯებული სიტყვების შევსება. იზომებოდა თითოეული ჯგუფის სიტყვების შევსებისათვის დახარჯული დრო, რადგან ვვარაუდობდით, რომ ცდისპირს უფრო სწრაფად და მეტი სიტყვები უნდა შეეცხო იმ ღირებულებითი მიმართულებით, რომლისკენაც ის ისწრაფოდა და ორიენტირებული იყო. გარდა ამისა, ამით საშუალება გვეძლეოდა თანმიმდევრობით აღგვენიშნა პიროვნების ძირითადი მიმართულებები. განსხვავებული ღირებულებითი ორიენტაციის სიტყვების ერთნაირი რაოდენობით შევსების შემთხვევაში გადაწყვეტი მნიშვნელობა ენიჭება დროს.

ცდებმა გამოავლინა 8 ღირებულებითი ორიენტაციის ტიპი: თეორიული, ეკონომიური, ესთეტიკური, პოლიტიკური, რელიგიური, სოციალური, ეროვნული, ოჯახური. უნდა აღვნიშნოთ, რომ ამ ექსპერიმენტში არამარტო პიროვნებები დანაწილდნენ მათთვის არსებითი ღირებულებითი ორიენტაციის მიხედვით, არამედ ნათელი გახდა, თუ თანმიმდევრობით რა ადგილს იკავებს რამდენიმე ღირებულებითი ორიენტაცია თითოეულ პიროვნებაში. ამ შემთხვევაში გადაწყვეტი მნიშვნელობა ჰქონდა სწორად შევსებულ სიტყვების რაოდენობას და დროის სისწრაფეს. უნდა აღინიშნოს, რომ ხარვეზიანი სიტყვები ივსებოდა ზოგჯერ ნაგულისხმევი შინაარსის მიხედვით, ზოგჯერ არა. მასში სულ სხვა მნიშვნელობის სიტყვა იყო ჩასმული, მაგრამ შეცდომით შევსებული

სიტყვაც პიროვნების რაღაც მნიშვნელოვან პოზიციანზე ან მიმართულებაზე მიუთითებდა. ის, რაც ერთი ღირებულებითი ორიენტაციის ადამიანისათვის აღმოჩნდა შესავსებად ადვილი, მეორისათვის ძნელი იყო. ვფიქრობთ, ღირებულებითი ორიენტაციის გამოვლენისა და ამდენად ხარვეზიანი სიტყვების არასწორად და სწორად შეესებას თუ შეფერხების ფაქტი პიროვნების მთლიან-პიროვნული მდგომარეობის, მისი განწყობის საფუძველზე უნდა აიხსნას, რაშიც თვით ექსპერიმენტული მასალის შედეგები გვარწმუნებს. ჩატარებულ ექსპერიმენტში განწყობისეული მოქმედების 3 სახე გამოიყოფა.

1. როცა ხარვეზიანი სიტყვა იესება სწორად, განწყობისეულად, პიროვნების ღირებულებითი ორიენტაციის მიხედვით, მაგალითად, სიტყვა წინაპარი იესება სწორად, წინაპრად, ფრესკა — ფრესკად, კათალიკოსი — კათალიკოსად და სხვა. პიროვნების განწყობისეული გამოვლენის ფაქტზე მიუთითებს ისიც, რომ ხარვეზიანი სიტყვა იესება რამდენიმეაირად, ისე რომ ღირებულებითი ორიენტაციით ნაგულისხმევ შინაარსს არ სცილდება და ზუსტად იმდენივე ასოსავანაა შედგენილი.

მაგალითად, სიტყვა საკმელი (წარმოდგენილია ასე: ს..მ..ი) იკითხება როგორც საკმელი, სასმელი, საწმისი, სტუმარი და სხვა. სიტყვა ქორწილი (წარმოდგენილია ასე: ქ..წ..ი) იკითხება ქორწილად და ქალწულად.

2. როცა ცდისპირი ხარვეზიანი სიტყვას ავსებს შეცდომით და ასოთა რაოდენობას არ ითვალისწინებს. მაგალითად, სიტყვა ეგოსტი (ე..ი..ი) იცვლება ერთგულით. თითქოს ცდისპირი ვერ ხედავს, რომ დამახინჯებულად წარმოდგენილ სიტყვაში მეოთხე ასო „ი“-ა და არა „გ“. საქმე იმაშია, რომ განწყობა, რომელიც სოციალურ ღირებულებათა ორიენტაციის განმსაზღვრელად გვევლინება, თავის შინაარსში აქცევს მისივე მსგავსს. ორივე სიტყვა „ერთგული“ და „ეგოსტი“ ადამიანის თვისებებზე მიუთითებენ. ყოველ შემთხვევაში, შეუძლებელია ასეთი სიტყვები თავში მოსვლოდა ცდისპირს, თუ მას რელიგიური ღირებულების აღნიშვნელი სიტყვები შემოაკლდებოდა.

3. განწყობა სცილდება ერთი ღირებულებითი ორიენტაციის საზღვრებს და სხვაში მკვიდრდება. ფიქსირებული განწყობა არამართო წინ ეღობება და ახშობს სხვა სტიმულებს, არამედ მის ადგილსაც იკავებს.

მაგალითად, ენათმეცნიერმა, რომლისთვისაც უპირველესი მეცნიერული ღირებულებები აღმოჩნდა, სიტყვა აკვნის ნაცვლად შეავსო ანბანი, დიპლომატის ნაცვლად — დიალოგიური, ლოგიკურის ნაცვლად — ლირიკული. ასევე, ეკონომიურმა ტიპმა აკვნის ნაცვლად ათიანი ჩაწერა და მითხრა: ათმანეთიანს ვგულისხმობო.

ვფიქრობთ, უცხოელი მკვლევარებისა (ბრუნერი, პოსტმანი, მაკინი) და ჩვენს მიერ მოპოვებული ექსპერიმენტული შედეგები მსგავსია და ერთ ფსიქოლოგიურ საფუძველს ეყრდნობა. დ. უზნაძის მიხედვით, ადამიანის ყოველგვარ აქტივობას, მთლიან-პიროვნული მდგომარეობა, განწყობა უდევს საფუძველად, განწყობა არამართო ახშობს სხვა შინაარსის სტიმულებს არამედ მას ასომილაციური მოქმედებაც ახასიათებს. მსგავსი იმსგავსებს მისივე მსგავსს. თუ განწყობა, მართლაც, არის როგორც რეალური, ისე პოტენციური ქცევის განმსაზღვრელი, მაშინ უპირველესად მან ღირებულებითი ორიენტაციები უნდა ახსნას, რადგან პიროვნების შინაარსიეულ მოდელს მისი ღირებულებებისადმი დამოკიდებულებები ქმნის. ჩვენს ექსპერიმენტში გამოვლინდა, რომ ამა თუ იმ ღირებულებით მოქმედი განწყობის საფუძველზე სულ სხვა სტიმულების მიმს-

გავსება, ასიმილაცია ხდება. ღირებულებითი ორიენტაციებიც განწყობის საფუძველზე აღმოცენებული ორიენტაციებია და მათი მოქმედების თავისებურებანი განწყობის კანონზომიერებით უნდა აიხსნას.

ექსპერიმენტული მასალის ანალიზის შედეგად აღენიშნავთ, რომ თავდაპირველი ღირებულებებით ორიენტაციები მოზარდში ჩნდება გრძობისმიერად, ცნობიერი არჩევანის გარეშე. იდეალური ბიროვნება დიდ ადგილს იკავებს მოზარდის ცნობიერებაში (მასწავლებელი, მშობელი, მეგობარი). მხოლოდ ობიექტივაციის ნიადაგზე ხდება ღირებულებითი ორიენტაციის გაცნობიერება (ზოგჯერ ამის გამო გადაფასებაც), რომელიც დროთა განმავლობაში მტკიცდება და თვით იქცევა ფიქსირებულ განწყობად.

Ж. И. НЕПАРИДЗЕ

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Вопрос исследовался комплексно, специально составленным опросником и методом искаженных слов.

Ценностную систему личности создают общая идея, родина, народ, право, знание, человек, семья, литература, искусство, богатство, деньги. Выявленные испытуемыми ориентации были весьма разносторонними (духовные, моральные, материальные), в силу чего при распределении испытуемых в группы мы руководствовались доминирующей у них ценностной ориентацией.

Хотя ценность — социальный продукт и первоначально дается человеку извне, однако личность по своей внутренней структуре не пассивна в ее принятии или отвергании. Ценностная ориентация — это осознанное человеком оценочное отношение к определенному явлению, стимулу или поведенческому образцу. Она возникает и упрочивается на основе механизма социального поведения — акта объективации, который затем сам превращается в фиксированную установку и лишь после этого используется в качестве собственного критерия личности.

ლიტერატურა

- ბერულავა ნ. დ. უზნაძე, 1967.
- კარტოზია ბ. დ. უზნაძის სოციოლოგიური შეხედულებები, უნივერსიტეტის შრომები, 1969.
- Тезисы докладов к всесоюзному съезду психологов СССР. М., 1977.
- Узнадзе Д. Основные положения теории установки. Тб., 1949.
- Postman L., Bruner J., McGinnies E., Personal Values as Selective Factors in Perception. The Journal of Abnormal and Social Psychology, Vol. 43, № 2, 1948.
- Haigh V. and Donald W. Fiske, Corroboration of Personal Values as Selective Factors in Perception. The Journal of Abnormal and Social Psychology, Vol. 47, 1952.

წარმოადგინა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის დ. უზნაძის სახელობის ფსიქოლოგიის ინსტიტუტმა

Д. А. ЧАРКВИАНИ

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ АЛЬТЕРНАТИВ И УРОВЕНЬ ДОСТИЖЕНИЯ ЖЕЛАЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ШКАЛЫ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В СИТУАЦИИ ВЫБОРА

Субъективные шкалы предпочтений альтернатив, т. е. определенных ценностей, объектов, различных видов деятельности, поступков и т. п., определяющие индивидуальные и групповые решения, в настоящее время являются предметом интенсивных исследований. С уверенностью можно сказать, что ощутимый прогресс, наблюдаемый в изучении проблемы, касающейся связи «открытого» поведения с фиксированными в прошлом опыте человека социальными установками, в значительной мере определен применением для объяснения этого явления теоретических положений, во многом опирающихся на рациональные и психологические модели принятия решений. К такой теоретической ориентации можно отнести концепции М. Фишбеина и В. Врума [11, 17]. Вопрос о связи установок с «открытым» поведением в отечественной литературе с позиций иерархического построения установок рассматривался Ш. Надирашвили, В. Ядовым и А. Асмоловым. Несмотря на определенные теоретические расхождения между ними, их взгляды сходятся в том, что для предсказания конкретного социального поведения личность нужно рассматривать на уровне «объективации», пользуясь термином Д. Узнадзе. Однако без систематического анализа процесса принятия решения трудно обосновать связь между определенным поведением и актуальной установкой, являющейся одной из основных переменных в иерархической структуре установок (концепции этих авторов нами детально рассмотрены в другой работе [6]). В связи с этим отметим, что сам создатель теории установки особо подчеркивал значение активно познающего субъекта в процессе принятия решения, который в отличие от «импульсивного» индивида осуществляет выбор, являющийся основой возникновения установки конкретного поведения [4].

С другой стороны, изучение вопроса о предпочтениях альтернатив очень важно в практическом отношении. Шкала предпочтений является основой решений, принимаемых на разных уровнях в общественных организационных системах. Обратимся лишь к одному примеру, имеющему прямое отношение к нашему исследованию: с каждым годом растет узкая профессионализация специальностей. В таких условиях чрезмерно усложняется выбор специальности, вследствие чего

очень часто принимаются ошибочные решения. В данном случае здравый смысл не всегда гарантирует оптимальный выбор, для которого необходимы научные знания, в частности, психологических механизмов процесса предпочтений альтернативных решений. Именно экспериментальному изучению дерминантов предпочтения альтернатив и посвящена данная работа.

Постановка вопроса.

1. Являясь основой оценки и выбора той или иной альтернативы, шкала предпочтений, в свою очередь, сама подвергается влиянию ряда субъективных и ситуативных факторов, которые нами рассматриваются с точки зрения определенных характеристик социальных установок, в частности, валентности (аффективно-оценочное отношение) и познавательных процессов (убеждения, ожидания). Ранее проведенные нами исследования выявили воздействие познавательно-аффективной структуры установки как на оценку, т. е. категоризацию социальных объектов, так и на реальное поведение людей [5, 7]. Измерение указанных свойств социальных установок проводили по методике В. Врума [17], подразумевающей параллельное определение на шкальном континиуме валентности и когнитивных образований в аспекте ожиданий. Вместе с тем, предполагается, что в детерминации определенной деятельности факторы установки органически связаны с процессом принятия решения и что субъект несет определенную ответственность за результаты, т. е. последствия выбранного им курса поведения. Это означает, что выбор альтернативы связан с определенными имплицитными результатами, имеющими положительную или отрицательную ценность для лица, принимающего решение. Такой подход дает возможность изучения структурных образований социальных установок, что в принципе аналогично исследованию зависимости предпочтений и реальных выборов от притягательности альтернатив. Эта последняя отражает оценку и предвидение субъектом возможности достижения определенных результатов выбора. Посредством измерения валентности и ожиданий о возможных последствиях решения можно определить субъективную шкалу притягательности. Здесь совершенно правомерно встает вопрос: как, каким образом влияет притягательность на предпочтения альтернатив? В данном случае речь идет о связи психологической концепции выбора, основанной на механизмах воздействия социальных установок на поведение и теорией рациональных решений, опирающейся на допущения влияния алгоритмических стратегий при выборе альтернативы.

Согласно теории рациональных решений, в процессе выбора субъект, принимающий решение, использует систему определенных правил, т. е. стратегию. Различные рациональные стратегии в аспекте психологических исследований детально рассмотрены У. Эдвардсом [9]. В психологии принятия решений с риском наибольшие эмпирические

подтверждения получены в отношении стратегии SEU (субъективно ожидаемая полезность) [10, 13, 15]. Она основана на определенных предпосылках рациональности выборов. В данной работе нас интересуют принципы максимизации субъективно ожидаемой полезности и независимость субъективной вероятности результата выбора от его полезности. Под принципом максимизации SEU подразумевается выбор субъектом такой альтернативы, которая максимизирует его целевую функцию, т. е. человек решается на такое действие, которое в наибольшей степени реализует его актуальные цели. С точки зрения характеристик социальных установок это означает, что выбранная альтернатива должна в наибольшей степени соответствовать валентным оценкам и ожиданиям или убеждениям самой личности. Второй постулат стратегии SEU довольно четко определяет Ю. Козелецкий, согласно которому теория в процессе принятия решений исключает «оптимистические» и «пессимистические» тенденции [2]. В аспекте ориентации предлагаемой работы это означает, что при выборе альтернативы валентность не может повлиять на ожидания и наоборот. Таким образом, можем определить конкретные вопросы исследования: влияет ли притягательность на предпочтения альтернатив по принципу стратегии максимизации и на самом ли деле независимы валентность и ожидания в шкале притягательности?

После рассмотрения вышеописанной проблематики закономерно встает вопрос о значимости отдельных ожидаемых результатов в шкале притягательности. Естественно предположить, что возможные последствия выбора не будут иметь одинакового веса в детерминации предпочтения альтернатив, вследствие чего выявление специфической структуры этих результатов должно иметь большую прогностическую ценность. В данном случае можно выявить основные результаты, существенно определяющие предпочтения. Эмпирическое описание структуры ожидаемых последствий в шкале притягательности должно отразить мотивационно-поведенческую сферу в процессе выбора альтернатив. Конкретно вопрос можно поставить следующим образом: каково значение отдельных ожидаемых результатов в шкале притягательности, т. е. возможно ли и каким образом определение ее структуры?

2. Субъективная шкала притягательности альтернатив целиком направлена на будущее, на возможности осуществления определенных исходов. Вместе с тем, ясно, что ее формирование и изменение в большой степени должны зависеть от прошлого опыта человека. Кроме того, результаты выбора могут быть двоякого рода: последствия, с которыми лицо, принимающее решение, скажем, учась или работая в конкретной организации, непосредственно столкнулось в процессе своей деятельности и исходы, с которыми субъект не имел или просто не мог иметь никаких отношений, т. е. реализация которых возможна лишь в ожидаемом будущем. Например, человек, выбирая место работы, учитывает ряд возможных результатов, вытекающих из стоящих перед ним альтернативных решений; ими могут быть, скажем, увели-

чение зарплаты, продвижение по службе и хорошие отношения с будущими сотрудниками. Ясно, что в зависимости от множества факторов, например, возраста, стажа работы, вида организации, специальности, социального окружения, семейного положения, профессиональной квалификации и т. п., люди проявят большие различия в оценках вышеуказанных результатов и различную степень их достижений в прошлом. Отметим, что влияние прошлого опыта на оценку наличных и ожидаемых последствий, во многом определяющих деятельность работника в организации, явилось предметом эмпирических изучений в индустриальной социальной психологии [12]. Несмотря на обилие конкретных методик и на существенные расхождения в данных, ясно одно — что необходимо дальнейшее исследование факторов, влияющих на шкалу притягательности альтернатив. Таким фактором в предлагаемой работе является актуальный уровень достижения результатов, определяемый нами как единство валентной оценки и степени реализации, или избегания в случае отрицательных результатов значимых для субъекта исходов, т. е. целей. Шкала уровня достижения результатов ограничена прошлым опытом личности, однако она непосредственно связана с актуальным процессом выбора. Конкретный вопрос исследования ставится следующим образом: влияет или нет наличный уровень достижения результатов на их притягательность в ситуации альтернативных выборов? Здесь притягательность альтернатив выступает в качестве зависимой переменной, а уровень достижения результатов — как независимая.

Подытоживая наши рассуждения, еще раз выделим цели настоящего экспериментального исследования:

1. Изучение влияния притягательности альтернатив на шкалу их предпочтений, при этом: а) используется или нет стратегия максимизации SEU; б) влияет или нет валентность на ожидания, т. е. полезность на субъективную вероятность; в) каковы возможности выявления структуры ожидаемых результатов в шкале притягательности.
2. Исследование влияния актуального уровня достижения результатов на шкалу притягательности альтернатив.

Метод исследования

Испытуемые и опросник. 43 студента-психолога заполнили опросник, состоящий из 154 признаков. Об исследовании испытуемым сообщалось, что ввиду начала в скором будущем в нашей стране психологической службы все специалисты данной области в обязательном порядке будут работать специалистами-практиками в какой-либо организации. Поэтому, говорилось далее, изучение мнений о различных прикладных специальностях во многом будет способствовать как оптимальному распределению окончивших вуз, так и лучшей организации вышеуказанного мероприятия. Отметим, что условия эксперимента близки к естественным, ибо перед исследуемой популяцией ре-

ально стояла проблема выбора конкретной области специализации и места дальнейшей работы. Испытуемые оценивали следующие прикладные сферы деятельности: средняя школа, клиника, радио и телевидение, народный суд, спортивный коллектив, предприятие, военное ведомство, торговая организация, административное учреждение. Данные о средних и стандартных отклонениях по шкале предпочтений вышеуказанных альтернатив приведены в таблице I.

Предпочтение альтернатив. Эта переменная измерялась по шкале ожидаемой валентности. Валентность (полезность) определялась 9-ступенчатой шкалой желательности—нежелательности. Отметим, что для большей достоверности данных, касающихся изучения стратегии максимизации, добавочно были учтены и показатели, установленные по оценочному параметру «плохой—хороший». Возможности, т. е. ожидания (субъективная вероятность) стать в будущем специалистом той или иной области устанавливали 11-ступенчатой вероятностной шкалой. Произведение шкальных позиций ожиданий и валентности, т. е. $O \times V$ дает показатель предпочтения определенной специальности.

Притягательность альтернатив. И эта переменная измерялась по шкале ожидаемой валентности. Валентность (полезность) определяли 9-ступенчатой шкалой желательности—нежелательности, а ожидания (субъективная вероятность) относительно достижения возможных результатов измеряли по 11-ступенчатой вероятностной шкале. Нами были взяты следующие 12 положительных возможных результатов, вытекающих из выбора предложенных специальностей: проявление собственных возможностей и умений, успехи в работе, улучшение экономического положения, проявление самостоятельности в работе, удовлетворение родительских желаний, повышение авторитета среди коллег, практическая помощь людям, общение с интересными людьми, работа в организации с высоким престижем, возможности достижения ученой степени, реализация ожиданий, имеющих в кругу друзей и возможность продвижения. Суммарный показатель ожидаемой валентности перечисленных результатов, т. е. $\Sigma O \times V$ есть притягательность определенной специальности. Шкала притягательности альтернатив для отдельного испытуемого определяется девятью такими суммарными показателями.

Уровень достижения результатов. Данная переменная определялась по шкалам валентности (полезность) и субъективной оценки величины достижения результатов в прошлом. Оба параметра измерялись 9-ступенчатой шкалой. При определении уровня достижений принимались во внимание следующие 9 результатов: проявление собственных возможностей и умений, успехи в учебе, экономическое положение, удовлетворение родительских желаний, авторитет в учебной группе (классе), практическая помощь другим, общение с интересными людьми, учеба в организации с высоким престижем и реализация ожиданий, имеющих в кругу друзей. Уровень достиже-

ния для каждого испытуемого устанавливался в отдельности во время учебы в школе и при учебе в вузе, а затем брался суммарный показатель, т. е. $\Sigma B \times$ степень дост. Кроме такого способа определения уровня достижения результатов, мы высчитывали в качестве показателя алгебраическую сумму, так как в этом случае учитывался ее знак, выявляющий определенный аспект удовлетворенности испытуемых собственными успехами.

Статистический анализ. Обработка данных проводилась в двух направлениях: во-первых, для выявления степени связи между изучаемыми переменными был проведен корреляционный анализ, а во-вторых, с целью определения величины влияния независимой переменной на зависимую были применены регрессионный и дисперсионный анализы. При обработке групповых результатов для каждого вида статистического анализа мы основывались на 387 (43×9) ответах испытуемых.

Таблица 1
Средние и стандартные отклонения предпочтений отдельных специальностей

Специальность: (психолог-консультант).	N=43	
	\bar{x}	σ
Средней школы	33,55	25,08
Клиники	35,37	9,89
Радио и телевидения	27,90	21,28
Народного суда	38,39	19,65
Спортивного коллектива	26,72	25,22
Предприятия	23,62	15,78
Военного ведомства	8,25	8,68
Торговой организации	8,95	9,76
Административного учреждения	22,00	16,40

Обсуждение полученных данных

1. В первую очередь остановимся на общих показателях зависимости, существующей между шкалами предпочтений альтернатив и их притягательностью. Обработка материала показала, что связь между показателями этих переменных была значимой ($r=0,49$, $df=385$, $p<0,01$). Затем, для выяснения влияния притягательности результатов на предпочтения альтернатив был проведен дисперсионный анализ полученных данных, который приведен в таблице 2.

Полученные результаты указывают, что притягательность ожидаемых последствий оказала значительное влияние на шкалу предпочтений альтернатив исследованной нами популяции ($F=28,11$, $p<0,01$). Это означает, что намерения испытуемых осуществить выбор из предложенных им специальностей детерминированы притягательностью ожидаемых результатов, имеющих для них ценность (отметим, что

все испытуемые без исключения позитивно оценили данные им в экспериментальной ситуации исходы).

Таблица 2
 Дисперсионный анализ влияния притягательности отдельных специальностей на шкалу их предпочтений

Источник вариации	DF	MS	F	P
Между группами	1	14374	28,11	<1,01
Внутри групп	376	511,29		

2. Рассмотренный нами материал не дает наглядной картины относительно той стратегии, к которой прибегли испытуемые в процессе осуществления предпочтений альтернатив. На данном этапе анализа учитывались индивидуальные результаты притягательности и предпочтений альтернатив, т. е. были высчитаны коэффициенты корреляции у каждого испытуемого на основе показателей для 9 специальностей, измеряемых по шкалам исследуемых переменных. Результаты такого корреляционного анализа изображены на рис. 1.

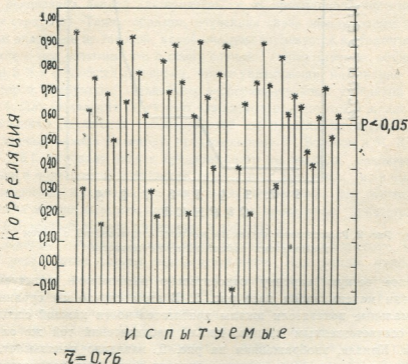

Рис. 1. Связь между показателями предпочтений и притягательности отдельных специальностей

Данные, описанные на рис. 1, указывают, что у 67% испытуемых показатели корреляции достигают уровня значимости ($p < 0,05$, представляющий нижнюю границу достоверности), при этом, $\bar{r} = 0,76$. Та-

ким образом, большинство испытуемых в своих предпочтениях относительно альтернатив руководствовались стратегией максимизации, т. е. принципом наибольшего соответствия собственным валентным оценкам и ожиданиям, преобладающим в структуре установок. Они были намерены сделать выбор той специальности, которая максимально соответствовала бы их целевой функции по шкале притягательности, что и подразумевается в стратегии максимизации SEU. Аналогичные результаты были получены и в том случае, когда измерение валентности осуществили в аспекте оценочного отношения «хороший—плохой», здесь значимые корреляции были выявлены у 70% испытуемых.

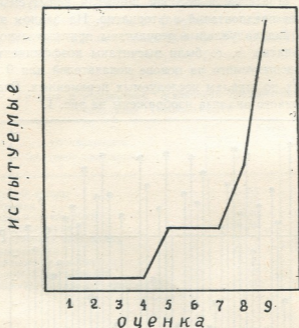

Рис. 2. Распределение оценок предпочтения специальностей с учетом максимальных показателей притягательности

Более четкую картину относительно выявленной испытуемыми стратегии максимизации дает рис. 2. В этом случае мы сравнивали максимальные показатели шкалы притягательности каждой специальности соответственным данным шкалы предпочтений той же альтернативы. Кривая, изображенная на рис. 2, наглядно показывает, что с увеличением показателя притягательности возрастает количество его совпадений с данными по шкале предпочтений специальностей, при этом она достигает наибольшей величины в случае максимальной оценки.

Можно сказать, что в целом эти результаты аналогичны данным, полученным в классических лабораторных исследованиях стратегии SEU. Вместе с тем, в отмеченных работах стратегия максимизации

изучалась посредством экспериментальных игр с риском, тогда как мы исследовали влияние определенных характеристик социальных установок на шкалу предпочтений специальностей. В смысле сравнения полученные нами результаты более адекватны данным Д. Небекера и Т. Митчела, изучавшим роль трудовых установок в оценке поведения лидера [14].

3. С целью исследования взаимосвязи ожиданий и валентности мы провели регрессионный анализ показателей в отдельности для шкалы притягательности и предпочтений специальностей. В данном случае, напомним, нас интересовал вопрос: влияет или нет валентность на ожидания? Здесь в качестве зависимой переменной выступают ожидания. Обработка материала показала, что в случае притягательности альтернатив между исследуемыми факторами было получено следующее регрессионное уравнение: $\tilde{y} = 3,35 + 0,6(x - 4,37)$, где $r^2 = 3\%$ ($t = 3,4$, $df = 385$, $p < 0,001$), а в случае предпочтения специальностей: $\tilde{y} = 65,14 + 1,1(x - 39,00)$ где $r^2 = 6\%$ ($t = 4,8$, $df = 385$, $p = 0,001$). Как видим, в обоих случаях валентность оказала значимое влияние на ожидания испытуемых, это значит, что чем желательнее была специальность для субъекта, тем вероятнее казалась ему реализация данной альтернативы, т. е. проявляется «оптимистическая» стратегия. Таким образом, изученная связь между этими переменными оказалась не таковой, какой она подразумевается в стратегии SEU. Вместе с тем, отметим, что в обоих случаях соответственно объясняются лишь 3 % и 6 % общей дисперсии, прямо указывающие на влияние других факторов, требующих дальнейших экспериментальных уточнений.

4. Для выявления структуры ожидаемых результатов в шкале притягательности различных специальностей мы провели компонентный дисперсионный анализ по методу, предложенному Г. Вогеном и М. Корбалисом [16]. Основная задача предложенного им подхода заключается не только в определении значимости данных по F критерию, но в выделении компонентов, влияющих на зависимую переменную. На основе такого анализа можно выделить компоненты и их процентные показатели веса.

Полученные данные приведены в таблице 3.

Данные таблицы 3 выявляют вертикальное построение возможных результатов шкалы притягательности. Как видим, наибольшим весом в этой шкале обладает графа «проявление собственных возможностей и умений», объясняющая 31 % общей дисперсии; она более чем в полтора раза превышает стоящую на втором месте «общение с интересными людьми» (17 %). Отметим, что показатели всех ожидаемых результатов альтернатив достигают уровня значимости в структуре шкалы притягательности, за исключением лишь графы «улучшение экономического положения», вклад которой в объяснение общей дисперсии равен нулю. Как видим, посредством компонентного дисперсионного анализа можно выявить с большой точностью строение шкалы притягательности; конечно, возможно говорить и об интервальных отношениях, однако, ввиду того, что шкалы измерений в данном исследовании

довании такой прегензии не имеют, этот вопрос является спорным.

Таблица 3

Компоненты дисперсии отдельных результатов в шкале притягательности различных специальностей

Источник вариации	Компоненты дисперсии			проценты объяснения
	между группами	внутри групп	сумма компонентов	
Проявление собственных возможностей	50,87	114,21	165,08	31
Успехи в работе	9,89	120,26	130,15	8
Улучшение экономического положения	—	—	—	0
Проявление самостоятельности в работе	6,36	85,75	92,11	7
Удовлетворение родительских желаний	5,22	338,50	343,72	2
Повышение авторитета среди коллег	8,00	97,70	105,70	8
Практическая помощь людям	16,02	124,32	140,34	11
Общение с интересными людьми	26,78	135,37	162,15	17
Работа в организации с высоким престижем	2,36	117,95	120,31	2
Возможности достижения ученой степени	10,72	126,23	136,35	8
Реализация ожиданий, имеющихся в кругу друзей	11,85	126,75	138,60	9
Возможность продвижения	4,15	97,58	97,73	4

Необходимо подчеркнуть, что в нашей работе речь идет не о фундаментальных потребностях личности или об их иерархическом настроении, а о поведенческих намерениях человека, более точно, о субъективно оцененных возможностях осуществления определенных желаний. Целостная структура шкалы притягательности отражает установочную готовность к конкретному поведению, в нашем случае — выбору определенной специальности. Если говорить с общих позиций иерархического построения установок, то нами изучался уровень социального поведения личности, учитывающей возможные результаты собственного решения. Структура шкалы притягательности более изменчива, вариабельна, она в большей мере чувствительна к влиянию внешней среды, чем иерархическое построение установок и тем более базисных потребностей личности.

5. Наконец, остановимся на данных, касающихся связи между наличием уровнем достижений результатов и притягательностью альтернатив. Напомним, что в качестве зависимой переменной выступает притягательность отдельных специальностей. Обработка результатов показала, что связь между этим переменными оказалась значимой ($r=0,49$, $t=3,6$, $df=385$, $p<0,01$). Для выявления степени воздействия одного фактора на другой провели дисперсионный анализ показателей, результаты которого приведены в таблице 4.

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что уровень достижения результатов оказал значимое влияние на притягательность альтернатив ($F=6,02$, $p<0,05$). Это означает, что чем больше у испытуемого до-

Таблица 4

Дисперсионный анализ влияния уровня достижения результатов на притягательность отдельных специальностей

Источник вариации	df	MS	F	P
Между группами	1	779962	6,02	<0,05
Внутри групп	3/6	129444		

стижений результатов в прошлом, тем больше их воздействие на шкалу притягательности специальностей. Конечно, полученный результат пока трудно обобщить на другие формы деятельности, так как необходимо изучить различные виды последствий, как положительные, так и отрицательные, и возможно, что связь между этими факторами может оказаться неоднозначной. Во всяком случае, ясно одно, что в этом отношении необходимы дальнейшие исследования.

Как было отмечено, связь уровня достижений результатов со шкалой притягательности альтернатив мы изучили и в аспекте удовлетворенности. Напомним, что в этом случае бралась алгебраическая сумма в качестве показателя достижений. Полученные данные не выявили значимой связи между рассматриваемыми переменными ($r = -0,04$). Это указывает на то, что не удовлетворенность, а общий уровень достижений результатов был связан с притягательностью специальностей у испытуемых.

Выводы

В данной работе экспериментально изучен вопрос о влиянии притягательности и уровня достижений желаемых результатов на шкалу предпочтений альтернатив. Был исследован процесс принятия решения студентами-психологами относительно определенных прикладных специальностей. На основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Предпочтения альтернатив были обусловлены их притягательностью, т. е. намерения испытуемых в отношении выбора предложенных им специальностей подверглись значимому влиянию таких характеристик социальных установок, как валентность и ожидания. Вместе с тем, большинство испытуемых свои предпочтения осуществили согласно стратегии максимизации SEU.

2. В шкале притягательности альтернатив валентность оказала значимое влияние на ожидания, касающиеся возможных результатов, что не соответствует допущению независимости полезности и субъективной вероятности, подразумеваемой в стратегии SEU. Испытуемые в оценке ожиданий о возможных исходах выбора специальности были «оптимистами», т. е. более вероятными им казались последствия, которых они сильно желали.

3. На основе компонентного дисперсионного анализа были выяв-

лены соответствующие веса возможных результатов выбора, отражающие определенную структуру шкалы притягательности альтернатив. Наибольшее значение в оценке притягательности специальностей испытуемые придавали условиям «проявления собственных возможностей и умений».

4. Наличный уровень достижения результатов оказался в положительной связи со шкалой притягательности альтернатив и значимо повлиял на нее. Чем выше был уровень достижения результатов у испытуемых, тем больше его воздействие на притягательность той или иной специальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Деятельность и установка, М., 1979.
2. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений, М., 1979.
3. Надирашвили Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии, Тб., 1974.
4. Уznaдзе Д. Н. Общая психология, Тб., 1940 (на груз. языке).
5. Чарквиани Д. А., Нониашвили Т. А. Влияние социального события на оценочные суждения, «Вестник» АН ГССР, 1974, № 4 (на груз. яз.).
6. Чарквиани Д. А. Иерархическая структура установок и поведение, сб. статей Всесоюзной конференции по проблемам теории деятельности и установки. Тб., 1979.
7. Чарквиани Д. А. Значение трудовых установок в исследовании психологического климата организации. «Вестник» АН ГССР, 1980, № 3.
8. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. В сб. Методологические проблемы социальной психологии, М., 1975.
9. Edwards W. The theory of decision making. Psychol. Bull., 1954, 51, 380—417.
10. Edwards W. Probability preferences among bets with different expected values. American Jour. of Psychology, 1954, 67, 56—67.
11. Fishbein M., and Ajzen, I. Belief, attitude, intention, and Behavior: An introduction to theory and research., Read. Mass: Addison Wesley, 1975.
12. Lawler, E., and Porter L. Antecedent attitudes of effective managerial performance, Organiz. Behavior and Human Performanse, 1967, 2, 122—142.
13. Luce R., Suppes P. Preference, utility and subjective probability, in Luce M., Bush R., Galanter E. (ed.) Handbook of mathematical psychology, New York, 1965.
14. Nebecker D., and Mtehell T. Leader behavior: Anekpectancy theory approach Organiz. Behavior and Human Performance, 1974, 11, 355—363.
15. Slovic P., and Lichtenstein S. Relative importance of probabilities and payoffs in risk taking., Journ. of experimental psychology, 78, 1968.
16. Vaughan G., and Corballis M. Beyond tests of significance: Estimating strength of effects in selected ANOVA designs., Psychol. Bull., 1969, 72, 204—214.
17. Vroom V. H. Work and motivation. New York: Wiley, 1964.

Представлена Институтом психологии
им. Д. Н. Уznaдзе АН ГССР

Г. А. ГОРОШИДЗЕ

УСТАНОВОЧНАЯ МОДИФИКАЦИЯ В ПРИСПОСОБИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема адаптации является кардинальной проблемой для наук, изучающих живую природу. Ее возникновение связано, в основном, с эволюционным учением (Ж. Б. Ламарк, Ж. Сент-Илер, Ч. Дарвин...). С развитием наук проблема адаптации выходит из области биологии и становится ведущей и для других наук, в том числе для психологии.

Приспособление (адаптация) является необходимым условием существования всего живого. Ведущим началом в системе «среда — индивид», — как говорил Ч. Дарвин — является индивид, так как живому присуще самодвижение, саморегуляция, которое и может компенсировать нарушенное соответствие между ним и изменившейся внешней средой, т. е. развить приспособительную активность.

Адаптация живого организма понимается в двояком смысле — в широком и узком. Понятие адаптации в широком смысле отражает исторический (эволюционный) процесс возникновения самого механизма адаптации, а в узком смысле — проявление свойств этого механизма под воздействием стимула [7]. Если адаптация в широком смысле отражает эволюционный аспект приспособления, то в узком она отражает онтогенетический аспект. «Их тождество заключается в том, что они имеют единую структурно-функциональную природу, проявляющуюся в выработку адаптивных модификаций на основе исторически сложившейся нормы реакции. Различие заключается в том, что понятие адаптации в широком смысле отражает исторический процесс формирования самой нормы реакции, а в узком смысле является механизмом ее проявления в адаптивных модификациях» [6].

Адаптация диалектически противоречивое явление. Она и процесс и результат. Как в эволюционном аспекте, так и в онтогенетическом, адаптация сохраняет свою двоякую природу. Адаптация как процесс выражается в формировании определенной нормы реакции (адаптация в широком смысле) и в характере проявления ее в адаптивных модификациях (адаптация в узком смысле). Как результат — в выработанной норме реакции (адаптация в широком смысле) и происшедших на ее основе адаптивных модификациях (адаптация в узком смысле). Итак, адаптация как процесс выражается в произведении модификации, а как результат — в сохранении происшедшей модификации, т. е. адаптация есть диалектическое единство двух действующих факторов: «фактора модификации» и «фактора фиксации» [6, 7].

Кроме биологической адаптации, у человека вырабатывается адаптация и к социальной среде, основанная на перестройке социальных отношений между людьми. Это — изменение социально-политических, морально-психологических, экономических и демографических отношений. Изменение социальной среды вызывает изменение личности, модификацию ранее усвоенных ею норм поведения, которые по своей сути

являются результатами предыдущих адаптаций. Таким образом, характер проявления механизма адаптации является единым для всех уровней организации живой природы — для биологического, психического и социального — и заключается в совместном действии двух основополагающих факторов: «фактора модификации» и «фактора фиксации».

Адаптация, как сложный приспособительный процесс и результат, подчиняется диалектическим закономерностям процесса отражения, который в живых системах носит адекватный характер, в противном случае живой организм лишился бы способности самосохранения. Под адекватностью отражения в живых системах подразумевается установление такого отношения между внешней средой и индивидом, которое лучшим образом обеспечивает совершенствование и сохранение его функциональных способностей. Критерием адекватности отражения в живой природе выступает целесообразность (полезность) этого отражения для сохранения жизни и функционирования организма. Одной из особенностей отражения в живой природе, в отличие от отражения в неживой природе, является опережающий характер реакции на внешние воздействия. Благодаря этой особенности, индивид направляет свою активность на самосохранение, совершает целесообразное поведение [6].

По теории установки Д. Узнадзе, установка, являясь механизмом адаптации, обуславливает адекватное и целесообразное приспособление индивида к среде. В теории установки формула активности человека трехчленная: среда — субъект (установка) — поведение. Это значит, что среда вызывает поведение человека не непосредственно, а опосредованно, воздействуя сперва на субъект, изменяя его в соответствии с ситуацией и создавая в нем установку на определенное поведение. Поведение человека является непосредственным следствием реализации созданной в субъекте установки под влиянием ситуации. Установка всегда возникает на почве единства потребности индивида и соответствующей ей среды и представляет такое целостно-личностное состояние, в котором отражены как объективный фактор (ситуация), так и субъективный (потребность). Единство объективного и субъективного в установке дает индивиду возможность правильно воспринимать объективную действительность. В установке уже дано в общих чертах то поведение, которое в дальнейшем должно осуществиться. В этом и заключается характер опережающего отражения установкой действительности [1].

Изучение закономерностей действия установки стало возможным после того, как Д. Узнадзе установил существование фиксированной установки. По Д. Узнадзе, при взаимодействии со средой в личности сначала формируется установка, т. е. субъект как целое меняется соответственно объективной ситуации и его поведение непосредственно исходит из данной установки. Раз выработанная установка не исчезает, она остается в субъекте как готовность к новой актуализации при повторении соответствующих условий. Известно, что фиксации установки содействует частота повторов. «Благодаря частым повторам или большой личностной ценности, какая-либо определенная установка может стать настолько необходимой, настолько привычной, что она может легко активизироваться в случае влияния несоответствующего раздражителя и этим лишиться возможности проявления адекватную установку. Такую установку можем назвать фиксированной установкой» — Д. Узнадзе [1]. Фиксированная установка становится и источником иллюзии восприятия. Экспериментальная методи-

ка, которую разработал Д. Узнадзе для исследования закономерностей действия фиксированной установки, основывается именно на эффекте иллюзии восприятия. При многократном повторе установочных экспозиций возникшая в субъекте установка постепенно фиксируется и в результате получаем фиксированную установку. Фиксированная установка на неравные (установочные) объекты обуславливает иллюзорное восприятие равных объектов неравными в критическом опыте. «Таким образом, установку субъекта легко можно обратить в фиксированную и в результате заставить его принять иллюзорное восприятие» (Д. Узнадзе).

Установка как целостно-личностное состояние имеет как форму, так и содержание. Методом фиксированной установки исследуется ее формальная сторона, а содержательную сторону исследуют главным образом методом беседы, анкеты и проекционными методами. Если содержательный аспект установки указывает на тот конкретный материал, из чего она «строится», то формальный аспект выражает общее качество данной личности, являющееся единым во всех проявлениях ее активности [4]. Выявляя содержательную сторону установки, мы определяем направленность личности в поведении (т. е. какие у нее потребности и на какие элементы среды направлена ее активность), а с формальной стороны становится ясным ряд динамических характеристик в данном направлении. Другими словами, исходя из множества потребностей и ситуаций их удовлетворения, по содержанию у личности установок много, а с формальной стороны она одна. Это обстоятельство и определило то, что формальный аспект установки впоследствии лег в основу дифференциально-психологических исследований в этом направлении. Школой установки Д. Узнадзе была разработана целая система типологии установки. Так, экспериментально было установлено, что между людьми могут иметь место различия со стороны возбудимости установки, течения ее угасания (динамичность — статичность, пластичность — грубость), стабильность (стабильная — лабильная), константности (константная — вариабильная), генерализованности, иррадиации и др.

Установив тип фиксированной установки классическим методом, заключают о характере приспособительной активности данной личности к внешней среде. Существующая типология установки основывается главным образом на данных количества установочных (возбудимость) и критических экспозиций (количество иллюзорных восприятий). Чем меньше установочных экспозиций требуется для фиксации установки, тем больше возбудимость установки, а чем больше количество иллюзорных восприятий в критическом опыте, тем прочнее она фиксирована. Высокая возбудимость и быстрота угасания установки указывает на легкость приспособления индивида к среде. Ясно, что в этих опытах проявляется действие одной из сторон явления адаптации, фактора фиксации [1,4]. Но установка, являясь механизмом адаптации, должна проявлять и другую сторону приспособительной активности, а именно — действие фактора модификации. Однако в исследованиях по психологии установки изучению закономерности действия фактора модификации не уделяется часто должного внимания. Если количество иллюзорных восприятий означает легкость или трудность приспособления индивида к среде, то проявлением чего же тогда является величина установочной иллюзии? Наша задача — разобраться в этом вопросе.

После фиксации установки на неравные объекты, в критическом опыте равные объекты испытуемым кажутся неравными, а неравные объекты — равными. Подобное иллюзорное восприятие объектов говорит об изменениях, происшедших в оценочной системе индивида в течение установочного опыта. Оценка равенства и оценка неравенства происходит на основе одной цельной системы отсчета, где изменение в оценке «равенства» непосредственно предполагает изменение в оценке «неравенства» и наоборот. Следовательно, описывая характер изменений в оценочной системе личности, опираясь на данные изменений в оценке «равенства», мы бы получили ту же картину изменений в оценочной системе, что и в случае, если бы опирались на данные изменений в оценке «неравенства». Поэтому вполне достаточно ограничиваться ссылкой на изменения или в оценке «равенства» или в оценке «неравенства». Из-за большего удобства мы будем говорить об изменениях в оценке «равенства». Итак, если проследить за характером изменений в оценке — «равенства», то можно будет описать полную картину установочных преобразований. Для выяснения закономерности этих изменений мы экспериментально изучили динамику величины установочной иллюзии в опытах фиксированной установки.

Ввиду слабости установочного эффекта в визуальной сфере и наличия сильных следовых воздействий на оцениваемые объекты после установочных экспозиций, мешающих точной оценке их величин, опыты проводились в гаптической модальности, где иллюзия во много раз сильнее и легче проследить динамику ее изменений. В опытах выявилась сильная зависимость величины установочной иллюзии от количества экспозиции.

В эксперименте использовались шары диаметрами: 60, 65, 70, 75, 80, 85 и 90 мм. В установочных экспозициях испытуемым давались шары 60 мм и 90 мм. С помощью 65—85 мм, 70—85 мм, 75—85 мм, 80—85 мм пар шаров определяли величину установочной иллюзии следующим образом: когда после фиксации установки испытуемому давалась одна из этих пар (пробная экспозиция) и он воспринимал их как равные, то, естественно, величиной иллюзии в этом случае являлась разница в диаметрах. Когда же в пробной экспозиции объективно меньший шар субъективно казался больше другого из данной пары, то мы делали еще вторичную пробу шарами с большей разницей в диаметрах, на основе чего и уточнялась величина иллюзии. И наконец, если в пробной экспозиции объективно меньший шар субъективно тоже казался меньше другого из данной пары, то для уточнения величины иллюзии мы делали добавочную пробу шарами с меньшей разницей в диаметрах. Диапазон возможных величин иллюзии разделили на пять интервалов: 0—5 мм, 5—10 мм, 10—15 мм, 15—20 мм, 20—25 мм. Если величина иллюзии заключалась внутри одного из этих интервалов, то мы брали среднюю величину между крайними значениями данного интервала. Таким образом, мы имели полную возможность приписать измеряемой величине иллюзии одно из десяти возможных значений: 2,5, 5, 7,5, 10, 12,5, 15, 17,5, 20, 22,5 и 25 мм. Определение величины иллюзии происходило с помощью 1—3 проб. Для ликвидации отрицательного влияния подобных проб после каждой из них давались (1—2 раза) установочные шары. Как видно из описания, мы опыты проводили методом «уравнивания»

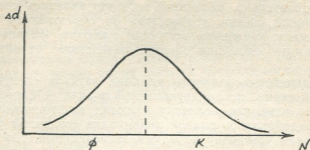
Ж. Пиаже, следовательно, величиной иллюзии являлась степень смещения субъективной оценки «равенства» от объективного равенства и, изучая динамику изменения величины иллюзии, фактически прослеживали динамику смещения оценки «равенства» от объективного равенства.

Динамику изменения величины иллюзии изучали следующим образом: в первой серии, после двухкратной подачи установочных шаров (60—90 мм) измеряли величину иллюзии вышеописанным методом, после чего добивались полной ликвидации созданной установки. Затем фиксировали установку четырьмя экспозициями, измеряли иллюзию и ликвидировали установку. Так поэтапно повторяли до 16 установочных экспозиций. Во второй серии опытов сперва фиксировалась установка 16-ю экспозициями, после двухкратной подачи критических шаров (60—60 мм) измеряли величину иллюзии и добивались полной ее ликвидации. На втором этапе снова фиксировали установку 16-ю экспозициями, после четырехкратной подачи критических шаров измеряли иллюзию и ликвидировали установку. Так доходили до 16 критических экспозиций. Чтобы легче проследить за изменением величины иллюзии, нами были специально подобраны 20 испытуемых с большой величиной установочной иллюзии. Опыты показали, что в первой серии величина иллюзии у всех испытуемых постепенно увеличивалась с ростом количества установочных экспозиций, а во второй серии постепенно уменьшалась с ростом количества критических экспозиций. Усреднив данные двух серий опытов, мы получили:

Количество экспозиции

	0	2	4	6	8	10	12	14	16
I серия	—	—	3	5	6,7	14	18	22	22,5
II серия	22,5	17	14,3	12	7,5	4	2	1,5	1,3

Итак, результаты эксперимента показывают, что в установочных опытах иллюзия непрерывно увеличивается, а в критических опытах уменьшается с ростом количества экспозиций. Что касается направления этих изменений, то из опытов становится ясным, что изменение оценки «равенства» происходит в сторону все большего уподобления соотношению экспонируемых объектов. Сначала — соотношению неравных объектов в установочном опыте, а затем — соотношению равных объектов в критическом опыте. В установочном опыте с каждой экспозицией все сильнее изменяется оценка «равенства», все сильнее отличаясь от объективного равенства и, дойдя до максимума изменений, обеспечивает проявление максимальной иллюзии (той же величины) в критическом опыте. Исходя из вышесказанного, можно полагать, что установочный и критический опыт — это две стороны единого, непрерывного процесса увеличения и уменьшения изменений оценки «равенства» в оценочной системе человека. Поэтому весь процесс возникновения и ликвидации установки можно изобразить с помощью графика:

где Δd — величина иллюзии, N — количество экспозиций,
 Φ — фиксационный опыт, а K — критический опыт.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать заключение, что процесс формирования и ликвидация фиксированной установки характеризуется не только действием фактора фиксации, но действием еще и другого фактора, определяющего степень изменений в оценочной системе индивида. Надо полагать, что это и есть фактор модификации, который все больше проявляет себя под нарастающим воздействием внешней среды. Фактор фиксации себя обнаруживает в количестве иллюзорных восприятий, а фактор модификации — в величине иллюзии.

Убедившись в бифакторной (фиксация — модификация) природе формирования установки, следует разобрать и вопрос взаимоотношений этих факторов, т. е. характер отношений между величиной установочной иллюзии и количеством иллюзорных восприятий. Этот вопрос исследовался многими авторами и были получены весьма противоречивые результаты [5,9]. Мы также экспериментально изучили его. С этой целью провели опыты фиксированной установки в гаптической сфере на 300 испытуемых. У каждого из них измерялась величина иллюзии после 15-кратной подачи установочных (60—90 мм) шаров вышеописанным методом. Измерив величину иллюзии и сделав корректировку установочной экспозицией, проводили критические опыты равными (60 мм) шарами по классической методике. Для 10 значений величины иллюзии и 10 интервалов количества экспозиций (по 2 в каждом) получили следующее распределение частот:

Δd (мм)	N									
	1—2	3—4	5—6	7—8	9—10	11—12	13—14	15—16	17—18	19—20
25	3	3	1	2	2	1	1	1	—	—
22,5	4	2	2	5	2	1	2	1	1	—
20	3	3	4	4	3	2	1	2	2	—
17,5	4	2	4	2	3	5	3	2	2	1
15	4	4	3	5	8	6	9	2	5	4
12,5	3	5	6	6	13	7	6	3	9	2
10	2	1	2	3	5	4	3	5	2	5
7,5	1	3	1	2	3	2	4	3	5	6
5	1	1	2	2	2	1	3	2	4	4
2,5	—	—	1	2	2	1	3	2	5	4

где Δd — величина иллюзии, а N — количество экспозиций. Для вычисления корреляции между величиной иллюзии и количеством экспозиций, был использован показатель порядковой ассоциации:

$$r = \frac{S-D}{S+D} = \frac{12493-22959}{12493+22959} = -0,3$$

$P < 0,05$.

Таким образом, мы получили отрицательную корреляцию между величиной иллюзии и количеством иллюзорных восприятий, но сама величина корреляции довольно малая. Следовательно, нет полной возможности заключать о величине иллюзии на основе количества иллюзорных восприятий и можно утверждать что они относительно независимые параметры, требующие отдельного изучения.

Как уже было упомянуто выше, адаптация проявляется в совместном действии двух факторов — фиксации и модификации. Установка, как механизм самой адаптации, тоже проявляется в совместном действии двух факторов — фактора фиксации (количество иллюзорных восприятий) и фактора модификации (величина иллюзии). Установка — это целостно-личностное состояние субъекта, создаваемое на основе единства потребности и ситуации ее удовлетворения. О характере центральности фактора фиксации нет сомнения. На протяжении своего существования школа установки Д. Узнадзе накопила богатый материал, подтверждающий это положение. Типология установки, построенная на закономерности действия фактора фиксации (скорость угасания установки), есть типология личности в целом. Но фактор модификации (величина иллюзии), как другое проявление установки, тоже должен служить центральной характеристикой личности. Фактор модификации является важнейшей стороной адаптационного процесса. Именно он определяет соответствие организации индивида изменившимся условиям внешней среды. По нашему мнению, величина иллюзии и является показателем адаптивной модификации личности в целом, которая происходит под воздействием внешней среды. Чем больше установочная иллюзия, тем больше модифицируется личность под влиянием внешнего фактора, тем в большей степени адаптируется личность к среде, т. е. величина установочной иллюзии может служить показателем степени адаптации (степени адаптивной модификации, величины перестройки) личности к среде, тогда как фактор фиксации, в конечном итоге, можно свести к временным показателям адаптационного процесса. Поэтому, чтобы иметь полное представление о характере приспособительной активности личности, недостаточно основываться лишь на данных количества иллюзорных восприятий в опытах фиксированной установки.

Для придания большей определенности значению величины иллюзии, мы экспериментально изучили вопрос ее отношений с некоторыми другими центральными характеристиками личности. С этой целью провели комплексные опыты на 100 испытуемых методом фиксированной установки в галтической модальности, методом беседы и опросниками Айзенка и Тейлора. Если результаты, полученные методом беседы и вышеуказанными опросниками, сильно расходились, то это учитывалось

во время подсчета очков. С помощью формулы $r = \frac{S-D}{S+D}$ были получены следующие значения корреляции: между величиной иллюзии и

экстраверсией $0 = +0,72$, между величиной иллюзии и невротизмом $0 = -0,8$, а между величиной иллюзии и уровнем тревожности $0 = -0,65$. Для всех величин корреляции $P < 0,05$.

По Айзенку, экстраверт более объективная личность, интроверт — более субъективная. В процессе адаптации экстраверт проявляет большую поведенческую активность, чем интроверт. Самоконтроль у экстраверта меньше, чем у интроверта, что является следствием легкости приспособления экстраверта. Экстраверт находится в тесном контакте со средой, а интроверт характеризуется большей изолированностью и т. д. Невротик характеризуется тревожностью, агрессивностью, пессимизмом, асоциальностью, легкой раздражимостью и т. д. Личность с высоким уровнем тревожности характеризуется дисгармонией, высокой реактивностью, неуверенностью в поведении и т. д. [4,8]. Таким образом, опросниками Айзенка и Тейлора изучается способность к приспособлению личности к окружающей среде.

Для изучения значения установочной модификации в приспособительной активности человека мы провели эксперименты также и «Опросником приспособляемости» Х. Белла и методом фиксированной установки. Опросник состоит из шести шкал: 1. приспособляемость к семье, 2. приспособляемость здоровья, 3. покорность (социальная адаптация), 4. эмоциональная приспособляемость, 5. враждебность и 6. мужественность — женственность. Из них были использованы только четыре (2, 3, 4 и 5), являющиеся наиболее валидными. В опытах участвовало 60 испытуемых (студенты ТГУ). Между величиной установочной иллюзии и приспособляемостью здоровья с помощью той же формулы была получена корреляция $0 = -0,41$, между величиной иллюзии и покорностью — $0 = -0,54$, между величиной иллюзии и эмоциональностью — $0 = -0,75$, а между величиной иллюзии и враждебностью — $0 = -0,24$; для всех значений корреляции $P < 0,05$. Заметим, что большее количество набранных очков по каждой шкале означает большую трудность в приспособлении.

Малое количество очков по шкале приспособляемости здоровья указывает на то, что в прошлом студент не переносил физических болезней или, если перенес, они не беспокоили его настолько, чтобы стать причиной определенной неуверенности, и что ему удалось выработать к ним приемлемое отношение. Индивиды с низким количеством очков по шкале покорности обычно полны веры в себя и мало обращают внимания на то, что думают о них другие. Они охотно выступают перед группой и умеют говорить без волнения. Вследствие этого, сами того не замечая, часто совершают поступки, оскорбительные или несправедливые по отношению к другим. В терминах В. Джемса «сильные» противопоставлены «слабым». Большое количество очков по шкале эмоциональности показывает, что индивиды — открыто нервные, возбужденные, легко ранимы, осторожны, т. е. имеют склонность к неадекватно повышенному реагированию на вещи, не имеющие столь высокую значимость для большинства. Большое количество очков по шкале враждебности указывает на отрицательное отношение такой личности к обществу и, естественно, последствием являются серьезные нарушения в приспособляемости [2].

Таким образом, полученные результаты показывают, что личность, характеризующаяся малой величиной установочной модификации, выраженной в величине иллюзии, обыкновенно испытывает затруднения в приспособлении к среде. Такой итог правомерен для данных, полу-

ченных с помощью и опросников Айзенка и Тейлора, и «Опросника приспособляемости» Х. Белла. Сама же трудность приспособления заключается в том, что у личности с низкой установочной модификацией затруднено создание установки, адекватной изменившейся среде, и она входит в новую ситуацию со старыми фиксированными установками, «конфликтует» со всяким требованием извне отклониться от них. Чем с большей степенью может модифицироваться личность, тем больше возможностей у нее находиться в гармонии со средой, имеющей различную степень новизны ввиду непрерывного изменения. Итак, чем больше установочная модификация личности, т. е. чем больше у нее установочная иллюзия, тем более адаптивна данная личность, тем гармоничнее она.

И, наконец, то, что установочная иллюзия действительно является проявлением фактора модификации личности, подтвердилось еще и экспериментальными данными, полученными на основе исследования больных с нервными и психическими расстройствами (невротики и шизофреники). Предварительно обследованных больных мы изучали методом фиксированной установки в гаптической модальности. В опытах принимали участие 40 больных с неврозом и 35 больных с шизофренией. Средняя величина установочной иллюзии у шизофреников оказалась 10,5 мм, стандартная погрешность 0,92 мм. Средняя величина установочной иллюзии у больных неврозом оказалась 14,8 мм, стандартная погрешность 0,8 мм. Что же касается величины установочной иллюзии у 50 здоровых испытуемых со стабильной нервной системой, то она равна в среднем 20 мм, стандартная погрешность 0,6 мм. Значимость разницы между средними величинами установочной иллюзии мы определили по t критерию Стьюдента. Для нормальных и шизофреников $t = 8,6$, $P < 0,0005$, а для нормальных и невротиков $t = 5,2$, $P < 0,0005$, т. е. полученные разницы статистически значимы.

Проведенное исследование действия фиксированной установки относится к импульсивному плану психической активности личности человека. Однако в приспособлении к среде важное место занимает и план объективации. Это видно из следующего. При установлении у личности, например, низкой приспособляемости вышеописанными опросниками, как правило, величина установочной иллюзии оказывается ниже среднего. Но не все индивиды, имеющие такую величину иллюзии, плохо приспособляемы. Механизм, который порой компенсирует трудность в приспособлении, есть объективация. Активность же плана объективации у всех разная. Наибольшее затруднение в приспособлении имеют те люди, у которых и величина установочной иллюзии малая, и активность объективации низкая. Такими являются, например, шизофреники.

Существующие методики изучения явления объективации призваны лишь проявлять включенность или невключенность объективации в деятельность субъекта. Однако остается в стороне момент самой активности объективации, т. е. интенсивностный аспект, который может занимать важное место в психической структуре личности. Сфера, где наиболее сильно разворачивается деятельность объективации, — это сфера активной фантазии. Поэтому для «измерения» активности объективации мы избрали метод фиксации установки в воображаемой установочной ситуации (Р. Г. Натадзе, 3). Показателем активности объективации брали величину иллюзии, возникшей на основе лишь воображаемой установочной ситуации (в гаптической модальности). Опыты проводили на здоровых испытуемых, невротиках и шизофрениках. Из 50 здоровых испытуемых иллюзия возникла у 37. Средняя величина

иллюзии оказалась 6,5 мм, стандартная погрешность 0,5 мм. Из 35 шизофреников иллюзия не возникала ни у кого. А из 40 больных неврозом иллюзия возникла у 10. Величина иллюзии в среднем равнялась 1 мм, стандартная погрешность 0,35 мм. Разница между средними по критерию Стьюдента $t = 9$, $P < 0,0005$. Отсутствие иллюзии у шизофреников и малая ее величина у скудного количества нервнобольных, по сравнению со здоровыми испытуемыми, говорит о важности установочной модификации в сфере воображения в приспособительной активности человека.

Важность фактора модификации нами изучался и в некоторых других аспектах. Так например, изучалось смещение оценки природно-фиксированных в субъекте частот графем языкового алфавита под влиянием экспериментального материала с обратно-пропорциональным распределением этих частот по отношению к частотам их употребления в литературном языке. Изучался и характер смещения оценки личностью эстетических объектов под влиянием материала различной для нее эстетической ценности. В обоих случаях происходило смещение оценок (эталонных установок субъекта) в сторону уподобления внешним воздействиям и это смещение тем больше, чем больше величина установочной иллюзии субъекта. С другой стороны изучалось также значение установочной модификации, как в реальной ситуации, так и в сфере воображения, на примере творческой деятельности художников (дизайнеров). Методом экспертных оценок наиболее высокие оценки получили работы тех художников, которые имели величину иллюзии, в обоих сферах выше остальных.

Таким образом, установочная модификация, выраженная в величине иллюзии, являясь центральным фактором деятельности личности, определяет характер ее активности как на импульсивном уровне, так и на уровне объективации.

ЛИТЕРАТУРА

1. დ. ბ. უზნაძე, შრომები, ტ. VI, თბილისი, 1977.
2. Белл Хью, Пособие для администрирования и оценки опросника приспособляемости, Братислава, 1972, (перевод).
3. Натадзе Р. Г. Воображение как фактор поведения, Тбилиси, 1972.
4. Норакидзе В. Г. Методы исследования характера личности, Тбилиси, 1975.
5. Прангишвили А. С., Герсамя Е. А. «Психол. журнал», т. I, № 1, 1980.
6. Философские проблемы теории адаптации. Под ред. Г. И. Царегородцева. М., 1975.
7. Эшби У. Р. Конструкция мозга, М., 1962.
8. Anastasi Anne, 'Differential Psychology, New-York, 1958.
9. Piaget J., Lambercier, M. Arch. Psychol., XXX, 139—196, 1944.

Представлена Институтом психологии им. Д. Н. Узнадзе АН ГССР

ჩვენი მემკვიდრეობა

В декабре 1980 г. философская общественность Грузии отметила 80-летие со дня рождения К. Р. Мегрелидзе. Предлагаем читателю статью выдающегося грузинского философа, опубликованную впервые в 1935 г. в сборнике «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру».

К. Р. МЕГРЕЛИДZE

О ХОДЯЧИХ СУЕВЕРИЯХ И «ПРАЛОГИЧЕСКОМ» СПОСОБЕ МЫШЛЕНИЯ

(Реплика Леви-Брюлю)

Чтобы вначале же очертить общие контуры и сразу ввести читателя в курс излагаемого, мы сейчас же формулируем в виде вопросов те положения, к которым мы пришли в результате анализа, как к выводам и заключениям, и которые лежат в основе настоящей статьи.

1. Действительно ли магическое мышление, описываемое Леви-Брюлем¹, является исключительным уделом примитивного сознания, и правда ли, что иной способ мысли недоступен так наз. примитивному сознанию?

С другой стороны, не наблюдается ли время от времени магический строй мысли и у людей современного нам культурного круга рядом с обычным причинно-следственным мышлением в реальном плане. Когда именно наблюдается и что бы это могло значить?

2. Правильно ли, что источником магического образа мыслей является особое устройство сознания на той ступени развития, которая описывается Леви-Брюлем? или, быть может, это зависит также и от материала мышления, от объектов и задач осмысления, от состава, строения и взаимного расположения данных (объективных) самого опыта.

Приведем ряд фактов в качестве примеров магического мышления и установим общие им черты. Примеры эти мы будем брать большей частью из работ самого Леви-Брюля, чтобы на его собственном материале показать возможность и необходимость иного толкования.

Какое-нибудь частное явление, напр. порубка дерева, может вызвать, согласно поверию, сильнейшее волнение моря. «На Никобарских островах, — рассказывает один путешественник, — некоторые вожди племени муси, лапатаи и других явились ко мне и просили меня не на-

¹ Из многих публикаций Леви-Брюля укажем следующие основные: «Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures», Paris, 1922. «L'âme primitive», Paris, 1927. «La discussion. La mentalité primitive (Bull. De la Société française de philosophie, 1923)». 7. „მაცნე“, ფილოსოფიისა და ფსიქოლოგიის სერია, 1981, № 1

чинать работы по постройке моей палатки до возвращения их людей из Чаура. Дело в том, сказали они, что вследствие этой новой работы море может разбушеваться, как это однажды случилось по причине порубки дерева на их кладбище у берега моря. Это заставляет их опасаться, как бы их люди не утонули» (с. 24)².

Дурное или хорошее происшествие с портретом соответственно отражается на судьбе изображенного в нем лица. Netherwick рассказывает о туземцах Центральной Африки: один из вождей сперва позволил себя сфотографировать, а потом, видимо убоившись фотографии, просил отправить ее подальше. Фотография была послана в Англию. Через несколько месяцев после этого он заболел и болезнь была приписана дурному случаю, который мог произойти с фотографией (с. 28).

Повсюду встречается поверие, сохранившееся и до наших дней, что произнесенным словом можно вредить, что имя, название имеют силу и могут оказать на вещи и события прямое воздействие. Отсюда же разного рода заклинания, заговоры, колдование словом, а также обычаи непрямого наречения, напр., в некоторых районах Грузии до самого последнего времени избегают произнести название змеи ზველი: вместе него говорят უხსენებელი, т. е. «тот, чье имя нельзя упомянуть»; оспу не называли ее настоящим именем, а всегда как «господние гости». Не говорили (и до сих пор еще не говорят, несмотря на то, что мало кто этому верит) «оспа свирепствует» или «у нас оспа», а вместо этого всегда: «к нам изволили пожаловать господние гости», опасаясь, что непочтительный прием, оказанный этой болезни, может разгневать ее, и тогда болезнь беспощадно возьмется за больного и не отстанет, не умертвив. Такое объяснение дают сами хранители этих обычаев.

Количество таких примеров можно было бы умножить по желанию. В этой области, как известно, собран колоссальный материал. Фрезер пытался чисто эмпирическим путем классифицировать эти материалы и установить ряд групп и подгрупп магии: гомеопатической, симпатической, контактной и т. д.

Мы ставим вопрос: типологически, не то же ли самое, не такой же ли, по существу, тип мышления представляют обиходные суеверия, распространенные повсюду и в наши дни, как, напр., следующие, взятые из различных областей провизорно, без всякой системы и последовательности:

Если черная кошка пересекла дорогу — это предзнаменование несчастья и следует обойти или совсем уж возвратиться назад. Сюда же относится и поговорка о «черной кошке, пробежавшей между» двумя, что якобы ведет к взаимным неприятностям и ссоре.

Если день для кого полон разного рода неудачами и неприятностями, про него говорят: он, видимо, встал сегодня с левой ноги.

² Леви-Брюль. Первобытное мышление (русский перевод), 1930. В дальнейшем все ссылки на эту работу, с указанием соответствующих страниц, взяты в скобки.

Подсчет неизвестного числа предметов, напр., при помощи отрывания лепестков с приговариванием да — нет. Успех или неуспех задуманного, исполнение или неисполнение желания сигнализируется или даже «зависит» от ответа, на котором процесс остановится. Вариация на ту же тему: игра «любит—не любит», распространенная некогда у гимназистов и институток и т. д.

Если зеркало разбилось — это предвестник большой неприятности.

Заметив впервые новую луну, кто сразу подумает о желаемом, желанное исполнится.

«Счастливые» и «несчастливые» вещи, принадлежности одежды, туалета, разного рода амулеты и т. д., в которые верят, носят с собой при ожидании судьбы и в дни, особо важные для данного лица. В школе дети в день экзамена берут камушки в карман, чтобы быть твердыми, — «сердце как камень».

Когда звенит в ушах — это предзнаменование несчастья (смерти кого-либо), происшедшего в направлении, куда обращено вешее ухо, и т. д. и т. д. — таких суеверий бесконечное множество. Они встречаются повсюду и не только по причине общей культурной отсталости, малообразованности и темноты. Они распространены в кругах великосветских джентльменов, просвещенных артистов, государственных деятелей, ученых и т. д. не в меньшей мере, чем в массах, и в значительно большей степени чем в кругах пролетариата.

Раз эти суеверия постоянно оживают, возрождаются, циркулируют в известных кругах, а многие из них создаются, «изобретаются», как новые, раз они столь живучи, — очевидно, существуют определенные объективные условия, которые их поддерживают, и источники, которые их постоянно питают. Если сознание людей определенных социальных кругов столь часто проявляет склонность к суевериям и пристрастие к нереальным мыслительным сопоставлениям, то должны, по-видимому, существовать объективные основания, поддерживающие такие тенденции сознания, ибо нарочно нельзя быть суеверным. Мы полагаем, что существование подобных суеверий имеет реальную основу в объективном составе и строении опыта. Они находят опору прежде всего в таких условиях жизни, где успех человека зависит не столько от его стараний, сколько от чуждых обстоятельств, воздействовать на которые он не в силах, где нет уверенности в том, что определенное действие и известное средство приведет непременно к цели, где по объективным причинам не может существовать наперед предусмотренного результата и точно рассчитанного целеосуществления, где очень часто все зависит от игры случая, не подлежащего контролю и воздействию, как, напр., положение охотника, рыболова и т. д. Такие условия по существу своему и объективно суть «условия судьбы», «гадательные условия».

В таких «гадательных» условиях приходилось человечеству жить долгий период. Высказывая же сейчас в общей форме заключения, к

которым мы пришли в результате анализа, можем сказать, что магический способ мысли возникал и утверждался в период господства, главным образом, охотничьего хозяйства и под прямым влиянием непостоянства условий жизни на этой ступени развития. Тем более, что по данным истории материальной культуры и палеонтологии речи, эти состояния (т. е. период магического мышления и охотничьего хозяйства) хронологически совпадают и покрывают друг друга. Чтобы укрепиться в этом предположении, достаточно сравнивать верования, обычаи и вообще духовную культуру племен охотничьих, где бы они ни встречались, начиная от американских индейцев до наших сванов, с духовным обликом племен, не дошедших еще до охоты (как, напр., племя кубу, живущее в лесной части о. Суматры, описываемое В. Фольцем, не знающее никаких обрядов, даже во время похорон, никакого магизма, никаких нереальных страхов и не имеющее никаких представлений о сверхреальном, сверхчувственном, кроме представлений вещественно реальных), или же уже перешедших эту стадию развития. К этому прибавляется еще одно обстоятельство громадной важности: на этой стадии впервые становится возможным разделение труда по социально-производственным группам и происходит общественная дифференциация, а впоследствии, с сосредоточением магическо-обрядовых сторон жизни в руках особых лиц и особой касты, мы имеем дело уже с элементами социальных отношений господства, подчинения, вынуждения, присвоения и внутриобщественной борьбы. Особенно же знаменательно, что к этой же ступени развития относится, по прозорливому утверждению Н. Я. Марра, возникновение звуковой речи, входящей изначально в так наз. «труд-магическое действие» в качестве магического средства производства и общения.

Но в «положении судьбы» и «гадательной ситуации» приходилось бывать не только примитивным, в них приходится по временам и теперь попадать людям, в особенности связанным с известными отраслями деятельности, дохода, положения и т. д. И тогда склонность к нереальным связям и ко всякого рода суевериям можно наблюдать не только у первобытных, но даже и в самых интеллигентных кругах.

Они встречаются у весьма образованных и культурных людей почти всякий раз, когда они попадают в условия, где успех и удача зависит от стечения обстоятельств и факторов, которых они не в силах ни представить, ни влиять на них, ни изменить их.

В самом деле, в каких кругах более всего распространены эти суеверия?

Среди людей, преданных азартным играм (карты, тотализатор, рулетка и т. д.), нет такого действительно страстного игрока, который не верил бы в различные предзнаменования об исходе игорного дня, и не был бы полон всяких суеверий. Здесь встречаются известные общие, так сказать, традиционные игорные суеверия, которые, по возможности, соблюдаются всеми, напр., относительно ссуждения денег во время игры, перехода счастья в другие руки и т. д. Здесь же встречаются

частные и личные предзнаменования, будто бы испытанные и проверенные тем лицом, которое придерживается их, разного рода личные амулеты, как взять карты, когда прикупать и т. д. В общем, этот класс людей наиболее суеверен.

В театральном мире, когда артисту или режиссеру неизвестно, как их работу примет «многоголовое и всеильное существо», сидящее в театре, когда они в напряженной тревоге, не случится ли неожиданная, непредвиденная заминка на сцене, не пустит ли по нечаянности певец «летуха». В этой профессии встречается очень большое количество суеверных, и суеверие доходит иногда до поразительных мелочей. Притом любопытна статистика распределения количества суеверных в артистическом мире: чем ниже квалификация артиста и чем меньше претензий он имеет, тем меньше он суеверен, и чем выше артист — тем более он суеверен. По-видимому, здесь играет роль определенная примиренность со своим положением первых и постоянная тревога за себя вторых. Роль дурных или хороших предзнаменований здесь могут играть самые незначительные, не имеющие к делу никакого отношения вещи. Малейшее изменение раз принятого порядка в их уборной комнате прозрит отказом от роли, срывом спектакля и т. д.

Участники биржевой игры, покупающие и продающие ценные бумаги в надежде повышения или понижения и не могущие участвовать в закулисных манипуляциях биржевых акул, — всегда полны разного рода суеверий.

Моряки, в особенности старого флота, парусных судов, мало устойчивых против неожиданностей стихии и в высшей степени зависимые от капризов погоды.

Участники военных операций, когда человеческая жизнь зависит от случая, не поддающегося никакому контролю. Существует целый кодекс специальных фронтовых суеверий вроде запрета зажигания папиросы третьему лицу от одной спички, нарушение чего будто бы предвещает смерть одного из этих трех и т. д.

Нет почти такого, хотя бы высококультурного и интеллигентного человека, страстно преданного охоте, который в области, имеющей хоть какое-нибудь отношение к комплексу охоты, не был бы подвержен в сильнейшей степени разного рода бессмысленнейшим суевериям, ставящим в связь явления, которые никакого отношения не имеют ни между собою, ни к охоте. Это, однако, не мешает ему же быть во всех других областях своей деятельности, кроме охоты, высоко рациональным человеком с прекрасным чувством реальности, всесторонне взвешивающим во всех других случаях все вещи и события по их разумным основаниям и реальным причинам.

Таким образом, установлен важный факт, что суеверия распространены преимущественно среди людей, поставленных в зависимость от колебания обстоятельств, в ходе которых люди не могут участвовать, которые нельзя учитывать, контролировать, изменять. Суеверия

имеют место в условиях, где люди объективно поставлены в гадательную ситуацию, где они не столько активно сами строят свою судьбу, сколько вынуждены ее ожидать и где они сознают это свое положение зависимости от судьбы. Таким образом, возникают как бы известные гнезда суеверий, где они находят прибежище и почву. А рядом с этим в соседних областях опыта они не прививаются, не держатся, не имеют успеха.

Объясняется это тем, что если существуют подобные «условия судьбы», то существует, следовательно, постоянное поле опыта, держащее сознание в состоянии суеверного напряжения, тревоги и страха. Когда же устраняется такая ситуация и люди становятся зависимыми, главным образом, от себя самих, от своей деятельности, падает и суеверие, оттесняется из сознания склонность к нереальным сопоставлениям, мистическим связям и т. д., равно как устраняется основание для мифологического мышления и мифотворчества вообще³. Эта мысль с чрезвычайной образностью формулирована Марксом: «Разве был бы возможен тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого искусства, при наличии сельфакторов — железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Разве нашлось бы место Вулкану рядом с Roberts et Co, Юпитеру рядом с громоотводом, и Гермесу рядом с Crédit mobilier. Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи всоображения и, следовательно, исчезает вместе с действительным господством над последними» (Маркс, Введение к „Zur Kritik der Politischen Ökonomie“).

Поставьте дикаря в эти условия жизни — опадут все его суеверия, страхи, тревоги и прочие образования магического способа мышления без всякой агитации и убеждения словом. Поставьте, с другой стороны, человека культурного в положение, зависимое от судьбы⁴, и он, сам себе удивляясь, станет строить связи и заключения самые невероятные с точки зрения последовательного мышления, станет делать самые чудовищные сопоставления и начнет гадать по всяким мелочам. Заведутся у него «счастливые» и «несчастливые» галстуки, перочинные ножи, разного рода амулеты и т. д., которые никакого реального отношения с тем, что его действительно волнует и тревожит, разумеется, не имеют.

Нужно сказать, что одни из этих суеверий — общего характера и традиционны, вроде поверий о «разбитом зеркале», «черной кошке»;

³ Или же мифологические и суеверные мотивы переключаются и переосмысливаются таким образом, что не содержат в себе ничего магического. Напр., обычай прикрывания рта при зевании (а позднее перекрещивание рта), бывший когда-то предохранительным жестом от злого духа или болезней, которые могли проскочить в тело через открытый рот, теперь имеет рационализированный смысл «неприлично, мол, в обществе показывать открытый рот».

⁴ «Условия судьбы» дикаря не являются, разумеется, таковыми же и для культурного сознания.

другие — частного и личного порядка и импровизируются каждым от себя. Я знал одного артиста, человека высококультурного во всех отношениях, который придавал суеверное значение всевозможным мелочам, связанным с его сценической деятельностью, будучи убежден, что они приносят ему удачу или неудачу. Во все дни, более или менее важные и ответственные для него, он надевал, напр., самый истрепанный свой костюм только потому, сознался он однажды, что «эта пара много раз испытана, как наиболее счастливая из всех других. При ней всегда удача». Другая пара, с давних пор вышедшая из употребления, осталась совершенно новой, так как первый же день ее носки был полон для ее хозяина неприятностями всякого рода. Особенное пристрастие этот человек проявлял к своим галстукам, которые у него были распределены по степеням от «наиболее счастливых» (которые, к слову говоря, находились в плачевнейшем состоянии, что, однако, не мешало нежной привязанности к ним благодарного хозяина) — до «наиболее несчастливых», которые очень редко бывали в употреблении. То же относительно обуви и вообще всех мелочей. Это — суеверия, по существу индивидуального характера.

Можно, таким образом, отметить, что существуют суеверия, так сказать, «официальные», т. е. традиционные суеверия, и существуют суеверия частные, импровизируемые каждым на основе своего собственного опыта, суеверия индивидуального порядка.

Первые, т. е. традиционные формулы суеверия, по своему смыслу, разумеется, отличны от вторых, импровизируемых в отдельных случаях, ибо первые представляют некоторый исторический клубок, образовавшийся вокруг определенных объектов суеверий, составляющих как бы их ядро («черная кошка», «змея», «луна» и т. д.).

Нет сомнения, что они представляют остатки ранее существовавших воззрений и способов мышления, где эти объекты, надо думать, играли особую роль и имели иной смысл; с ним могли быть связаны представления культового порядка, тотемные, магических сил или еще иные.

Традиционные формулы суеверий несут дополнительный исторический смысл, которого нет у суеверий индивидуальных. Постольку же не подлежит сомнению, что традиционные суеверия требуют иного подхода и метода анализа, чем эти, изобретаемые при каждой надобности, ибо первые отражают в себе древние слои мировоззрения и мышления, тогда как вторые представляют, хотя чрезвычайно странные и необычайные, но все же только лишь сегодняшние мысли, возникающие при известных условиях и существующие в определенных областях опыта.

Но, с другой стороны, не подлежит сомнению также и то, что эти два ряда явлений имеют несомненно нечто общее. Это общее — прежде всего в тех силах, которые поддерживают существование и тех и других. Причины, их порождающие, и источники, их питающие, должны быть одними и теми же.

Мы ставим себе целью выяснить механизм мысли при магическом способе мышления и, вообще говоря, мышления в нереальном плане. Почему люди предпочитают такой способ мышления и каково строение поля сознания при этом?

Сознание во всех подобных случаях поставлено в следующее положение: события, в которых заинтересован субъект, складываются и протекают независимо от него, он не в силах воздействовать на них и изменить их; он не хозяин своей удачи и своей судьбы. Не он сам строит, обуславливает и создает свой успех; события складываются без него, чуждыми силами и навязываются ему. Опыт протекает при этом, как множество частных данных (вещей, фактов, происшествий) и неизвестно, какое из них имеет отношение к желаемому результату и влияет на него. Если бы результат создавался руками субъекта, последовательными его действиями и весь ряд отношений строился бы им самим, ему тогда были бы известны, какие из этих данных имеют отношение к делу и какие нет, он бы умел отличать реальные настоящие связи от нереальных.

Но этого нет, а потому все данные для него равноценны; любое из этих данных может играть роль всякого другого. Любой факт, каждое частное событие или отдельно взятая деталь может здесь играть столь же успешно роль знаменья, как всякая другая. В этом смысле не существует здесь никакого отличия настоящих и реальных от настоящих и мнимых отношений. Свобода допущений — не ограничена, ибо опыт по своему объективному строению не может опровергать одно допущение в пользу другого, но он не в силах также и подтверждать какое-нибудь из них.

Раз сознание вынуждено осмыслить объективно бессмысленный комплекс, т. е. связывать и соотносить факты, объективно не стоящие в прочных и проверенных связях, — единственная связь, которая возможна при этом, может быть только произвольно устанавливаемой связью, а не смысловой, подмечаемой сознанием в объектах, ибо опыт таковых не имеет и не обнаруживает, в реальном плане их связь нелегальна⁵.

⁵ Вероятнее всего, что магическое мышление не есть самая начальная стадия в развитии человеческого сознания. По мнению акад. Н. Я. Марра, собственно магической стадии мышления предшествовал значительный период времени господства ручной речи и реального мышления. Животные, напр., никогда не бывают суеверными, они не знают никаких нереальных страхов, нереальных примет, знаков и т. д. Дети до известного возраста также не проявляют никаких суеверий. Для того, чтобы стать суеверным, требуется не только попадать или находиться в «положении судьбы», но и уметь замечать, что находишься в таком именно положении. Животные, не поднимаясь до этой высоты осмысления, никогда не создают себе суеверий, магического комплекса, мистических примет и т. д., они видят только прямые значения, реальный смысл и свойства вещей, поскольку это им доступно, но никогда не воображают дополнительно к этому магических качеств, сил и т. д. Действительно, первобытное общество, следует полагать, не знало магического мышления, они

Следовательно, мышление здесь есть мышление произвольное, считающиеся с реальными и объективными данными вещей, не потому, что будто бы тип мышления сам по себе таков (т. е. что мышление мистично), как это думает Леви-Брюль, а потому, что строение опыта таково, что реальных связей между вещами и событиями не обнаруживает.

До сих пор все исследователи искали разгадку своеобразия мышления примитивных в самом сознании дикарей; между тем, причины эти следует искать не столько в самом сознании, сколько в тех объективных социальных и исторических факторах, которые поддерживают определенные формы мысли, питают и формируют их или не поддерживают и опровергают их.

Нельзя не заметить, что между нынешними обиходными суевериями и магическим мышлением примитивных, описываемых Леви-Брюлем, есть много общего⁶, что типологически они стоят близко друг к другу. Характерными для них обоих являются следующие черты:

1) Связь устанавливается часто между явлениями, не имеющими объективно никакого отношения друг к другу и не состоящими ни в какой реальной связи.

2) В этом смысле устанавливаемая связь «случайна» и «произвольна»⁷.

3) Связь, устанавливаемая таким образом между вещами и событиями, в большинстве случаев — не связь реальной причинности, а связь в каком-то нереальном плане, магического влияния и параллельных соответствий, знамения, приметы и т. д. При этом часто не существует различия между реальным планом и внереальным и произвольным.

Во всех этих случаях мы имеем дело с типом мышления, во многом напоминающим рассуждения некоторых сторонников бесконтрольного эмпиризма, вроде тех, которые считают возможным экономические кризисы поставить в зависимость от солнечных пятен, или появление кометы считают знамением предстоящих общественных бедствий, войн и т. д.

не знали магии, не колдовали, — об этом яркие свидетельства дают рисунки, статуэтки, предметы обихода и т. д., относимые к эпохе раннего палеолита, и их сравнение с такими же документами более поздних эпох, начиная с позднего неолита, где явно выступают магические воззрения.

⁶ Что здесь мы имеем дело с одинаковыми мыслительными структурами, этого не отрицает и Леви-Брюль. «Я не думаю оспаривать, — говорит он, — что все эти факты мистического способа мысли встречаются и в нашем обществе и что подобная структура мышления (мышление «партиципациями») встречается только у первобытных». Но Леви-Брюль считает эти пережитки в системе логического мышления своего рода атавизмами, нарушающими единство мышления. См. Леви-Брюль. Первобытное мышление, (русс. пер.), 1930, с. 4, 71, 320.

⁷ Произвольность связей и соотношений, устанавливаемых магическим мышлением, отмечается и признается почти всеми исследователями культурно отсталых племен (Тэйлором, Фрэзером, Леви-Брюлем, Туривальдом, Г. Фишером и т. д.).

В суевериях, как и при магическом мышлении, вместо причин мы имеем дело со «знамениями», «приметами», которые не сами воздействуют и вызывают события, а служат «символами», «приметами». Эти два ряда могут совершенно независимо друг от друга протекать, как два параллельных ряда. Между ними никакого реального соприкосновения может не быть. Магическая и суеверная зависимость устанавливается между такими явлениями в виде «параллельных соответствий».

Северо-американские индейцы, говорит Леви-Брюль, часто принимают затмение за предвестие смерти, войн, болезней. Знамение, однако, может и не предшествовать возмещаемому несчастью, оно может произойти и после несчастья: «дикари, видя лунное затмение 1642 г., — повествуют иезуитские отчеты, — заявили, что их не удивляет большое избиение, учиненное ирокезами над некоторыми их соплеменниками зимой этого года, так как они видели в лунном затмении знамение этого бедствия, однако наступившее позднее самого несчастья» (с. 190).

При этом способе мышления любое явление может рассматриваться как знамение и как причина другого, долженствующего случиться позже. Но также и наоборот — последовавшее событие тоже может рассматриваться как «причина» предшествовавшего ему во времени. В связи с этим, справедливо замечает Леви-Брюль, очевидно, мы искажаем эти представления магического способа мышления, истолковывая их в духе нашего закона реальной причинности, который предполагает необратимое временное отношение между причиной — antecedентом и вытекающим из него следствием (с. 190). На самом же деле эти явления соединены здесь иной связью, чем связью реальной причины.

В Танне (Новые Гебриды) «кажется почти невозможным определить, как идеи туземцев ассоциируются между собою. Однажды ночью на землю выползла черепаха и отложила в песок свои яйца. Она была поймана в этот момент. Никогда на памяти туземцев не случилось ничего подобного. Они сейчас же сделали заключение, что христианство явилось причиной того, что черепаха снесла яйца на берегу. Туземцы сочли поэтому нужным отдать черепаху миссионеру, который принес сюда новую религию» (Леви-Брюль, с. 45).

«Однажды вечером, — рассказывает Fr. Sagard о северо-американских индейцах, — когда мы беседовали о животных страны, я, желая показать туземцам, что у нас во Франции водятся зайцы и кролики, при помощи теней моих пальцев изобразил против света на стене фигуры этих животных. По чистой случайности туземцы на следующий день наловили рыбы больше обыкновенного; они решили, что причиной богатого улова были именно те фигуры, которые я им показал, и принялись упрашивать меня, чтобы я каждый вечер делал то же самое» (с. 45).

Во всех подобных случаях, по мнению Леви-Брюля, связь между этими явлениями «состоит в мистической связи между предшествую-

шим и последующим, которую представляет себе первобытный человек и в которой он убежден, как только он себе ее представил... по представлению первобытного одно обладает способностью вызвать появление другого» (с. 46). Это объяснение ничего еще не говорит о том, почему сознание примитивного связало именно эти явления между собой, почему оно поставило улов в зависимость от игры теней на стене, а не от лая собаки, от покотившейся звезды или какого-нибудь другого частного явления, происходившего в то же время.

Вот это обстоятельство, оказывается, не имеет никакого объяснения общего характера, потому что, как показывает материал, относящийся к состоянию мышления на этой ступени развития, действительно никакой необходимости нет в том, чтобы сознание дикаря поставило улов непременно в зависимость от теневых фигурок. Оно с такой же легкостью может ставить его в зависимость от любого другого частного явления, и чаще всего так и поступает. С удивительной легкостью отказываясь от одного виновника, ставят на его место любого другого, третьего, десятого, столь же не относящихся к делу, как и первый.

В Новой Гвинее «в то время, когда я поселился со своей женой у моту-моту, — говорит Эдельфельдт, — свирепствовал по всему побережью род эпидемии плеврита... Нас, естественно, обвинили, меня и жену, в том, что мы привезли с собой посланца смерти и стали требовать промкими криками, чтобы мы, а вместе с нами и учителя полинезийской школы, были подвергнуты смертной казни... Следовало, однако, указать непосредственную причину эпидемии. Сначала обвинили бывшего у меня несчастного барана: пришлось его убить, чтобы успокоить туземцев. Эпидемия не переставала косить людей и туземцы взялись за двух моих коз, которых, однако, удалось спасти. В конце концов, проклятия и обвинения туземцев оказались направленными на большой портрет королевы Виктории, которой был прибит к стене нашей столовой. До эпидемии туземцы приходили часто посмотреть этот портрет и целыми часами глядели на него. Теперь это безобидное изображение превратилось в причину разрушительной эпидемии» (с. 45).

Сначала виновником нечаястья являются чужестранцы, потом баран, затем две козы, а затем еще портрет, висящий на стене. Это безразличие объекту обвинения, где вместо одного виновника может быть выставлен любой другой, эта легкость, с которой примитивное сознание может ставить в связь любые явления с любыми, не имеющими друг к другу никакого отношения — все это доказывает с очевидностью, что объективно безразлично сопоставление тех или других явлений: они не контролируемы реальными, объективно существующими связями, все они в равной степени случайны в отношении к искомому событию и в одинаковой мере не относятся к делу; потому и способ связи заключается здесь в том, что связываются вещи и события, между которыми никакой связи не существует. Но это, вместе с тем, един-

ственный способ связи, какой в этих условиях может быть вообще установлен, а потому такой и устанавливается.

Естественно возникает вопрос: почему же сознание выбирает из множества данных вещей и событий именно бессмысленные, т. е. такие, которые объективно к делу не относятся, почему оно хватается именно все мнимое и ложное, делая их виновниками, а не ищет причин более правдоподобных и более реальных?

Правомочен был бы такой вопрос в том случае, если бы объективный состав и строение опыта давало возможность такого различия, если бы опыт что-либо сообщал о реальных факторах и причинах в отличие от нереальных и мнимых. А если этого нет, если все, за что бы ни брались, столь же мало содействует удаче, сколь и любое другое, не относящееся к делу, если в конечном счете результат (удача или неудача) все-таки не зависит от субъекта и наступает независимо от того берется ли он за вещи, имеющие реальные отношения к этому⁸, или за вещи, не имеющие к нему никакого отношения, — то в таком положении действительно любое частное явление может играть роль хорошей или дурной приметы, предзнаменования и т. д. столь же успешно, как и всякое иное.

Стало быть, где же человеку в таких случаях искать и как ему найти более близкие и к делу относящиеся связи, если все, что ему дается в опыте, одинаково не относится к делу и результат наступает независимо от всего этого?

В этих условиях сознание устанавливает случайные и нереальные связи между явлениями не потому, что сознание само, как таковое, мистично и не потому, что в нем укоренились и сидят «коллективные представления» с присущими им свойствами мистического характера (напротив того, сами традиционные объекты культа могли приобрести всяческие силы и свойства и стать универсальными агентами только на том основании, что опыт не препятствовал строить всякие бессмысленные и внереальные связи, и культовый объект мог свободно выступать виновником всего), а потому, что других, более правдоподобных и реально связанных событий опыт в этих случаях ему не дает. Потому и получается, что в области магических отношений девизом для первобытного мышления, по определению Леви-Брюля, могла бы служить формула «любая причина может вызвать любое следствие». Нет такого превращения, нет такого странного, невообразимого действия на расстоянии и нет таких вещей, которых не могло бы представить и связывать суеверное мышление.

Но в тех областях практической деятельности и мышления, где опыт более реально построен и человек является творцом своего положения, — и мышление примитивного строит столь же реальные связи, как и наше. Об этом мы будем говорить ниже.

⁸ Во время охоты, напр., незначительное постороннее явление, врываясь неожиданно в точно рассчитанный план действий, может все перепутать.

В тесной связи с этим стоит еще один вопрос, выдвинутый Леви-Брюлем в качестве положения, что «мышление первобытных непроизводимо для опыта», что, якобы, «опыт ничему не может их учить».

Нужно сказать, что здесь дело обстоит несколько иначе и несколько сложнее, чем это изображается Леви-Брюлем. Будет в высшей степени неточно, если не неправильно, сказать, что «опыт не в состоянии их ни разуверить, ни научить чему-нибудь» (с. 47). С фактической стороны просто неверно, будто опыт никогда не изменяет мнения примитивных, будто они не заменяют одних предположительных виновников (по нашему — причин) другими. Напротив, они часто это делают, но весь вопрос в том, что они могут или могли бы с таким же успехом и не делать этого, ибо новые заключения, которые они делают вместо отвергаемых, вполне равноценны первым. Когда, напр., не удается одно обвинение, выставляется другое, третье и т. д. Когда в занесении эпидемии не удалось обвинить непосредственно людей, обвинили барана, когда баран был устранен, обвинили коз, а затем обвинение пало на портрет. Опыт, как видите, влияет и даже как будто «корректирует». Но, отказываясь от одних связей и сопоставлений, делаются другие сопоставления, ничуть не лучшие, а в точности такие же произвольные, как и первые. Отвергая одни связи и принимая другие, такие же произвольные, сознание в подобных случаях все-таки находится в сетях нереальных связей и сопоставлений, постоянно ими питается и не покидает своей позиции. Так что в конце концов безразлично, отказываются ли от первоначально принятых связей и ставят на их место другие, или не отказываются от них. Это не имеет никакого значения, ибо и то и другое равноценно — способ мышления остается тем же. То, что они при этом не изменяют способа мыслимых связей и что все новые сопоставления остаются такими же произвольными, как и раньше, — причина этого, как мы видели, в условиях жизни и данных мышления, в материале осмысления, т. е. в определенном строении опыта.

Когда Леви-Брюль говорит, что «опыт не учит и не может их научить чему-либо», то это вполне согласуется с основными воззрениями социологической школы Дюркгейма, согласно которым сознание примитивных наперед заполнено мистическими категориями и представлениями, под которые подводится все преподносимое эмпирическим опытом, и которые, таким образом, ставят свою печать мистического на все окружающее. Выходит, что опыту действительно нечему их учить, да и не может опыт их учить. Здесь не опыт научает людей, а наоборот, сознание диктует свои законы опыту. Здесь не мышление строится согласно данным опыта, не сознание приспосабливается к обстановке, а, наоборот, — весь опыт и всю вещественную действительность сознание строит в мыслях согласно своим категориям. Как мы увидим дальше, это кантовская точка зрения, распространенная на область примитивного сознания. Мы же поговорим о том, что такому способу мышления, мышлению в нереальном плане, суеверию способу

мышления людей учит именно опыт, такое строение опыта, в котором нет указания на различие реального плана от нереального.

Мы исходим из того, что не сознание предписывает свои законы, принципы и категории действительности, а, наоборот, мышление строится согласно действительности и сообразно требованиям опыта. Сознание определяется вещественными условиями, объективным составом и строением опыта: каково строение и состав опыта, таково и сознание. К такому же заключению нас приводит анализ материала, излагаемого Леви-Брюлем, и нам кажется, что Леви-Брюль этому материалу до известной степени навязывает принципы и предположения социологии Дюркгейма.

Многих исследователей поражало то, что если даже причина события наглядна, дикари ее не замечают, а вместо того ищут магического агента. «Казалось бы, что тяжелой раны от удара копьем вполне достаточно, чтобы объяснить смерть раненого. Тем не менее, если раненый умирает, абигоны в своем безумии доходят до того, чтобы верить, будто не оружие убило человека, а злодейское искусство какого-либо колдуна», — замечал не без смущения Добрицхофер.

«Укус змеи, удар молнии, рана копьем, и т. д. не являются по представлениям примитивных действительными виновниками смерти человека, они, так сказать, только довершают акт «обреченности» человека» (Леви-Брюль, с. 248).

Леви-Брюль отмечает, что «примитивные часто твердо верят в связи, которые никогда не оправдываются на деле» (с. 47). А разве что-нибудь из того опыта, с которым люди имеют дело в этих условиях, оправдывается когда-либо с непреклонностью, чтобы им быть вообще в состоянии сопоставить и судить, что оправдывается и что нет? Разве этот человек, который лежит сейчас мертвым перед ними, умирал когда-нибудь до этого от раны? Разве он первый раз получил рану, и сколько вообще людей, не умиравших от раны? Опыт не показывает им, что причина смерти в ранении, напротив того, опыт дает им возможность думать, что виновником даже этой смерти от удара копьем в грудь может быть всякое частное, никакого отношения к этому не имеющее явление. Таких представлений уже не может быть в обществе, в котором тело человека так или иначе изучалось, напр., применением системы пыток, как в средневековье. Здесь уже приблизительно известно, повреждение каких частей тела вызовет верную смерть.

В той области, где люди своим непосредственным участием не строят вещи в опыт, — там опыт не дает им опоры для заключений об однозначной необходимой связи между явлениями, — опыт в этих случаях представляет для них стечение и последовательность фактов, не имеющих друг с другом однозначно смысловой связи, а имеет магические всевозможные отношения, конечный результат которых предопределяется не человеком, а судьбой, роком. Интересно было бы с этой

точки зрения выяснить, какую давность имеет представление о судьбе. По всем данным, это представление много древнее, чем представление о реальной причине; с другой стороны, данные языка и мифотворчества указывают, что на известной ступени развития представление о судьбе, роке играло чрезвычайно важную роль в мировоззрении людей, и это продолжалось до тех пор, пока не выступило представление о единоличном божестве, всемогущем, всеведущем и т. д., где рок переосмысления и был заменен божественным помыслом и предопределением.

Исходным положением у Леви-Брюля в толковании первобытного мышления служит допущение, что сознание примитивных наперед одержимо определенными представлениями, категориями мышления, которые управляют всем мышлением и всеми поступками этих людей, подобно тому, как нашим сознанием и мышлением владеют известные логические категории, без которых якобы невозможно никакое мышление. Только вместо наших логических категорий первобытное мышление располагает «коллективными представлениями», традиционно навязываемыми каждому отдельному сознанию с необходимостью. Все мышление и все поступки примитивных находятся постоянно во власти этих «коллективных представлений».

Возражая против общего положения, будто для того, чтобы мыслить, необходимы, кроме объектов мысли, дополнительно к ним еще какие-то особые категории мышления, будто мышление невозможно без этих категорий, мы, однако, не отрицаем того факта, что в практике мышления всегда можно найти те или иные трафареты, известные традиции мысли. Традиционные формы мышления, разумеется, существуют и до известной степени обременяют актуальное мышление. Тем более не подлежит сомнению существование этих традиционных форм мышления на той стадии развития общества, где чрезвычайно распространены различнейшие объекты культа, магические обряды, институты и т. д.; это факт, и мы не думаем его оспаривать. Мы не утверждаем также и того, что объекты культа у культовые представления людей могли бы возникнуть указанным нами путем, путем произвольных сопоставлений, связей и гаданий⁹.

Мы останавливаем внимание читателя на следующем вопросе: пусть известные вещи приобрели значение культовых объектов, — будь это какое-нибудь тотемное животное, солнце, дерево или еще что-нибудь другое, — но каким образом возможно, чтобы сознание могло их

⁹ Напротив того, мы полагаем, что культовые объекты и культовые представления этим путем не могли сложиться, ибо при произвольности мыслительных связей происходило бы не накопление и конденсация мистических сил и свойств вокруг определенных объектов, как их носителей, а, напротив того, происходило бы постоянное рассеивание их на всевозможные предметы, следовательно, мы не имели бы локализацию магических свойств вокруг определенных объектов, т. е. не имели бы культовых объектов. Культовые представления возникали и культовые объекты утверждались по другим причинам и на других основаниях.

мыслить виновниками событий, не имеющих к этим вещам никакого реального отношения? Известно, что для магического сознания вещи, выступающие как объекты культа, являются часто самыми универсальными деятелями и могут быть виновниками самых разнородных, а иногда и прямо противоположных событий или явлений. Мы говорим, что культовые объекты могут для примитивного сознания выступать в роли универсальных деятелей — агентов, и, действительно, выступают в качестве виновников самых разнообразных явлений на том основании, что на этой стадии развития общества строение опыта в известных областях позволяет мыслить любую вещь виновником любой другой вещи или события. Тем более, объекты культа могут быть таковыми в отношении ко всему, а, следовательно, они могут быть универсальными деятелями и виновниками. Культовые объекты могли приобретать всеохватывающие и самые универсальные познавательные функции только в условиях такого опыта.

Однако неправильно будет думать, будто мышление примитивных всегда и при всех случаях подчинено «закону партиципации», будто иных форм мышления, кроме магических и «партиципационных» в практике примитивных не встречается. Мы отмечаем, что фактически неверны утверждения Леви-Брюля о том, будто «для первобытного сознания не существует никогда просто физического факта (с. 25), без всякого наложения культово-магических свойств и характеристик», будто текущая вода, дующий ветер, падающий дождь и вообще любое явление природы, звук, цвет и т. д. никогда не воспринимаются в обычном порядке и в прямом смысле, а всегда лишь в их магическом значении и с мистическими свойствами¹⁰.

(Продолжение следует)

¹⁰ «Сознание первобытного, — говорит несколько далее Леви-Брюль, — уже наперед заполнено коллективными представлениями, под влиянием которых все предметы, живые существа, неодушевленные вещи или орудия, приготовленные рукой человека, мыслятся всегда обладающими множеством мистических свойств (разрядка наша — К. М.). (Леви-Брюль. Первобытное мышление, с. 47).

ფან 70 პპ.

651/139

Индекс 76195